

Ева Воляк

**АРХИПЕЛАГ
МОРЕ-
ПЛАВАТЕЛЕЙ**

Цена 50 коп.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3000
WWW.CHICAGO.EDU

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ева Воляк

АРХИПЕЛАГ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

91 (И9)
В 72

Ewa Wołak
ARCHIPELAG ZEGLARZY

Książka i Wiedza,
Warszawa, 1971

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), *А. Б. ДАВИДСОН*,
Н. Б. ЗУБКОВ, *Г. Г. КОТОВСКИЙ*, *Н. А. СИМОНИЯ*

Перевод с польского
В. И. АНДРУШОВА

Ответственный редактор
и автор послесловия
М. В. КРЮКОВ

Воляк Ева.

В 72 Архипелаг мореплавателей. Пер. с польск., М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1978.

246 с. («Рассказы о странах Востока»).

Автор книги, польский врач, знакомит читателя с Западным Самоа, где она провела три года. Книга рассказывает о традиционных полинезийских обрядах, старинных легендах, истории архипелага, а также о современной жизни народа первого независимого государства в Полинезии.

В $\frac{20901-143}{013(02)-78}$ —127-78

© «Książka i Wiedza», 1971.

© Перевод и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

ПРЕЛЮДИЯ К САМОА

В тот день в Джакарте было жарче, чем обычно. Несколько недель шли проливные дожди, и влажность воздуха достигала 90 процентов. Над центром города поднималось удушливое облако пара и выхлопных газов.

В представительстве ООН на улице Кебон Сири шла лихорадочная работа: уезжали эксперты, уничтожались документы, свертывались картотеки... Был февраль 1965 года. В связи с выходом Индонезии из Организации Объединенных Наций все эксперты и администрация должны были покинуть страну до 1 марта.

Мы наблюдали за тем, как из Информационного центра выносили большие ящики, полные книг, и ставили их на грузовики. Нас заметил Кит Китатани.

— Хэлло, Марк! — крикнул он. (После нескольких попыток произнести имя Збышек — Збск... все звали моего мужа Марком.) — Пришла депеша, что тебя переводят. И знаешь куда? Пошли покажу.

Он подвел нас к большой настенной карте. На голубом пятне Тихого океана я разглядела несколько точек. Одну из них — Самоа — кто-то обвел красным карандашом.

Так мой муж стал главным архитектором и строителем городов на островах, которые выглядят на просторах Тихого океана как следы от укола булавкой, а расположены — страшно сказать — на самом краю света.

Мы начали поспешно собирать сведения о Самоа, но никто ничего не знал. На помощь пришла литература. Я прочитала «Дождь» Сомерсета Моэма и упаковала побольше зонтов и плащей. Потом кто-то познакомил нас с бывшим представителем одной западногерманской

фирмы в Апия, столице Западного Самоа. Он сразу же размечтался, как только услышал о Самоа.

— Господа, это же лучшие годы моей жизни! Но... — он посмотрел на меня и вздохнул, — тогда я еще не был женат.

Мы отправились в путь. Преодолевая несколько сотен миль за раз, через Перт, Сидней, Веллингтон мы добрались до Нанди на островах Фиджи. Здесь мы впервые вкусили прелести жизни южной части Тихого океана: цветы в волосах, венки, укулеле... Воздух был насыщен ароматом китайской розы...

В приподнятом настроении мы направились к самолету. Им оказалась старая «Дакота» полинезийских авиалиний, при виде которой в мою душу закралось беспокойство; машина выглядела так, словно ее минуту назад приволокли со свалки металлолома. Вся в ржавых пятнах, обшарпанные кресла, грязные окна...

— Сколько миль отсюда до Апия? — шепотом спросила я мужа, чтобы меня не услышала наша пятилетняя дочь.

Магда, несмотря на свой возраст, имела богатый опыт по части «авантюристических предприятий» своих родителей. Поэтому в сомнительных ситуациях она решительным тоном заявляла «боюсь» и отказывалась принимать в них участие.

— Не знаю. Наверное, как от Варшавы до Москвы, — так же шепотом ответил Збышек.

Сначала все шло хорошо. Самолет немного дребезжал, но летел прямо и не слишком качался. Но как только наступила ночь, началось что-то страшное.

— Ничего, — успокаивала нас, восьмерых пассажиров, прелестная стюардесса. — Это просто пора ураганов... — она не успела закончить фразу, как «Дакота» резко спикировала вниз, и стюардессу отбросило на несколько метров к кабине пилота. Ураганный вихрь играл машиной, как шариком для пинг-понга. Дождь сквозь щели просачивался в салон, заливал кресла и одежду, смешиваясь с ручейками пота. Минуты превращались в часы, а страх сменялся отупением. Прошло уже пять часов с момента вылета из Нанди, но огней Апия все еще не было видно.

Наконец все утихло. Мы — на аэродроме. Вдоль взлетной полосы горят огоньки керосиновых ламп. Оглу-

шенные и ко всему безразличные, выходим из самолета. Кругом — тишина и спокойствие. Только издали доносится глухой шум моря, а рядом, в пальмовой рощице, звенят цикады. Аэродром, покрытый мягкой травой, благоухает, как свежескошенный луг.

По дороге в Апия из-за туч выглянула луна, проложив в океане серебристую, как чешуя щуки, дорожку. Луна осветила неподвижные лапы кокосовых пальм и придорожные лачуги. В некоторых еще горел свет. Силуэты людей резко выделялись на фоне белых москитных сеток. Фары автомобиля вырывали из тьмы живописные группы парней и девушек, сидевших на обочине дороги. Они показались мне красивыми и беззаботными.

Эти первые впечатления от Самоа навсегда остались в моей памяти. Более того, первоначальное восхищение со временем переросло в постоянное и сильное чувство.

Мы прожили на островах три года — очень маленький срок для того, чтобы по-настоящему узнать страну со своеобразной культурой, сильно отличающейся от европейской, и не дать обмануть себя всему показному, рассчитанному на туристов. Я познала Самоа настолько, что могу выделить то неповторимое, исключительное, бесценное и одновременно непрочное, которое еще живет в эту минуту, но уже начинает разрушаться, а завтра, возможно, умрет. Это — искренность и непосредственность человеческих чувств, доброжелательность и безмятежность, простота и первозданная красота. Так и просится на язык избитое выражение — самоанцы носят в себе солнце.

До сегодняшнего дня они сохранили свои вековые традиции. Не только показательные или рассчитанные на праздники. Ими насыщена вся повседневная жизнь аборигенов. Время остановить нельзя, его можно задержать, да и то ненадолго. Появление новых ценностей неминуемо грозит гибелью старым. Но не всем. Самоанцы — гордый народ. Они сознают своеобразие своей культуры и исторического наследия. Их привязанность к традициям иногда граничит с навязчивой идеей. Что удастся им сохранить из прошлого? Не будет ли это только формальным выполнением церемониала ритуальных слов и жестов, изживших свое содержание? Сумеют ли они оградить страну от превращения ее в му-

зей-резервацию для туристов и одновременно сохранить свою индивидуальность, неповторимость?

Мы пробыли на Самоа только три года, но за этот короткий промежуток времени здесь произошло больше событий, чем за предыдущие пятьдесят лет. Однако важнее всего то, что уже через несколько лет после завоевания независимости отчетливо начала вырисовываться линия будущей жизни страны. Молодая администрация набиралась опыта, училась разрешать конфликты между требованиями нового времени и существовавшей многие столетия общественной структурой. За период 1965—1968 гг. произошли крупные и мелкие события, которые, как мозаичные стеклышки, творили образ будущего Самоа.

На наших глазах вырос морской порт в Апия. В Асау на острове Савайи строился второй. В центре города появилась отвоёванная у моря дополнительная территория площадью в 28 акров, где под толстым слоем песка и кораллового щебня похоронен остов прусского военного корабля «Адлер». Построено первое промышленное предприятие на Самоа — фабрика по производству мыла и кокосового масла. В это же время здесь открылась новая школа тропического земледелия, самая крупная и лучшая в этом районе Тихого океана. Впервые была проведена широкая кампания против филариоза, болезни, вызывающей распухание конечностей до слоновьих размеров, которая на протяжении столетий была проклятием островов Самоа. Утвержден первый план застройки столицы. Мы были свидетелями очередных выборов в парламент, а также замены монетарной системы на десятичную. Пережили мы и трагический для хозяйства страны ураган столетия.

В 1967 г. парламент принял решение предоставить могущественной калифорнийской деревообделочной фирме «Потлач Компани» земли на острове Савайи. Это решение примечательно тем, что оно коснулось ревниво оберегаемых Samoan customary land, то есть территорий, по бытовому праву принадлежащих отдельным семьям.

На рубеже 1967—1968 гг. на Самоа прибыли 115 молодых американцев из Корпуса мира. Большинство из них закончили высшие учебные заведения. Их направили на два года на архипелаг для работы в ведомствах здравоохранения, народного образования, общественных

работ и т. п. Если принять во внимание, что население Западного Самоа насчитывает, согласно последней переписи 1966 г., 131 377 человек, из которых более 50% составляют дети моложе пятнадцати лет, то становится ясно, что это не могло пройти без последствий для всех форм общественной жизни на Самоа.

В общем развитии страны не последнее место занимает форсированное развитие туризма, которое опирается на тесное сотрудничество американского Самоа с крупными туристическими агентствами Соединенных Штатов.

Итак, страна, находившаяся свыше полусотни лет под опекой Новой Зеландии, попадает в еще большую зависимость от США. Проникновение американцев в центральные учреждения страны, в каждую область общественной и экономической жизни в качестве то высококвалифицированных специалистов промышленных компаний, то служащих туристических бюро или Корпуса мира, фактически ставит в зависимость народ Самоа от Соединенных Штатов Америки, что, конечно, тревожит многих самоанцев.

Один журналист в решающий момент парламентской дискуссии, касающейся передачи некоторых земель в аренду «Потлач Компани», сказал:

— В настоящее время стране необходимы «Потлач» и другие подобные компании. Но мы должны быть уверены в том, что через десять-двадцать лет, когда средний гражданин приобретет достаточные экономические знания, правительство сможет проводить волю народа.

Но может ли быть такая уверенность?

Не берусь предсказывать будущее, так как пишу лишь о том, каким было Самоа вчера и в далеком прошлом, каким оно стало сейчас и что сохранилось в нем от прошлого, а что исчезло с течением времени.

Мне хотелось бы, чтобы эта книга приблизила к читателю Архипелаг мореплавателей с его красочным фольклором, очаровательными легендами, богатой природой и добрыми, прекрасными людьми.

ИЗБАВЬТЕ НАС ОТ ПЛАВАЮЩИХ БОГОВ...

Острова бога Тангалoa

— Самоа? Конечно, знаю, где находится Самоа!— авторитетно заявил один наш знакомый в Джакарте. Он посмотрел на карту и ткнул пальцем в... Самос.

Этот разговор состоялся во время небольшой викторины «Что ты знаешь о Самоа?», которую мы провели среди наших друзей незадолго до выезда в Апиа. Оказалось, что все вместе мы очень мало о нем знаем. Средний европеец представляет себе, что его нужно искать где-то на Тихом океане. Название «Самоа» ассоциируется у него с именем Роберта Льюиса Стивенсона, и он имеет на основе романов Конрада и С. Моэма вполне сложившееся мнение о пейзаже, климате архипелага и обаянии полинезийцев.

Знания об островах до сих пор бедны. Предполагается, что полинезийцы появились на Тихом океане где-то между 2000 г. до н. э. и 400 г. н. э. Прибыли они из Юго-Восточной Азии и заселили Самоа, Раротонга, Тонга и Таити. Постепенно они расселялись и по другим островам. На маленьких суденышках, ориентируясь по звездам, присутствию и отсутствию определенных видов птиц и направлению волн, они с женщинами, детьми и со всем своим имуществом пересекали Тихий океан задолго до появления здесь великих мореплавателей-европейцев.

К сожалению, у самоанцев не было собственной письменности. Поэтому трудно проследить их прошлое и отделить историческую правду от существующих легенд и мифов. Все события их жизни передавались устно из поколения в поколение. Их прошлое представляется каким-то сказочным, фантастическим, совершенно опровергающим научные гипотезы о загадочном появлении самоанцев на Тихом океане.

— Мы пришли не из Америки, не из Азии. Мы ведем свою родословную отсюда. Мы всегда были здесь.

Живя в самом сердце Полинезии, в двух тысячах милях от ближайшего континента, Австралии, и в четырех тысячах от Америки, они убеждены, что ведут свое происхождение прямо от... самого могущественного из плеяды полинезийских богов — Тангалoa Ланги.

Вот как, по их представлению, происходило сотворение самоанского мира. Великий Тангалoa взглянул на бесконечную лазурь морей и пожелал иметь там для себя место отдыха. Он воздвиг огромную скалу, а затем разбил ее на куски, которые, подобно камням для перехода лужи, разбросал по всему океану. Так появился архипелаг. Однако, измерив расстояние между островами, он нашел, что Уполу и Мануа слишком далеко отстоят друг от друга. Поэтому между ними он поместил утес, предназначенный для отдыха богов. Позднее этот остров-утес назвали Тутуила. Прodelав всю эту работу, Тангалoa ниспослал на землю святую лиану, которая разрослась по скалам. Листья лианы опадали и гнили, и из них возникали существа, подобные червям. Их заметил Тангалoa и превратил в людей. На каждом острове Тангалoa поселил по одной паре людей: Са и Ван на острове, который сегодня мы называем Савайи, У и Полу — на Уполу, Туту и Ила — на Тутуила. То и Га были перенесены на Тога (Тонга), в то время как Фи и Ти — на Фити (Фиджи). Тангалoa постановил также, что каждым островом будет править только один владыка, которому присваивается королевский титул Туи. Первый из созданных островов должен был стать местопребыванием короля королей. Эту высокую честь Тангалoa оказал еще не рожденному сыну Ночи (По) и Дня (Ао). Во время родов оказалось, что плод прирос животом к матке. И сын получил имя Сатиа Моаатоа (Прикрепленный животом). Из первых букв этого имени и возникло название Самоа. Люди смотрели на страдающего мальчика и говорили:

— Какая жуткая боль!

Поэтому название первого самоанского острова звучит как Мануа Теле (Великая Боль).

Позднее владыкой Фиджи стал Туифити, известный своей жестокостью. Даже самые близкие его родственники не были уверены в завтрашнем дне. Отчаявшиеся

сыновья владыки, Нофо и Саума, решили бежать. К ним присоединился двоюродный брат короля Салевао. Братья забрали своих жен, а предусмотрительный Салевао глотнул немного земли и скал. Они сели в каноэ и поплыли на восток.

Когда они очутились в самоанских водах, между Уполу и Савайи, на носу лодки появился Тангалоа.

— Взяли ли вы запасы в дорогу? — спросил он.

— Да, господин. У нас есть скалы и земля, — ответил Салевао.

— Выплюнь землю здесь!

Салевао выполнил приказ, и из той земли вырос остров Маноно. Тогда бог сказал Нофо и его жене:

— Это будет ваша страна.

Остальные поплыли дальше. Вскоре Тангалоа снова приказал:

— Теперь, Салевао, выплюнь скалы.

Из этих скал выросла Аполима.

— Саума и жена Саумы, — это будет ваша страна.

Прошло много лет. Пронеслись столетия, с чередующимися радужными годами мира и благоденствия и годами кровавых войн.

Наступил 1899 год. На пороге нового века Соединенные Штаты Америки, Германия и Великобритания заключили договор, по которому архипелаг Самоа был поделен на две части. Западные острова отошли немцам, восточные — достались Соединенным Штатам. Великобритания отказалась от своей доли в пользу Германии взамен на ее нейтралитет в бурской войне и отказ от претензий на острова в других районах Тихого океана (Тонга, Ниуэ, Соломоновы острова).

Период немецкого господства продолжался около пятнадцати лет. Западное Самоа управлялось немецким губернатором, который опирался на великих вождей, а также на совет *фаипуле*, то есть на самоанцев, представляющих отдельные избирательные районы страны. Европейское меньшинство представлял Государственный совет, состоявший из высоких государственных чиновников и представителей местного европейского населения.

В начале первой мировой войны все немецкие колонии на Тихом океане, в том числе Самоа, были заняты английскими войсками. После окончания войны на ос-

нове Версальского договора (1919 г.) Западное Самоа было официально отобрано у немцев и передано как мандатная территория от имени Лиги наций Новой Зеландии. Во второй половине 20-х годов (1927—1930) на Самоа возникло антиколониальное движение «мау», и начались вооруженные столкновения с новозеландской администрацией.

После второй мировой войны Западное Самоа было преобразовано в подопечную территорию ООН под управлением Новой Зеландии. В результате плебисцита, проведенного в 1961 году, Организация Объединенных Наций признала независимость Западного Самоа. 1 января 1962 года орудийный салют возвестил всем островам Тихого океана о рождении новой республики — первого полностью независимого государства Океании. Другая часть Самоа осталась американской.

Система государственного управления Западного Самоа сочетает элементы республиканского строя со старой родовой иерархией. Здесь нет политических партий и профсоюзных организаций. В соответствии с конституцией главой республики является президент, избираемый Законодательным собранием сроком на пять лет. Функции вождя и президента были пожизненно возложены на двух главных вождей — Тупуа Тамасесе и Малиетоа Танумафили II. В 1963 году после смерти президента Тупуа Тамасесе единственным главой государства остался Малиетоа.

Президент формирует правительство во главе с премьер-министром. Правительство несет ответственность перед однопалатным парламентом, который называется Законодательной ассамблеей и избирается на три года. Граждане Самоа европейского происхождения выбирают в парламент своих депутатов на общих основаниях. Коренные самоанцы пользуются промежуточными выборами, через глав своих родов — *матаи*.

Столицей Западного Самоа провозглашена Апия, город с населением в 21 тыс. человек. Там нам предстояло прожить три года.

— Вот это вся Апия,— Марсель Корруа округлым движением руки обвел пространство между двумя выступающими в море мысами.— Прибрежная улица, два

отеля, один кинотеатр, публичная библиотека и несколько магазинов. C'est tout ¹.

Марсель — француз. Он работал в местном отделении ООН и на следующий день после нашего приезда взял на себя роль гида в незнакомом городе.

— Город? Это, собственно говоря, и не город с административной точки зрения. У него нет официальных границ, нет централизованного управления. Это конгломерат из сорока девяти деревень, каждая из которых представляет собой самостоятельный организм. Название городу дал поселок Апия, лежащий на восточном берегу залива.

Мы проехали на машине всю столицу вдоль и поперек за час. Прежде всего побывали на Прибрежной улице, раскинувшейся над заливом, потом посетили поселки в глубине острова, а также деревни, стоящие на песках и мангровах.

— Вон та возвышенность на горизонте — гора Ваза. — Марсель указал на зеленый горб, торчащий над городом. — На ее вершине находится могила Роберта Льюиса Стивенсона. Вам обязательно нужно сходить на эту гору.

Но я на время утратила интерес к каким-либо прогулкам. Блеск солнца резал глаза. Утомляла красочная толпа и назойливый, вездесущий шум волн, разбивающихся о рифы. Его было слышно в амбулатории при больнице в глубине острова и ночью и днем. Он протискивался в помещение всякий раз, когда открывались двери в магазин Маккензи с кондиционером, где я сделала свои первые покупки. Он заполнял паузы в музыкальном сопровождении фильмов, демонстрируемых в кинотеатре. То громкий, то замирающий, то нарастающий вновь, он грохотал днем, как лавина из камней. В тихие, безветренные вечера он пел модерато, подобно ветру в камышах... Но постепенно шум океана стал повседневностью, расположил к себе, и я уже его больше не слышала.

Вместе с шумом океан неизменно приносил запах тины, смешанный с запахами пассифлоры, копры и плодов манго.

¹ Это все (франц.). — Здесь и далее прим. пер.

Рождение города

Со временем, медленно и постепенно, из случайных впечатлений начал вырисовываться истинный облик города.

«Почему именно Апия, этот маленький поселок, был возведен в ранг столицы?» — не раз думала я в первые дни моего пребывания на Самоа. Мне объяснили, что Апия в предколониальный период никогда не имела большого политического значения. В ней не жили господствующие роды, она не была административным центром. Ее развитие началось только во второй половине XIX в. с притоком европейцев и ростом торговли. Оказалось, что из всех пунктов побережья западной части архипелага только Апия обладает прекрасной естественной гаванью, куда через широкий проход между рифами без опаски могут входить европейские корабли. Эта гавань, миссионеры и прежде всего копра решили судьбу поселка Апия и всей страны.

Но все началось с миссионеров.

Благочестивые отцы из Лондонского миссионерского общества начали свою просветительскую деятельность на Самоа с... одежды для аборигенов. Миссионеры объяснили им, что набедренные повязки из листьев оскорбляют христианское чувство морали, но они смогут избежать греха, если будут носить брюки и платья, прикрывающие грудь и ноги. Чтобы спасти свои души, самоанцы вынуждены были покупать ситцевые ткани, нитки, иголки, ножницы и другие товары, поставляемые прибывающими в Апия парусными судами. За эти атрибуты спасения торговцы заставляли их платить огромным количеством овощей, фруктов и мяса.

Но это было только начало.

Развитие техники в Европе вызвало стремительный рост потребности в кокосовом масле, используемом при производстве свечей и мыла. Началась эра копры, а с ней процветание апийского порта. На острова хлынула волна пришельцев из Америки и Европы, охотников нажить состояние на кокосах. В апийский порт прибывало все больше и больше кораблей, которые привозили текстиль, орудия труда и огнестрельное оружие, а увозили копру.

С наплывом белых поселенцев побережье начало бы-

стро застраиваться. Временно сколоченные бараки, склады и магазины с железными крышами втискивались между самоанскими домами *фале*, покрытыми соломой. Как грибы после дождя, росли каменные церкви и первые кабачки с грогом. Англия, Соединенные Штаты Америки и Германия, заботясь о кармане своих граждан, учредили в Апия свои консульства. Так рождался городской уклад жизни.

А самоанцы?

Белые привезли им железо, грог и болезни: корь, коклюш, грипп... Эпидемия за эпидемией собирали среди местных жителей свою жатву. Начали распространяться кожные заболевания. Мыло стоило порядочную меру кокосового масла, а личная гигиена пропагандировалась миссионерами в XIX в. не так горячо, как юбки и панталоны. Разжигаемые среди аборигенов межплеменные войны стали с использованием «прогрессивного» огнестрельного оружия более кровавыми, чем когда-либо в прошлом. Подсчитано, что в период между 1840 и 1880 гг. местное население уменьшилось на одну треть. Это та цена, которую Самоа заплатило за выход из «варварства».

Народ тайно молился богам своих предков: «Избавьте нас от плавающих богов, ибо вместе с ними приходят болезни и смерть...».

Но «плавающие боги» прочно обосновались в Апия. Они торговали, занимались интригами, разжигали тщеславие местных вождей и натравливали их друг на друга. За оружие скупали землю.

Соперничество трех великих держав за торговое и политическое влияние обострилось. Консулы Англии, Германии и Соединенных Штатов Америки пытались всеми средствами: клеветой, подкупом и силой — завоевать монополию на самоанский кокосовый бизнес. В 1889 г. обстановка накалилась, назревал вооруженный конфликт. Любая искра могла вызвать взрыв.

16 марта в окруженном рифами заливе Апия находилось семь военных кораблей: немецкие «Адлер», «Эбер» и «Ольга», американские «Ванделия», «Трентон» и «Нипсик», английский «Каллиоп». Они притаились, наблюдая друг за другом, направив жерла пушек на белые дома города. Вдруг налетел ураган. Кораблям необходимо было покинуть окруженную рифами запад-

ню и выйти в открытое море. Но... это означало оставить вражеские корабли без присмотра, отказаться от своих претензий на изобилующие копррой острова. Только «Каллио» уже при разбушевавшемся урагане сумел выйти в море и уцелел. Остальные корабли разбились о рифы, а часть их команды утонула.

Самоанцы из поселка Апия тут же организовали спасение утопающих. Рискуя жизнью, они вытаскивали из моря тех, кто, не моргнув и глазом, был готов обратиться их дома в пепелище. Вождь деревни в знак благодарности получил из Вашингтона... золотые часы.

Интересным документом того времени является рапорт от 20 марта 1889 г. командира «Каллиопа» Х. К. Кейна:

«С глубоким прискорбием должен доложить о страшном урагане, вызвавшем опустошение, превышающее все, что когда-либо случалось с начала использования пара. Из семи кораблей погибло четыре. Два были выброшены на берег. Утонуло 130 человек. „Каллио“, благословение богу, уцелел... Никто из команды не погиб... От „Трентона“, „Ванделии“, „Адлера“ и „Эбера“ остались только обломки. Спасти выброшенные на камни „Ольгу“ и „Нипсик“ почти нет никакой надежды.

...В четверг, 15 марта, барометр начал падать. Погода была дождливая и безветренная. На берегу нас заверили, что барометр падает к дождю и нет причин для опасений... после полудня с северо-востока задул ветер, который постепенно усиливался. В полночь разразился шторм. На рассвете при ураганном ветре мы заметили, что нас сносит на рифы. В это же время „Эбер“ пошел на дно со всей командой. Спаслось только пять человек.

...Море (16 марта в 8. 00 вечера) уже перекатывалось через рифы. Нас сносило на „Ванделию“. „Ольга“ находилась рядом по нашему правому борту, а рифы недалеко по левому... „Ольга“ едва не столкнулась с нами... Я решил попытаться выскользнуть и спасти корабль... Потребовал от первого механика выжать из машины все, на что она способна... и понемногу-понемногу, постепенно увеличивая скорость, нам удалось уйти».

Остов «Адлера» так и остался в Апийском заливе. Деревянные части сгнили, и их унесли волны. Железо покрылось ржавчиной и водорослями. Останки глубоко

зарылись в песок в нескольких десятках метров от берега и стали неотъемлемой частью городского пейзажа. Они оставались там до 1967 г., пока при строительстве порта их окончательно не засыпали песком, поднятым со дна моря.

Прибрежная улица

Если смотреть на Апия со стороны залива, то видно, что весь городской фасад образует Прибрежная улица. — Это пульс города, — сказал о ней Марсель.

Но она означает и нечто большее. Прибрежная улица не только центр торговли и развлечений, но и та лакмусовая бумага, которая отражает процессы изменений, происходящих на острове. Она настоящая летопись страны на протяжении последнего столетия.

Я хорошо изучила эту улицу. Даже сейчас чувствую под ногами неровности ее мостовой, вижу каждый дом и витрину, помню запахи магазинов и придорожных цветов. Я в любое время могу, как и в первые недели после приезда, с удовольствием совершить прогулку от самого мыса Мулинуу на западном берегу залива до мыса Пилота — на восточном.

Полуостров с высоты птичьего полета напоминает палец, обращенный на юго-восток. На кривом «ногте», окруженном мангровыми болотами, стоит белый мавзолей великого самоанского вождя Тамасесе. По вечерам здесь сидят влюбленные и смотрят, как движется луна над черной паутиной сетей, расставленных в лагуне. Из трясины доносятся тихие всплески. При свете фонаря там можно увидеть крохотные подвижные создания, похожие на рыб или головастиков. У них выпуклые глазки, сильно развитые грудные плавники и хвосты, которыми они пользуются как конечностями. Самоанцы называют их *талаэ*. Это один из немногих уцелевших на земле реликтов той эпохи, когда некоторые формы жизни выходили из воды и приспособлялись к земной атмосфере. Эти талаэ свободно дышат как жабрами, так и легкими, что дает им возможность существовать как на суше, так и в воде.

— Они такие живучие, что выбираются из банки с формалином, — сказал мне знакомый натуралист.

Охотясь на мелких ракообразных и насекомых, таллаэ необычайно быстро передвигаются по камням и траве. Иногда они взбираются на низко свисающие ветви мангров и с еле слышным всплеском падают в воду.

У великого вождя Тамасесе самое прекрасное место на земле для вечного отдыха. Широкая лагуна окружает его с запада, с востока и севера. С юга молодой пальмовый лес и мангровы защищают это место от жарких ветров, дующих из глубины острова, а солнце и луна время от времени извлекают из водяной пыли, висящей над рифами, искрящуюся красками радугу. Мир после смерти Тамасесе желает воздать ему то, чего лишил при жизни.

Его преследовали суд и полиция, он был брошен в тюрьму, лишен титула вождя, выслан из родной деревни Ваимосо и обречен на изгнание. 28 декабря 1929 г. Тамасесе был убит новозеландским полицейским в тот самый момент, когда обратился к своим соотечественникам со словами: «Самоанцы, сохраняйте спокойствие!»

Тамасесе очень интересная личность. Горячий патриот, без остатка отдавший себя родине, он стал одним из главных организаторов оппозиционного движения «мау», возникшего в 20-х годах XX в. Члены «мау» выдвинули лозунг «Самоа мо самоа» («Самоа для самоанцев») и старались повлиять на правительство Новой Зеландии и мировое общественное мнение с целью получить если не полную независимость, то, по крайней мере, бóльшую самостоятельность в рамках существующего мандата. Однако легальные способы не давали желаемого результата. «Мау», верные принципу действовать исключительно мирными средствами, выступили инициаторами бойкота администрации. Власти ответили арестами и изгнанием активнейших членов движения. Но народ не удалось сломить. Милиция, выделенная из членов «мау», пикетировала магазины, принадлежащие европейцам, и не пускала в них ни продавцов, ни покупателей. Население отказывалось платить налоги.

Администрация вынуждена была прибегнуть к чрезвычайным мерам и массовым арестам. Вызванные в Апия новозеландские крейсера «Диомед» и «Дунедин» еще больше терроризировали население. Был арестован вождь Тамасесе. Его отправили в шестимесячную ссылку на Новую Зеландию. При возвращении вождя вспыхну-

ла стихийная демонстрация. На пристани собрались тысячи людей. Сотни лодок образовали мост между стоящим в заливе на якоре кораблем и берегом. Тамасесе прошел по этому мосту среди поднятых в приветствии весел. Три дня и три ночи праздновала деревня Ваимосо возвращение своего вождя. Никто и не предполагал, что всего лишь несколько месяцев отделяют его от смерти.

В субботу 28 декабря 1929 г. спокойная, дисциплинированная процессия самоанцев приближалась к Прибрежной улице. Люди шли в порт, чтобы приветствовать возвращающегося из изгнания активного деятеля «мау» — Смиа. По белым лавалава в толпе можно было различить четырех великих вождей. Другие участники движения «мау» были опоясаны голубыми лавалава с белой полосой. По обеим сторонам колонны шла милиция, выделяющаяся своими особыми набедренными повязками и белыми тюрбанами. Вместо оружия они несли привязанные к руке палки. В тот момент, когда самоанцы приближались к Прибрежной улице, на них напала новозеландская полиция. Завязалась драка. Один новозеландец упал, и, хотя, как оказалось позднее, не имел никаких телесных повреждений, этот факт послужил предлогом для применения огнестрельного оружия. Полиция начала стрелять. Самоанцы отступили и защищались единственным доступным им оружием — камнями. Во время всеобщей свалки был убит белый полицейский. Тамасесе, выделяющийся в своей белой лавалава, стоя на возвышении, поднял руки вверх и закричал:

— Самоанцы, успокойтесь, прошу вас!

Раздался выстрел. Вождь упал. Те, что стояли ближе к нему, бросились на помощь. Тогда с балкона находившегося рядом комиссариата полиции по толпе дали очередь из пулемета. Какой-то молоденький парнишка, пытавшийся собственным телом прикрыть вождя, был буквально изрешечен пулями.

В ту черную субботу погибло одиннадцать самоанцев, шестнадцать — ранено. По просьбе раненого Тамасесе демонстрация была продолжена. За последней шеренгой самоанцев в порт направился отряд белых полицейских с примкнутыми штыками...

Утром следующего дня Тамасесе умер. Перед

смертью, согласно вековой традиции, он передал народу свою последнюю волю: «Моя кровь пролита за Самоа. Этим я горжусь. Не мстите, потому что свою кровь я отдал за дело мира. Сохраняйте мир любой ценой».

Кончилась эра «мау». Несмотря на спокойствие, установившееся в стране, новозеландская администрация усилила террор. Поэтому члены организации, не дожидаясь арестов, целыми группами бежали в лес, как некогда делали их предки после проигранной битвы.

В 1936 г. к власти в Новой Зеландии пришла Трудовая партия. Отношения между самоанцами и администрацией улучшились. Прежние заговорщики вышли из подполья и включились в политическую жизнь. Но «Самоа мо самоа» они ждали еще двадцать шесть лет. Премьером первого правительства независимого государства стал сын великого вождя Тамасесе — Фиаме Матаафа Мулинуу II.

Несколько сот шагов отделяют мавзолей вождя Тамасесе от большого белого дома. Между ними находится только молодой пальмовый лес и большой ухоженный газон. Архитектура здания говорит о том, что оно было возведено во времена немецкой колонизации. Это астрономическая обсерватория, построенная в 1902 г.

— Единственное сооружение подобного рода в юго-восточной части Тихого океана, — так рассказывали нам о нем во время *dolce far niente*² на пляже вблизи обсерватории. — Отсюда подают сигналы самолетам, летящим из Америки в Новую Зеландию и Австралию.

Но после нашего полета я не желала больше слушать о самолетах. Мною овладела приятная лень. Нагретый песок излучал тепло, солнце клонилось к закату, и с моря дул легкий освежающий ветерок.

— Давайте искупаемся, — сказал муж. — А то пора уже идти домой. Скоро шесть.

На Малинуу не требуется смотреть на часы, чтобы узнать который час. Каждый день ровно в шесть вечера с крыши обсерватории низкорослый человек в белой лавалава выпускает в небо красный шар, чтобы определить направление ветра. Если в это время лечь на воду,

² Сладостное ничегонеделание (итал.).

то можно наблюдать за тем, как шар, поднимаясь все выше и выше, превращается в черную точку, а затем совсем исчезает. Становится холодно. Мы вытряхиваем морскую воду из ушей и идем по узкой полоске пляжа вдоль обсерваторского сада к шоссе.

Песок во время отлива замусорен морскими водорослями, напоминающими маленькие стекловидные гроздья винограда и зеленые мхи, среди которых прячутся студенистые двустворчатые моллюски в черных скорлупках. На мелководье, у самой поверхности воды, бежевые морские звезды подстерегают свою микроскопическую добычу. Трудолюбивые крабы копошатся среди камней. Быстро-быстро, бочком-бочком они спешат по своим делам. Иногда неизвестный катаклизм губит целый косяк рыбы, и волны выбрасывают на берег их разбухшие полосатые тушки, которые даже одичавшие собаки далеко оббегают стороной.

Граница пляжа отмечена перевернутыми рыбацкими лодками и сетями, расставленными в лагуне в нескольких метрах от берега. Дальше, вдоль берега, тянется шоссе, по левой стороне которого стоят несколько старых деревянных домов в колониальном стиле, а по правой — среди старательно ухоженных хлебных деревьев и кустов — деревня. Ажурные фале прячутся среди красных и белых цветов китайской розы, бело-желтых франджипанов и лиловых бугенвилей. Запах цветов смешивается с запахом дыма костров, на которых самоанцы готовят ужин. В глубине деревни длинноногие подростки меткими бросками камней сбивали с деревьев бледно-розовые плоды манго и гоняли собак, крутившихся возле *фале уму* в поисках пищи.

Тут же за деревней виднеются два административных здания: здание суда — некрасивое прямоугольное строение без стен, с крышей на бетонных столбах, и здание парламента.

— Что это? — спросила я, когда впервые увидела большое овальное фале под соломенной крышей.

— Это? Парламент, или *фале фоно*.

— А что это за большой луг возле дороги?

— *Малаэ*. Здесь проходят традиционные праздники и народные гуляния.

Я добросовестно обошла здание кругом. Как и у всех самоанских фале, у него не было стен. Только над

слегка возвышающимся над землей полом нависала крыша, опирающаяся на центральную колонну и боковые столбы. Середина была пуста. Не было ни помещения для администрации, ни мест для публики. Давно запланированное строительство нового парламента откладывалось из года в год из-за отсутствия средств, которые шли на более срочные нужды.

Напротив фале фоно, у самого берега моря, стоят пушки. Вот уже сто лет эти старушки ржавеют на влажном ветру. Но посмотрите на них во время праздника независимости! Смазанные и начищенные, окутанные голубым дымом, они салютуют в честь процветания дорогого Самоа.

За парламентом, пушками и малаэ дорога пустеет, и в нос начинает бить страшное зловоние.

— Магда, нос!

По этому сигналу вся семья зажимает носы и припускает галопом. Это дает о себе знать апийская мусорная свалка, отделенная от шоссе высокой живой изгородью. Она-то и отравляет воздух в радиусе нескольких сотен метров.

Дома центральной части города начинаются в нескольких десятках метрах отсюда. Среди сохранившихся со времен колониализма трущоб, маленьких домиков с садиками и низких живых изгородей стоит одно здание с грязным двором — первое на Самоа предприятие Джима Кэрри по переработке фруктов. В определенное время суток из здания выходят женщины в белой униформе и устало бредут в сторону рынка. Их тусклые глаза и серые лица заметно выделяются на фоне оживленной толпы. Нога за ногу тянут они за собой свою усталость по шумной улице. Первое промышленное предприятие — первый пролетариат.

Женщины входят на респектабельный прибрежный бульвар. Несколько зданий из стекла и бетона придают ему современный вид и видимость процветания. Здесь все дома — двух- или трехэтажные — чистые, белые или крашенные в пастельные тона. Работницы останавливаются перед сверкающими витринами магазинов. За стеклом они видят белые холодильники и заводных шагающих кукол, перевязанные атласными лентами роскошные плитки шоколада и японские транзисторы. Может быть, они что-нибудь купят? За несколько сотен

долларов, за несколько десятков долларов, за несколько долларов... А можно ли узнать каково ваше материальное положение? Какой средний заработок каждого члена семьи? 32 доллара в неделю? Нет? 32 доллара в год?! О, soggu³, это не для вас. Может быть, в другой раз, может быть, через несколько лет.

Северная часть бульвара открыта океану и ветру. Только кое-где виднеются одинокие сооружения. Вдоль берега растут огромные зонты деревьев, покрытые яркими пурпурными цветами.

Похоронный звон по базару

У домов, в тени магазинов, сидят уличные торговцы. На плоских листьях они разложили связки бананов, пирамиды манго и плодов пассифлоры, мохнатые ананасы, карликовые помидоры и красный перец.

Боже мой! По одному только виду Прибрежной улицы можно было бы определить продолжительность нашего пребывания на Самоа! Сколько произошло изменений за эти три года! Взять хотя бы уличную торговлю. По мере того как постепенно, из месяца в месяц, расширялся ассортимент овощей, выращиваемых на приусадебных участках, в продаже стали появляться желтые и зеленые стручки фасоли, огурцы, огромные сочные помидоры, салат...

Сам рынок расположился на площади возле башенных часов. Вокруг него идет мелкая торговля, в то время как на рынке оптом покупают корзины толстых клубней таро, мелкие клубни батата, горы зеленых плодов хлебного дерева, еще липких от смолистого сока, и огромные связки бананов.

Что-то на этом рынке не соответствовало моим представлениям, почерпнутым из описаний дальневосточных базаров.

— Збышек, здесь, наверное, вообще нет нищих!

— Пройдите вдоль и поперек все острова архипелага — и вы не увидите ни одной протянутой за подаванием руки, — сообщил нам Марсель, наш источник информации в первые дни пребывания на Самоа.

³ Простите (англ).

— Обратите внимание, здесь никто не торгуется и не навязывает свой товар. Почему? Это и есть *фаасамое*. Если клиент, не знакомый с местными обычаями, пытается снизить первоначальную цену, продавец тут же теряет к нему интерес. Цены здесь разные: одни — для самоанцев, другие — для иностранцев, но те и другие постоянные.

Рынок наиболее оживлен и боек в субботу утром. Этот день, свободный от работы в учреждениях и конторах, жители Апии посвящают закупке продуктов на целую неделю. На площадь заезжают красные такси, в раскрытые багажники грузятся корзины таро и бананов. Около одиннадцати утреннюю прохладу сменяет нестерпимая жара. Лица краснеют и покрываются потом, а европейцы начинают ощущать повышенную нервозность и усталость. Время от времени кто-нибудь вскрывает молодой кокосовый орех и выпивает прохладную жидкость из этого миниатюрного натурального холодильника. К часу дня толпа редет, а после двух — площадь окончательно пустеет.

Три года спустя закончилось строительство крытого торгового зала, и весь этот красочный ароматный базар обрели на гибель. Торговки перенесли пузатые корзины на низкие прилавки из гигиенических, легко моющихся материалов. Но они не смогли перенести туда неповторимую атмосферу рынка. Она исчезла вместе с грязью, летящей из-под колес автомобилей, и пылью, толстым слоем оседавшей на связках китайской капусты. Кое-где полицейский вылавливает «заблудившуюся» старуху, пытающуюся торговать по-старому, и почтительно отводит ее в комиссариат. Но это уже бойцы, проигравшие сражение. Рынок умер.

Тут же за площадью, в тени магазина «Бэрнс, Филп энд Компани, Лимитид», сидят на циновках торговки корзинами, сплетенными из лыка пандануса, бусами и прочей мелочью, сработанной из семян и ракушек. Цены на эти маленькие шедевры колеблются в зависимости от спроса и предложения.

— Покупайте бусы сейчас, не откладывая до отъезда! — советовали мне, когда во время строительства порта курс акций на «ракушечьей» бирже понизился.

Это был очень волнующий период для жителей Апии. Ил и песок, поднятый со дна углубляемой аква-

тории порта, перекачали на другую сторону залива, на мель около Прибрежной улицы. Каждый день жерло огромного землесоса извергало коричневый ил на остов «Адлера» и островки грязного песка у берегов. Каждый день полчища детей, перемазанных, как черти, находили в намятой грязи тысячи разноцветных ракушек: белозеленые «кошачьи глазки», малюсенькие фарфоровые монетки и остроконечные раковины улиток... Потом долгими вечерами при свете керосиновых ламп девушки нанизывали их на нейлоновые лески, плели фантастические цепочки, делали удивительные шкатулки и сумочки, которые туристы покупали как предметы экзотики.

Ракушечный бум длился несколько месяцев. Потом землечерпалку разобрали, а в центре города остался, словно парус корабля, неправильный треугольник земли на том месте, где раньше был океан. Некоторое время он оставался голым и пустым, но потом начал зарастать сорняками. Кто-то, видимо, обронил там семена помидор, потому что на этой бесплодной земле неожиданно появились карликовые кустики, покрытые анемичными плодами.

Таким образом в центре города в полном распоряжении городских властей возник участок земли в 28 акров. Нет ничего удивительного в том, что горячим спорам и дискуссиям не было конца. Каждый предлагал свою идею, как лучше использовать пустырь. Его можно было разбить на мелкие участки под жилищное строительство, построить стадион и плавательный бассейн или, скажем, разбить на теннисные корты... А почему бы пожарной команде не построить там свой гараж с наблюдательной вышкой?

Проектные работы по освоению этой территории мой муж начал в июне 1966 г. и закончил через несколько месяцев. В городской библиотеке были выставлены планы и макеты. Проект получил широкую огласку благодаря прессе и радио. Все, даже те, кто понятия не имел об архитектуре, могли воочию увидеть, каким будет их новый район, воздвигнутый на останках прусского «Адлера». Рельефный красочный макет района, застроенного административными зданиями, с парком, красивой набережной и пристанью для парусных лодок, убедил самоанцев. Никто уже не хотел индивидуальных участков или пожарного депо. Тысячи жителей Апия и всего ост-

рова, а также самоанцы, прибывшие из Савайи, Мононо и Аполимы, желали, чтобы их столица была именно такой, какой показана на макете.

Реализация плана застройки осуществлялась постепенно. После утверждения проекта членами кабинета приступили к первому его этапу. Он заключался в создании «зеленого скелета», который позднее в зависимости от финансовых возможностей должен был обрастать отдельными зданиями.

На основе исследований, проведенных опытной станцией тропических растений на Нафануа, отобрали 165 деревьев и наметили место их посадки. Большие грузовики везли плодородную землю и саженцы из глубины острова. Выкапывали в песке ямы, сажали туда молоденькие деревца, засыпали их плодородной землей... Общими усилиями жителей Апия пустынный треугольник земли зазеленел. Свои символические деревца посадили министры, члены правительства, верховный комиссар Новой Зеландии, представитель ООН... После знаменитых людей и титулованных особ посадила свои три пальмочки и наша семья. Теперь они растут там, крепко вцепившись корнями в песчаную почву, гибкие и сильные.

На Прибрежной улице на каждом шагу вас ожидает какой-нибудь сюрприз.

— Что это за чудище растет там, напротив собора?

— Это наше рыбное дерево.

Подумать только: рыбное дерево. Ветви его гнутся под тяжестью тунцов, красноватых барабулек, пестрых омаров и дряблых осьминогов с пятнистыми телами, напоминающими духов из юмористических журналов. А в корзинах на траве перебирают неуклюжими лапами морские черепахи, выползают из-под влажных листьев разноцветные крабы и креветки. Иногда на дереве повиснет беловатая рыба-молот или гибкая барракуда. Но красивее всего — мелкие рыбешки радужной окраски. Они висят, связанные в разноцветные пучки, как пышные экзотические цветы. Рыбное дерево было объявлено вне закона вместе с рынком и уличными торговками. Не будет больше пыль, разносимая ветром, оседать на дарах моря, не будут они портиться под лучами горячего

солнца. Рыбий храм тоже нашел свое место в прохладном торговом павильоне.

Что можно еще увидеть на Прибрежной улице?

«Фабрициус Супермаркет» — неприглядный барак, распространяющий запах прогорклого масла и рыбы. Но я была очень обрадована, когда узнала, что у «Фабрициуса» можно ежедневно покупать свежий хлеб.

— Наконец-то мы покончим с этим непропеченным тестом, которое продавали в Джакарте! — сказала я мужу, положив на стол теплую коричневую буханку. Я торжественно отрезала горбушку, и тотчас же к ней потянулись две пары жадных рук.

— Подождите, давайте сначала насладимся ее видом. О, посмотрите, вот черненькое зернышко! — В мякише хлеба что-то чернело. Зернышко ли?

— Дай увеличительное стекло. Что-то мне здесь не нравится.

Черное зернышко при ближайшем рассмотрении имело крылышки и брюшко. Весь хлеб был нашпигован насекомыми. Мы стали выпекать его дома.

С той поры, проходя мимо «Фабрициуса Супермаркета», я обращала внимание только на женщин, продающих бутылки с мутной жидкостью. Эта жидкость, хотя и имела отталкивающий вид, но приготавливалась из кокосовых орехов и цветочных лепестков. Самоанцы смазывают ею тело во время некоторых праздников. Поскольку у нее очень приятный запах, старые вожди смазывали ею когда-то нос. Вот бесстыдники! Наверное, ни одна девушка не могла устоять перед чудесным ароматом, исходящим от старика во время приветственного потирания носами...

Печальные аийские деревни без земли...

А что творится за фасадом Прибрежной улицы? Как живет сегодня двадцатипятидесятичное население Апия, почти пятая часть населения страны? У нас нет иллюзий на этот счет. В большинстве случаев они живут плохо и бедно, в перенаселенных деревнях, в переполненных домах, в ужасных антисанитарных условиях. А число людей все время увеличивается... Растет устрашающе быстро, непропорционально по отношению к другим частям страны.

Апиа обладает большой притягательной силой. На первый взгляд, здесь больше возможностей заработать, можно пользоваться «городскими» развлечениями. В Апиа есть кинотеатр, где два раза в неделю показывают новые фильмы, и любительский театр — с премьерами раз в несколько месяцев. Но самое главное — здесь можно провести вечер в танцзалах, громко именуемых клубами. Сорок девять деревень Апиа трещат по швам, застраиваются хаотично и неорганизованно, увеличивают свою жилую площадь за счет уродливых архитектурно-новых сооружений, превращая прекрасные цветущие поселки в трущобы. Деревни теряют свою индивидуальность, утрачивают функциональные и эстетические особенности.

Насколько сложна жилищная проблема, показали исследования, проведенные в 1967 г. Значение этих исследований заключается в том, что самоанцы впервые узнали о существовании такой проблемы и поняли, что она требует скорейшего разрешения. А ведь на семинаре ООН по вопросу жилищного строительства, который состоялся в 1963 г. в Копенгагене, представитель Западного Самоа заявил: «У нас не существует жилищной проблемы!»

Как же в действительности выглядит эта «беспроблемная» ситуация? Около 60% населения Апиа живет в фале, где в среднем площадь, приходящаяся на одного человека, составляет шесть квадратных метров... Иностранцы и состоятельная часть местного населения живут главным образом в домах европейского типа, то есть со стенами и внутренним делением на комнаты. Средняя площадь в этих домах составляет... 19,6 квадратного метра на человека.

Почти половина домов в Апиа крыта соломой. Иногда крыши имеют железные коньки, которые уже через несколько месяцев напоминают старые консервные банки. По крайней мере, такое же количество домов не имеет кухонь. Их обитатели готовят еду на открытом воздухе в земляных печах, так называемых *уму*.

Может быть, какие-нибудь иные удобства компенсируют апийцам тесноту и отсутствие кухонь?

Давайте посмотрим. Водопровод имеют только 17,5% домов города. А так называемый комфорт... Лучше о нем не говорить. К канализационной сети подклю-

чено не более 1% зданий. Жители остальных домов пользуются отхожими ямами или ближайшими зарослями.

Удивительны апийские деревни, деревни без земли... Их население постепенно отвыкает пользоваться извечными продуктами земли и моря. Они перестают их производить. Они их покупают. Это сельско-городское общество утратило старые формы совместной жизни и еще не создало новые; иногда оно становится трудно управляемым. Наблюдается некоторое ослабление общественной дисциплины и рост преступности — явления на Самоа новые и тревожные.

Скученность населения и его слабая организация приводят к чрезмерному захламлению территории. Тут не до шуток. Проблема давно стала серьезной. Правда, по Апия курсируют машины, очищающие город от мусора, но, во-первых, их очень мало, а во-вторых, они работают там, где есть дороги, то есть вблизи домов, заселенных главным образом высокопоставленной общественной прослойкой. Деревни же, раскиданные по окраинам города, выбрасывают свои отходы: банки, стекла, кости, тряпки — прямо на ближайший пляж. Разумеется, отдел здравоохранения приказал всем не охваченным городской санитарной службой выкапывать глубокие мусорные ямы, но... выполнение этой инструкции зависит от авторитета местных вождей и энергии женских комитетов. Однако в смешанном обществе со стирающимися формами традиционной жизни они уже не так всемогущи, как в сельских районах. Это та цена, которую платит Апия за урбанизацию.

В столице, наиболее густонаселенном городе Самоа, потребность отдельного человека или семьи выделиться из *аинги* дает о себе знать в большей степени, чем где-либо в другом месте. Люди, работающие по восемь часов в день в конторах, магазинах, больницах, занимающиеся проблемами современной медицины, техники и народного просвещения, уже не хотят жить в эпохе «ракушек и бус». В небольшом помещении, где они проживают вместе с братьями, сестрами, кузинами, дальними родственниками и множеством детей, нет возможности ни отдохнуть, ни заниматься. Впрочем, эта проблема касается не только людей умственного труда. Огромное большинство населения, которое после окончания непол-

ной средней школы посвящает себя сельскому хозяйству, рыболовству или постройке лодок, тоже ощущает возрастающую потребность изменить образ жизни и свой досуг. Хотя их орудия труда ненамного отличаются от тех, которыми пользовались их прадеды, но сами они стали уже другими. Впрочем, им необходимо стать другими, знать современную технику, быть более развитыми, потому что только так Самоа может существовать в современном мире. Прогресс вызывает изменение различных аспектов общественной жизни, и современный самоанский крестьянин или рыбак тоже хочет после работы почитать газету, пойти в кино, послушать радио. Поэтому фале уже не удовлетворяют людей. Зато в Апия растут безобразные дома-бараки и фале с «европейскими» пристройками, которые приводят в ужас не только любителей экзотики.

Единственным эффективным способом борьбы с ростом трущоб может стать разработка общедоступных типовых проектов дешевых и красивых домов на одну семью и возможность производить их в большом количестве с использованием местных строительных материалов. Однако, вопреки здравому смыслу, эта инициатива встретила острую, хоть и неофициальную критику. Многие наши европейские знакомые, имеющие около 20 кв. м на человека, считали, что мой муж рискует своим профессиональным престижем, связываясь с таким «ненадежным» мероприятием.

— Со своими европейскими домами для самоанцев ты сделаешься всеобщим посмешищем. Всем известно, что они лучше всего чувствуют себя, когда живут все вместе в одном фале, сколько бы их там ни было. Не приписывай им свое мировоззрение, потому что полинезийцы совершенно другие люди!

Подобные мнения мы слышали так часто, что муж, прежде чем приступить к работе, решил провести анкету среди различных (по профессии, образованию, заработку) групп населения Апия. Результаты опроса полностью подтвердили мнение мужа. Только 12% опрошенных выразили желание остаться в фале, 33 — хотели жить в доме, сочетающем традиционные элементы фале с европейским жилищным строительством, 55% высказались за европейский дом с его классическим делением на комнаты различного назначения.

Тогда возмутились эстеты.

— Но это же преступление,— предостерегали они.— Разве вы сумеете создать что-то более совершенное, чем прекрасное самоанское фале?

Это был веский аргумент. Нет дома, который лучше подходил бы к пейзажу и климату, удачнее сочетал бы элегантность форм, легкость конструкции, гармонию пропорций и прохладу внутренней части и так вписывался бы в окружающую природу, словно его создали вместе с лагуной, пальмами и солнцем. И тем не менее...

— Я хотела бы иметь дом под одной крышей с кухней и чтобы в кухне была раковина и шкафчик для кастрюль.

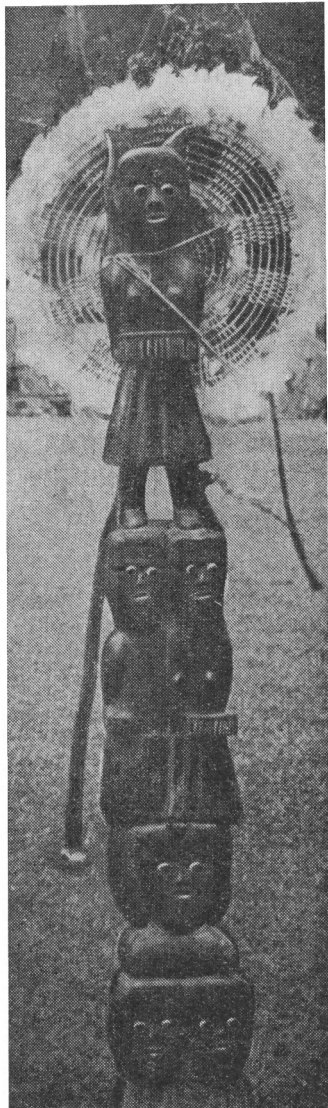
— Я хочу иметь собственную комнату, чтобы мне никто не мешал. Я буду учиться и читать книги. Сейчас, возвращаясь из конторы, я сажусь заниматься. Заканчиваю заочные курсы и пишу диплом. Но мне очень трудно, так как в моем фале живет много народу и поэтому здесь всегда очень шумно.

— Мой муж приезжает с плантации только по воскресеньям. Нам некуда деться, потому что наше фале переполнено. Мы ходим от одних родственников к другим и просим приютить нас.

Апийцы хотят жить иначе, чем до сих пор. Они не желают жить ни в трущобах, ни в общежитиях, а хотят иметь хорошие, удобные и комфортабельные дома. Они не хотят спрашивать на это разрешения у любителей экзотики.

Что любят туристы?

Несколько раз в месяц Апия охватывает необыкновенное волнение. Это надвигается волна туристов. Они появляются и исчезают с регулярностью лунных фаз. Об их прибытии возвещает черный силуэт парохода на горизонте и оживленное движение в порту. Первыми проявляют активность дети. Они разбегаются по садам, где рвут цветы с деревьев и кустов, и поспешно нанизывают на длинные нити красные гибискусы, белые франджипаны и пурпурные лепестки имбиря. Это будут приветственные *ула* — ожерелья из цветов и листьев. Потом настает очередь женщин. Они вынимают из тай-

На рынках Апиа можно купить различные сувениры местного производства

ников под бревенчатым толчком корзины с лыком пандануса, плетеные веера и ожерелья из ракушек. После этого женщины чинно отправляются на Прибрежную улицу, где раскладывают на листьях свой товар. Ждут покупателей.

Приходит пароход. Выходят господа, обвешанные фотоаппаратами, с воющими транзисторами в руках, с сигарами в зубах и в узких пестрых шортах с цветочками, птичками и бабочками. Рядом щебечущие женщины в мини-платьях с чудовищными цветами на груди. На головах водевильные шляпки.

Они деловито проходят по Прибрежной улице, фотографируют башенные часы и небо на закате, покупают майорийских божков, *тики*, вырезанных самоанскими ремесленниками, прошедшими обучение в Новой Зеландии, и японский цветастый ситец на лавалава. Вечером им обеспечено веселье в одном из ночных ресторанов: «Хула Таун», «Найтин Холз Клуб» или «Уайт Хорз Инн»... Они знают, чего хотят. Им нужна удобоваримая возбуждающая экзотика. У них нет времени искать ее по глухим дырам, где можно заработать чесотку и дизентерию и утратить иллюзии, возвращенные гол-

ливудскими мелодрамами о Южных морях. Они хотят получить то, за что платят. Девушки с снежной и ароматной кожей опоясывают бедра юбками из золотистой травы и танцуют для них *хулу*. Низкими поклонами они вызывают их на паркет и учат самоанской *сиве*. Оркестр в зеленых венках выбивает для них ритм на банках из-под керосина. Возбужденные экзотической атмосферой и дешевым виски, туристы ритмично покачиваются в восторге от сознания того, что находятся в сердце Полинезии. Воспитанные на суррогатах, они не чувствуют себя обманутыми и даже не подозревают, что юбка из травы имеет такое же отношение к самоанской экзотике, как японский ситец и банки из-под керосина.

Если они остаются на более длительный срок и в состоянии платить втридорога, то останавливаются в отеле Эгги Грей. Его владелица подвизается на гостиничном бизнесе несколько десятков лет и отлично знает вкусы туристов. Несмотря на свои семьдесят лет, она держит в ежовых рукавицах администрацию отеля, семью и персонал. Высокая, с царственной осанкой, в длинном платье, Эгги прохаживается тяжелым шагом по вестибюлю и саду. Там обменяется с гостями парой слов, здесь поторопит ленивую барменку или высмотрит садовника, флиртующего с горничной.

В саду, между современными павильонами, Эгги построила самоанский дом и открыла там первоклассный бар. Дом действительно очень красив. Над его постройкой трудились лучшие самоанские строители.

— Здесь нет ни одного гвоздя, ни одной металлической детали. Крыша привязана к деревянным столбам веревками из волокон кокосового ореха и крыта листьями сахарного тростника. Это настоящий гостевой самоанский дом, *леулумоэнга!*— информирует она своих клиентов.

О, Эгги знает, как удержать туристов! Зачем им трястись по ухабистой дороге, если полинезийская экзотика может прийти к ним сама! Они сидят в настоящем самоанском фале, пьют настоящее сухое «мартини» и наблюдают, как настоящие полинезийские девушки танцуют настоящую островную сиву! POLYNESIAN PARADYSE!⁵

⁵ Полинезийский рай (англ.).

На противоположном конце Прибрежной улицы стоит другой отель. Управляет им родная сестра Эгги Грей — Мэри. Старожилы утверждают, что пожилые дамы испокон веков соперничают друг с другом как на общественной, так и на профессиональной ниве. Отель Эгги — ее личная собственность и носит красноречивое название «У Эгги Грей». Поэтому Мэри, болезненно переживая роль администратора в государственном заведении с безликим названием «Касино», компенсирует свое ущербное положение активностью на социальной ниве. Как только по Апия распространяется весть, что Эгги строит новый павильон, в местной газете появляется заметка об участии Мэри в благотворительном мероприятии. Если Эгги открывает новый бар, Мэри берет шефство над делегацией самоанских девушек, отправляющейся на конкурс красоты в Австралию.

Мэри, в отличие от сестры, маленькая, кругленькая, со смешными кудряшками. Постукивая высокими каблучками, она появляется то на обеде в честь мистера Икса, то на коктейле у мистера Игрека. Она безошибочно знает, каков курс Смитов на социальной бирже и на каком уровне устроят прием Брауны, какие светские и официальные персоны примут в нем участие и кого обойдут. Короче говоря, Мэри — живая хроника немного смешного, немного грустного и очень специфичного мирка «сливок» Апия.

«Касино» процветает только по инерции, так как доход от отеля идет в пользу государства. Живут там те, кто в какой-то степени связан с государственным сектором: приглашенные специалисты, представители различных агентств ООН, эксперты, положение которых не обязывает правительство платить доллары за апартаменты для них у Эгги. Поэтому мы сразу же после прибытия в Апия попали в «Касино».

Мы приехали поздним вечером. Заспанный бой внес чемоданы в отель и исчез. Я огляделась вокруг. От огромной комнаты бросало в дрожь. Какие-то столбики, колонки, узкие оконца, фестоны паутины под потолком... Со стены на меня сурово смотрела английская королева. Казалось, она высунулась из рамы и спрашивает: «А вы, выскочки, чего здесь ищите?!» Тем временем послышался стук каблучков, и из темного коридора появилась Мэри.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! Как добрались? Номер приготовлен. Сионе, помоги внести чемоданы!

По скрипящим ступенькам мы поднялись на второй этаж и попали в деревянную галерею, откуда двери вели в отдельные номера. Сионе распахнул одну из них и внес багаж. Когда он уходил, я шепотом напомнила мужу:

— На чай.

Збышек протянул заранее приготовленную монету. Но парнишка отскочил в сторону, как ошпаренный. Он недвусмысленно отказывался принять деньги и даже казался оскорбленным.

— Может быть, ему мало монеты? А может быть, это сын заведующей?— размышляли мы после его ухода с неприятным чувством совершенной бестактности.

В ту ночь мы долго не могли заснуть. Комары проникали в комнату через дырки в сетках на окнах и жужжали, как безумные. Море шумело за порогом. Я думала о «Касино», о котором мне рассказали по дороге с аэродрома. Это большая деревянная развалина — самое старое здание на Самоа. Оно наполнено отголосками давно минувших событий, тенями давно умерших людей. Здесь перед первой мировой войной была резиденция немецких колониальных властей: доктор Зольф, первый немецкий губернатор Самоа, сидел здесь с вождями за чашкой кавы. А его преемник, Эрих Шульц, в августе 1914 г. принявший решение сдать острова англичанам, наблюдал отсюда 29 августа того же года за высадкой новозеландских войск.

С тех пор здание изрядно обветшало. Деревянные перекрытия сгнили, паркет выпал, перила на элегантных верандах и галереях сломались. Уже сменились три поколения людей и бесчисленные поколения пауков, а дух губернатора Шульца все еще прячется по мрачным углам. Ночью со всех сторон слышны шорохи и треск. Ими наполнен весь дом. Кажется, что их издают пол, стены и потолок. Это короеды пожирают наследие колониализма.

На следующее утро милый Марсель Корруа с некоторым опозданием предупредил нас:

— Да, забыл вам вчера сказать, чтобы вы не давали самоанцам на чай. Вы оскорбите их чувство собственно-

го достоинства. Если хотите, можете предложить им сигареты или какую-нибудь безделицу, но только не деньги!

Слишком поздно!

Бродяги Южных морей

В Апия кроме туристов, специалистов, связанных контрактами, и весьма многочисленной европейской колонии можно встретить еще один сорт иностранцев.

Появляются они неизвестно откуда. Их выплевывают затхлые суденышки, перевозящие копру, яхты с прогнившей палубой, приносят пассаты и западные ветры. Это настоящие перелетные птицы. Вчера их еще не было, а сегодня они тут как тут: сидят в плетеных креслах бара «Касино» и потягивают пиво из щербатых кружек, водят тяжелым взглядом по зелени деревьев и океану за окнами, молчат. Вдруг ни с того ни с сего они начинают говорить о себе безудержно и бесстыдно. Выворачивают наизнанку свою жизнь, как старый тулуп. Рассматривают под микроскопом каждое зернышко успеха, раздувают его в большие разноцветные шары и забавляются на глазах слушателей. Потом — трах! Шар счастья лопается. Из него с шипением выходят дни сытости и веселья. Остается серый сморщенный мешочек воспоминаний да заурядные, печальные люди в пропотевших рубашках. Их много слоняется по набережной, разочарованных и никому не нужных. Иногда, на короткое время, они пускают анемичные корешки привязанности и обосновываются на несколько месяцев в полных тараканов апартаментах тетушки Мэри. Где-то они работают, что-то делают, пытаются обмануть горечь прошлого, но в один прекрасный день исчезают.

Есть здесь люди и другого сорта. Это бизнесмены и технические работники, прилетающие сюда из Соединенных Штатов, Австралии, Новой Зеландии... Их фетиш — гигиена и деньги. Опрятные, распространяющие вокруг себя запах одеколona, очень спокойные, они подъезжают к отелю на такси и с подозрением рассматривают мутные рюмки под «мартини». Они приезжают сюда, потому что должны выполнить свою миссию. Их окружает атмосфера рационализма и умеренности. Но после

нескольких дней повышенной влажности и нестерпимой жары их охватывает беспокойство. Их энергия размягчается до консистенции гуммиарабика, деятельность увязает в бесконечном количестве недель без начала и конца. Время утрачивает для них свое условное измерение.

Они уезжают в замешательстве и с неприятным чувством тревоги. Или, во что, казалось бы, трудно поверить, постепенно теряют свой безукоризненный внешний вид и свои old spice⁶. Незаметно обрастают они новыми привычками, напяливают на себя цветастые рубахи с пятнами пота под мышками. Они расслабляются, опускаются и... остаются. Сначала они думают, что в любую минуту, когда захотят, смогут уехать отсюда, и верят в то, что сохранили напористость и твердость. Они клянутся с завтрашнего дня начать новую жизнь и собираются в дальнюю дорогу, но в один прекрасный день начинают понимать, что завтра не будет. Есть только сегодня и еще раз сегодня и так до самого конца. Неужели во всем этом виновата душевная вялость, которую порождает горячий и душный климат? Неужели они теряют силу воли? Некоторые бунтуют, некоторые уезжают. Но кто из них сможет навсегда вырвать остров из своего сердца и памяти?

Серой перелетной птицей Тихого океана был Сэм. Толстые стекла очков, усталые глаза, рахитичные ноги в шортах до колен. Он садился на краешек кресла в нашем доме, дрожащей рукой протирал очки и говорил:

— Как поживаете, уважаемый пане Воляку? Как поживаете, уважаемая пани доктор? Для меня счастливый harpening⁷ побывать в польском доме. Вы удивляетесь, пани доктор, моему польскому языку? Не удивляйтесь. Совсем не нужно этому удивляться, потому что я, уважаемый пан архитектор, из города Лодзи. Что это был за прекрасный город!

В 1926 году папа прикрыл бизнес, и мы выехали из Польши. Папа, мама, брат и я. Папа открыл маленький магазинчик в Сиднее. Торговля шла, но мы не были счастливы. Нет, мы были недовольны. Прошли годы, и мы привыкли. Только мама не привыкла. Есть не могла. Совсем потеряла аппетит. Хлеб не такой, как в

⁶ Старые привычки (англ.).

⁷ Случай (англ.).

Лодзи, и овощи не те... Потом родители умерли, и мы остались с братом вдвоем. Брат был хорошо образован. Способный этот мой брат. У него прекрасный дом в Мельбурне, прекрасная жена, прекрасные дети... Я же окончил только Technical College⁸. Денег на двоих не хватало. Но у меня были способности к электронике. Поэтому, как только началась World War Second⁹, я пошел к американцам. Мне повезло, что я был здесь, когда Гитлер напал на Польшу. Из нашей семьи никого не осталось. Знаете ли вы, пани доктор, что это такое, когда нет семьи? Для меня война — это часы radio operations¹⁰ американцев. Новая Гвинея, Гуам, Самоа, Соломоновы острова... У меня прекрасные certificates¹¹. Хотите посмотреть? Как-нибудь я вам их покажу.

А вы, пане Воляк, откуда, если можно узнать? Из Варшавы? Тоже прекрасный город. Мне было двенадцать лет, когда мы уезжали, но я помню, хорошо помню. А как там сейчас? Новые дома, новые люди... New life, new faces¹², можно сказать.

Пане, а войско еще носит фуражки? Как они назывались? Такие с рогами... А, да, конфедератки. Да, это были конфедератки! Их уже нет! Ах, как жалко, пане Воляк, такие были прекрасные головные уборы.

После войны я снова работал у американцев. На Восточном Самоа, в Паго-Паго. Там мне было хорошо. В холодильнике всегда холодные цыплята, сэндвичи, напитки. Люди меня любили. Приходили выпить, хлопали по плечу и говорили: «Сэм, ты наш друг. Ты превосходный радиооператор. Ты можешь на нас рассчитывать!» Но они мне не помогли, когда пришел новый govevпог¹³ и уволил меня с работы. Он всех выбросил. Директоров и office girl¹⁴. Он везде хотел иметь своих людей.

Мне дали прекрасные характеристики. Если вы поедете со мной в отель, пане Воляк, то я покажу их вам. Может быть, ваша супруга тоже хочет посмотреть? Они написали, что я excellent¹⁵ работник в области radio оре-

⁸ Техникум (англ.).

⁹ Вторая мировая война (англ.).

¹⁰ Радиопередачи (англ.).

¹¹ Характеристики (англ.).

¹² Новая жизнь, новые лица (англ.).

¹³ Губернатор (англ.).

¹⁴ Секретарша (англ.).

¹⁵ Превосходный (англ.).

gation и что они меня всем рекомендуют. Но сами они меня никуда не брали.

Я получил proposition¹⁶ в Апия и поехал. Много лет занимался их radio communication¹⁷. Но денег на этом не заработал, да и аппаратура неважная. Часто выходит из строя. Как только я получил новый job¹⁸ на Новой Гвинее, поехал туда. Хорошо ли мне там было — не могу сказать. Но тогда что-то стало происходить с моей головой. Меня трясла лихорадка, появился шум в ушах, и видел я все хуже. То ли малярия, то ли еще что... Пошел в больницу. Разные доктора меня лечили, но мне от этого не стало лучше. В Польше были врачи — это врачи, а здесь — лучше об этом не говорить, никто из них не смог мне даже поставить диагноз.

Когда я пролежал в больнице несколько недель, ко мне пришли из моего оффиса и предложили: «Напиши, Сэм, resignation¹⁹». Я ответил, что не хочу, потому что болен и должен на что-то жить. А они: «Если ты сам не напишешь, то получишь dismiss²⁰, а зачем тебе это? А так получишь excellent certificate и поищешь себе job где-нибудь в другом месте». Что делать — я уволился... Лечиться я больше не мог — не было денег... Я покажу вам свидетельство врачей. Вы сами увидите...

Я прочитал, что в Апия нужен радиооператор. Ну и поехал. Но это уже не то. Я стал стар. С головой все хуже, и сил нет. В Паго-Паго мне было хорошо. Платили, там был хороший radio staff²¹, очень contemporary²². А здесь нужен кто-нибудь помоложе, чтобы работать ночью, если аппаратура выйдет из строя.

Что со мной, пани доктор? Может быть, вы что-нибудь посоветуете? В глазах какие-то хлопья появляются и вижу все хуже. А в ушах все шумит и шумит. Есть не могу. Да и что за еда в этом отеле... Одно свинство. Сегодня я первый раз на Самоа ел настоящий обед, home made²³. Пани доктор — хозяйка first class²⁴, мож-

¹⁶ Предложение (англ.).

¹⁷ Радиосвязь (англ.).

¹⁸ Работа (англ.).

¹⁹ Заявление об уходе (англ.).

²⁰ Увольнять (англ.).

²¹ Радиооборудование (англ.).

²² Современный (англ.).

²³ Домашний (англ.).

²⁴ Первый класс (англ.).

но сказать. Нет, алкоголь не употребляю. С головой делается плохо и руки трясутся.

Да, на чем я остановился... Ага, вы посоветуйте, пани доктор, что мне делать. Пани доктор, наверное, думает, что он там болтает. У него есть брат — пусть тот ему и поможет. Брат ему посоветует. Да, у меня есть брат. Он very important person²⁵. Сделал карьеру в текстильной промышленности. Он менеджер на большой фабрике. Вчера был на Самоа, на американском Самоа, в Паго-Паго. Он возвращался из Сан-Франциско с business conference²⁶ в Австралию. Брат был так близко! Как я его ждал! Заказал dinner²⁷ у Мэри... на 12 персон. Пригласил директора радиостанции, deputy minister of radio and communication²⁸. Было много людей, которые меня знают... Пусть они посмотрят, какой у Сэма брат! А мой брат знаете, что сделал, пане архитектор? Позвонил из Паго-Паго и сказал, что у него нет времени, он не придет. Не придет! Пане, если б я знал, сам бы поехал в Паго-Паго... Чтобы увидеться, поговорить! Ведь он мой брат, у меня нет больше никого на свете...

И знаете, что мой брат ответил мне, своему брату? «Ты, Сэм, не приезжай ко мне в Мельбурн. Если хочешь меня видеть, то напиши. Я сам найду тебя в Сиднее. Если уедешь с Самоа, не ищи job в Южной Австралии. Там нужны молодые, а не такие, как ты, Сэм. Поезжай в Северную Австралию. Может быть, ты найдешь себе работу».

Я, пани доктор, с моим здоровьем, поеду в пустыню?! А что вы скажете, пане Воляк? Что? Нас только двое. Неужели он меня стыдится? Разве может быть такое, чтобы брат стыдился брата?! Я знаю, что я — попросту никто. У меня нет денег, нет здоровья, нет молодости, нет семьи. У меня есть только один-единственный брат. Куда я сейчас поеду? Нет во всем мире страны, которая была бы моей. Нет дома, который был бы моим. Но я знаю, что я поеду туда, куда никто не хочет ехать. Еще год, два, может быть, пять лет. С каждым новым приглашением зарплата уменьшается и становится хуже климат: кому сейчас нужен старый Сэм.

²⁵ Очень важная личность (англ.).

²⁶ Деловая конференция (англ.).

²⁷ Обед (англ.).

²⁸ Заместитель министра по радиовещанию и связи (англ.).

Прогулка вокруг лагуны

Самоанская деревня украшена яркими цветами тропического лета, кровавого от пурпурных гибискусов, пестрого от цветов китайской розы и кружевных бугенвилей, золотистого от плодов папайи и манго.

— Что за фантастический пейзаж!— сказала я мужу при виде небольшого селения у подножия холма на северо-восточном побережье острова Уполу. Оно раскинулось над отливающей синевой лагуной, заключенной в белую оправу песка. Подстриженные соломенные крыши хижин прятались в тени блестящих листьев хлебных деревьев, которые полукругом обступили ухоженную, покрытую травой центральную площадь. За ними, стыдливо прикрывшись кустами, горбились кухни-шалашики. На пологом склоне виднелась плантация кокосовых пальм и зеленые пятна таро.

Над селом висела ленивая, душная тишина. Только легкий бриз с океана время от времени шевелил сочные листья деревьев, которые, касаясь друг друга, чуть слышно шелестели. Если бы не это движение, такое ничтожное, что его трудно было заметить, открывшаяся взору картина своей статичностью произвела бы впечатление безвкусного полотна. Слишком голубого, слишком зеленого, чересчур позолоченного лучами солнца...

— Уж слишком здесь красиво. Никакого диссонанса, одна гармония и идиллия!— Збышек самозабвенно щелкал фотоаппаратом.— В Польше никто не поверит, что эти цвета натуральные. Вот увидишь, на сером фоне нашей осени они будут просто взрываться. Чего доброго, мы испортим репутацию пленки «Агфа Колер». Все будет думать, что во всем виновата только она.

Мы медленно въехали в деревню, миновали спящие

Деревенский дом собраний

домики с поднятыми под самые крыши занавесками. Было время сиесты.

— Послушай, что здесь едят, — водила я пальцем по странице путеводителя для туристов «Западное Самоа, население, страна и обычаи»: «Нельзя ехать на автомобиле или на лошади, нести поднятый вверх зонт или ношу на плече мимо фале, где происходит фоно (собрание вождей). Из уважения к вождям и их собранию вы должны оставить свое транспортное средство, пройти пешком мимо фале или слезть с коня и вести его на поводу. Вы должны также сложить зонт и снять с плеча ношу».

Я отложила книгу.

— Хорошо, что вожди спят, а то бы нам пришлось толкать автомобиль через всю деревню!

— О нет, как глава семьи я имею право на титул матаи. Самое большее, что я должен сделать, опустить зонт. Толкать автомобиль и носить тяжести будут нетитулованные члены семьи.

— Кто это?

— Ты и Магда, разумеется!

В это время мы проезжали мимо дома собраний. Он стоял в самом центре деревни, красивый и легкий, а его гладко полированные столбы, поддерживающие крышу, краснели в полуденном солнце. Магда смотрела в противоположную сторону.

— Мамуся, какие красивые домики!— показала она пальцем на прямоугольные будки, нависшие над лагуной.

— Что это?

— *Фале латити*,— пояснил муж, гордясь своими свежеприобретенными знаниями о постройках самоанской деревни.— Это настоящее бельмо в глазу отдела здравоохранения.

— Почему? Это, наверное, какие-нибудь наблюдательные пункты. Они стоят вдоль берега в каждой деревне.

— Ты можешь их увидеть также в любом издании, рекламирующем прелести Самоа. Они встречаются через каждые несколько десятков метров на каждом красивом пляже.

— Чем же они не угодили отделу здравоохранения?

— Прежде всего тем, что они есть. Знаешь, что означает фале латити? Фале, конечно,— дом, а латити... Ничего тебе это название не напоминает?

— Ничего, оно звучит очень приятно и экзотично.

— А если я скажу тебе, что это не что иное, как отхожее место?

— Ну, знаешь!

Домики тотчас перестали мне нравиться. Кошмарные клозеты! Они занимают самые привлекательные места побережья, господствуют на самых красивых пляжах. Самоанский семейный индивидуализм не допускает, чтобы различные семьи пользовались одной и той же уборной. Поэтому каждая аинга строит собственную кабинку с собственным мостиком на сваях как раз в том месте, где волны прилива омывают край лагуны.

Не без труда удалось нам найти узкую полосу пляжа, свободную от фале латити. Пальмы здесь доходили до границы песка, и мы улеглись в прохладной тени их развесистых крон, наблюдая за приливом. Еще минуту назад видны были верхушки рифов. Но вот их покрыла

вода, и до самого горизонта поверхность океана стала гладкой. Время шло в приятной дремоте. Я очнулась в тот момент, когда легкий ветерок покрыл мелкой рябью лагуну и зашелестел в листьях пальм над нашими головами.

Трррах!— что-то упало очень близко, и песок брызнул нам на ноги.

— Что это?

На траве лежал крупный кокос. Он весил почти три килограмма. Мы подняли головы и увидели зловеще покачивающиеся большие спелые орехи. Так нам был преподан урок первой заповеди Самоа: никогда не садись под плодоносящей пальмой...

— Давайте заберем вещички и смоемся отсюда. Ветер усиливается,— сказал Збышек, с подозрением глядя на кроны пальм.— Совсем недалеко я видел скалы, выступающие в море. Там и подождем, пока не спадет вода. Отлив уже начинается.

Действительно, с каждой волной море понемногу отступало, оставляя на мокром песке мелкие ракушки и водоросли. Скалы были тут же, за поворотом дороги. Покрытые водяной пылью, они сверкали в солнечных лучах, как будто покрытые черным лаком. Небольшие крабы, потревоженные нашими шагами, удирали в щели между камнями. Они были одного цвета со скалами, поэтому их поначалу можно было принять за скатившиеся в море черные камешки. Снизу и с боков валуны обросли тысячами моллюсков в темных скорлупках, которые так прочно присосались к скале, что их невозможно было оторвать. По мере того как оседало зеркало воды, между камнями образовывались маленькие озера, с белым песком на дне. В каждом из них были свои удивительные водоросли и ракушки.

— А это что такое?— воскликнула Магда.

Из-под плоского камня показались оливково-зеленые щупальца. Длинные, тонкие и волосатые, они извивались в мелкой воде.

— осьминог?

— Нет, осьминог, которого мы видели на рыбном дереве, выглядел иначе.

— Но тогда кто?

— Принесите какую-нибудь толстую палку. Я попробую приподнять камень.

Твердая ветка оказалась слишком хрупкой.

— Здесь нужно использовать рычаг,— сопя сказал раздраженный Збышек.— Посмотрите-ка, это существо забирается все глубже. Может быть, удастся его выгнать.

Мы начали осторожно вытягивать из-под камня скрученные щупальцы. Зацепили палочкой одно гибкое щупальце и слегка подтянули его, как вдруг существо свернулось, сжалось и убралось в свое убежище, оставив нам на память кусочек оторванной конечности. Ампутированный обрубочек какое-то время болезненно корчился, потом упал на песок и замер. Я поняла, что мы имеем дело с так называемой «brittle star», нежной морской звездой с очень длинными и хрупкими щупальцами, которые регенерируют, если их оторвать.

— Давайте поищем. Их здесь должно быть много.

Действительно, стоило внимательно присмотреться, как мы увидели змеевидные ленты, выступающие почти из-под каждого камня. Некоторые звезды выползли так далеко, что можно было рассмотреть их маленькую шишковатую головку. Нас охватила исследовательская страсть. Вода спала, обнажив песчаные участки дна, усыпанные морскими богатствами. Ежеминутно мы находили что-нибудь ценное, таинственное, то, что еще никогда никто из нас не видел... Алебастровые веточки коралла, покрытые застывшими почками, коралловые мисочки, сотканые из известковых пластинок и уложенные в форме грибницы. Кораллы древесные, губчатые, белые и с красными прожилками... И раковины. Фарфоровые монетки или каури, некогда дававшие прибежище студенистым моллюскам класса Сургаеа, пуговицы «кошачьих глазок», которыми моллюски закрывают вход в свой домик, и конусообразные раковины с причудливыми пятнами по поверхности.

Кораллы... Мы не могли забрать с собой все, что хотели. Один из них, с круглым углублением, был, например, похож на тарелку. Он не жил в колонии, подобно остальным членам семьи, а одиноко обосновался на песчаном дне, оцарапав Магде ногу. Кто мог знать, что он там лежит?! Индивидуалист. Мы вытащили коралл на берег. Он был тяжелый, скользкий, поросший бесчисленным множеством полипов цвета истлевшей листвы. Потом он долго отмокал в растворе хлора, сно-

ва лежал на солнце, брошенный на съедение муравьям, и, наконец, после окончательных косметических операций засверкал своей алебастровой красотой. Этот коралл остался лежать у порога нашего самоанского дома, красивый и окостеневший, обращенный к солнцу и морю. До Польши нас сопровождала его маленькая копия — белый грибок величиной с пепельницу...

Я беру в руки мертвые обрубки коралловых садов. Они очень хрупкие и нежные. Вот, например, этот. Когда мы оторвали его от коралловой стены, он был красным и ветвистым, как олени рога. Теперь коралл полинял и поблек. Достался он нам нелегко. Однажды мы натолкнулись на небольшой пляж на северо-восточном побережье Уполу. В нескольких сотнях метров дальше на север лежал крохотный островок — попросту зеленая шапка, брошенная по капризу природы у самого берега.

— Во время отлива до него можно дойти вброд. Вода тогда не выше колена,— проинформировал нас случайный прохожий-самоанец.

Мы пошли к островку. Мягкий песок у берега постепенно сменился покрытой трещинами коралловой плитой. В песчаных расщелинах ютились сапфировые морские звезды, стремительно проплывали радужные рыбки. Между кораллами лежали коричневые и черные голотурии, которые называют еще морскими огурцами. Эти мягкие и дряблые существа длиной в 1 фут представляют собой наполненные жидкостью кожаные мешочки с двумя отверстиями по краям. Рассерженные, они выбрасывают из ротового отверстия клубок белых ниток, которые поразительно напоминают вареные макароны. Кое-где в разветвлениях коралловых кустов сидят коричневые морские ежи с хрупкими дрожащими иголками. Ноги скользят на губчатых водорослях, изодранные формы и цвет которых, от глубокой зелени до всех оттенков коричневого и темно-красного, напоминают осенние листья. Покров этого подводного леса ненадежен. Не раз он проваливался под ногами, обнажая колючее известковое нутро. Нужно внимательно смотреть, куда ставишь ногу. Менее предательским был «мягкий» коралл, *Alcyonarian*, близкий родственник настоящего, «твердого» коралла, от которого он отличается только тем, что не обызвествляется. И все же я

неохотно прикасаюсь к нему. Слишком уж он напоминает коричневые, свернутые в клубок кишки...

Все чаще в коралловой платформе встречаются трещины. Они, должно быть, очень глубоки, потому что с каждой волной, движущейся со стороны моря, вода вздымается в них пенящимся булькающим гребнем. Мы ступали осторожно, чтобы не попасть в западню, и уже собирались повернуть назад, как вдруг Збышек испустил вопль индейского воина.

— Идите сюда! Я нашел красный коралл!

Ценой новых порезов и царапин добрались мы с Магдусей до широкой щели в рифе и склонились над глубокой ямой. В эту самую минуту что-то зашипело, забулькало, и яма выплюнула на нас гектолитры соленой воды. Мы заскользили спинами по дну, напомиравшему ложе факира, как будто нас выстрелили из катапульты...

— Боюсь,— тотчас же отреагировала Магда и удалилась в слезы.

Но вода успокоилась, и к нам вернулся спартанский дух. Мы снова склонились над расщелиной и у самой поверхности воды увидели лес красных кораллов. Этот лес в миниатюре рос не вверх, а по горизонтали, с легким наклоном в глубину. Он рос на зеленоватых и коричневых скалах, на толстых бурых стеблях, окраска которых постепенно, через различные оттенки кобальта и розового, переходила в темный пурпур. Коралл был твердый, колючий и мертвый.

— Попробую отломать кусок.— Збышек нагнулся, опустил в воду руку, и снова послышалось бессвязное бормотание воды...

Мы с Магдой отскочили в последнюю минуту. Когда осела пена, мы увидели, что наш папа стоит и сосет кровоточащую ранку на ладони.

— Ужасно крепко держится. Тянул изо всех сил — и все без толку.— Он сосредоточенно рассматривал ранку.— Бегите к машине, принесите долото и молоток. Иначе ничего не сделаешь.

Постукивая молотком в паузах между набегающими волнами, нам удалось отбить несколько красных кусков. Мы положили их в деревянную коробку между двумя слоями ваты и потом долго лечили воспаленные ранки и царапины — назидание тем, кто не соблюдает

вторую заповедь острова: никогда не ступай на рифы босиком.

Но это было уже позднее. А сейчас вернемся к нашей первой поездке в деревню и первому знакомству с морскими животными. Когда вода спала, мы покинули каменную плотину и поплыли вдоль берега в сторону заходящего солнца. Море, как обычно в последние пятнадцать минут перед закатом, было тихим и неподвижным. Сквозь прозрачную толщу воды можно было видеть покрытое складками дно. Недавний шторм, видимо, вымыл местами глубокие впадины и разбросал песок продолговатыми холмиками. В небольшом углублении между двумя такими холмиками стоял Збышек и со смешанным выражением восхищения и отвращения что-то рассматривал.

— Папа увидел рыбу,— точно определила Магда.

Да, несомненно. Такое выражение лица было у Збышека всегда, когда он встречался с рыбой. Только вчера мы говорили с ним на эту тему.

— Ты должен взять себя в руки. Магда во всем тебе подражает, и если она увидит, что ты боишься рыб, то будет реветь при виде аквариума.

— С рыбами лучше быть осторожным. А потом я их совсем не боюсь, а только чувствую к ним отвращение.

Вот и сейчас Збышек совсем, как мне показалось, непедагогично повернулся кругом и стал удирать к берегу. Я решила, что пришла пора позаботиться о душевной гигиене ребенка.

— Такой большой папа и боится такой маленькой рыбки!— произнесла я с нескрываемым удовольствием.— Иди сюда, мамуся тебе ее покажет!

Я взяла за руку упирающуюся дочь и потянула ее к тому месту, откуда минуту назад исчез глава семьи. Мы тут же увидели эту рыбку. Она была небольшая, сантиметров двадцать в длину, и очень красивая. Ее плотное тело покрывали горизонтальные полосы: желтые, голубые и розовые с бледно-зелеными полутонами у головы. Рыбка плавала вокруг кораллового камня.

— Ах, какая красивая,— благоговейно вздохнула Магда.

Мы сделали шаг вперед. Рыбка как будто нас совсем не боялась. Наоборот, после нескольких нерсши-

тельных движений она застыла неподвижно, как пестрое изваяние. Не знаю почему, но у меня появилось ощущение, что она внимательно нас разглядывает. Поэтому мне стало немного не по себе.. Вдруг разноцветный феномен пришел в движение и быстро поплыл. Нет, рыбка не удирала, а с решительностью маленького броненосца плыла прямо на нас...

— Боюсь!— заревела наша героическая дочь и припустила что было сил к берегу, а я — за ней. Но только я успела сделать первый шаг, как почувствовала сильный укол в икру, потом второй, третий.. Вода мешала бежать, а назойливое существо атаковало все настойчивее.

— Збышек, Збышек!— закричала я громче Магды. Збышек бросился к нам на помощь, схватил заплаканного ребенка на руки, и мы, полумертвые от страха, добрались до берега.

— Такая красивая рыбка...— рыдала с глубоким чувством обиды жертва моих дидактических экспериментов. А на икрах наших ног красным по белому была написана третья заповедь коралловых островов: глава семьи всегда прав!

— Разве я не говорил?— подвел Збышек итог нашей первой поездки в деревню...

Рыба и киты

Перед наступлением ночи, когда солнце еще не зашло, а на противоположной стороне неба уже появилась большая оранжевая луна, самоанская деревня выплескивает всю свою энергию и радость, которую она копила в течение жаркого дня. Люди высыпают из домов, садятся у обочины дороги и на краю малаэ, играют на *укулеле*, поют, шутят...

Старики с удовольствием загадывают загадки. Кто угадает, что это такое: «Женщина сидит на скале, а ее седые волосы поднялись к небу»? Конечно же,— уму с косою белого дыма.

Кто-то произносит: *лаумеи* (черепашка) — и выжидающе смотрит на соседа. Лицо последнего принимает озабоченное выражение. Найдет ли он рифмующееся с этим словом название *рыбы*?

На малаэ две команды мальчишек играют в крикет, который здесь называют *киликити*. Английская игра, перенесенная на самоанскую почву, за короткое время стала подлинно народным спортом. Куда ни посмотришь: на школьных спортивных площадках, пустырях, деревенских площадях — везде молодежь увлеченно бьет тонкими битами по каучуковым шарам. Англичане с трудом узнают этот росток, отпочковавшийся от британского деревца.

— Ну, это не крикет, — открещиваются они с пренебрежением, наблюдая за игрой, которая действительно больше напоминает сражение древних воинов, чем состязания эlegantных воспитанников *public school*¹.

— Но это же киликити! — горячо возражают им самоанцы.

Деревня отдыхает. Только *паопао*, небольшие лодки, выдолбленные из ствола дерева, лениво скользят по заливу. Может быть, рыбаки собираются на ночной лов? Да, гребцы направляют лодки в открытое море. Через минуту они останавливаются у коралловой стены, которая отделяет лагуну от океана, и начинают ловить рыбу прадедовским способом — при свете факелов.

Деревню кормит море. Море для нее имеет тем большее значение, чем беднее деревня, чем меньше у нее земли. Утром, днем и вечером на самоанских пляжах можно увидеть худых, жилистых рыбаков, которые с сетью или копьём и самодельными очками для подводного лова возвращаются с охоты. С пояса свисают яркие трофеи: связки сапфировых, красных и серебристых рыбок. Наловить на обед рыбы в лагуне могут даже мальчишки. Ловко и бесшумно погружаются они под воду и в зеленом полумраке высматривают жертву. Одно быстрое движение копья — и серебристая рыба бьется на железном наконечнике. Изредка удаётся поймать крупную добычу: молодую акулу, которую отлив застал по эту сторону рифов, заблудившегося тунца или вкусную барабульку. Настоящий сезон ловли барабулек начинается только в октябре. Между октябрем и мартом эта рыба-бродяга откладывает икру в верхнем течении рек, а потом большими косяками возвращается в море

¹ Закрытая средняя школа для мальчиков (*англ.*).

и попадает прямо в расставленные сети. Для деревни это приятное время — пора сытости и благоденствия.

Операция «барабулька» готовится заранее и необычайно тщательно. Сначала расставляют западни — сети из кокосового волокна и пальмовых листьев. Так как плести такие сети весьма трудоемкое занятие, да к тому же они легко рвутся, то постепенно их вытесняют дорогие, но зато прочные — металлические. Расставляют их в устьях рек в форме огромной буквы V. Одна сторона тянется вдоль линии рифов, другая идет прямо к берегу. Как открытая пасть, направлена она в сторону устья реки, заманивая рыбу в шаровую западню с узким горлом. С вышки на берегу дежурный наблюдает за рекой и лагуной. Как только он заметит приближающийся косяк, то извещает об этом деревню пронзительными звуками, которые извлекает из раковины тритона. Поднимается неопишуемая суматоха. Дежурный трубит что есть мочи в раковину, дети визжат и путаются под ногами, женщины перекликаются, вытаскивая из тайников под потолком большие сети, натянутые на деревянные рамы, а мужчины разматывают длинную сеть, которая отрежет рыбам обратный путь.

Ловлей руководит самый уважаемый матаи деревни. В тот момент, когда косяк проходит мимо определенного места, он дает знак, и все входят в воду. Шум и суматоха уступают место заранее установленному и логичному порядку. Впереди идут мужчины, неся перед собой развернутую сеть. За ними — женщины с высоко поднятыми сетками, похожими на большие черпаки, а завершают эту процессию возбужденные, галдящие дети. Женщины пронзительно кричат и бьют ладонями или палками по воде. Все это делается для того, чтобы загнать рыбу как можно дальше в западню. Кольцо сжимается. Барабульки мечутся. Одним из них удается перескочить высокую, в несколько футов, сетку, другие пытаются проскользнуть между ног рыбаков, но там, за шеренгой мужчин, их уже ждут сети женщин.

Тем временем испуганных барабулек загоняют в шарообразную западню и там закрывают. Под вечер начинается избиение. Мальчишки пробивают копьями одну рыбу за другой и бросают ее в приготовленные лодки. Когда вся рыба забита и перевезена на берег, начинается кульминационный момент охоты на барабулек —

дележ добычи. Жители деревни садятся вокруг вождей и бдительно следят за ними. Прежде всего рыбу пересчитывают и сортируют по величине на крупную, среднюю и мелкую. В зависимости от улова ее может быть около сотни, несколько сотен, а в удачный сезон даже несколько тысяч. Потом матаи самого высокого ранга с блокнотом в руке вызывает глав отдельных семей и громко объявляет, сколько рыбы причитается его аинге. Остальные матаи следят, чтобы дележ был справедливым и соответствовал установленной традиции. Излишки жители деревни могут продать в городе и на деньги купить необходимые предметы обихода, которые не умеют делать сами.

За акулами и жирными тунцами самоанцы выходят в открытое море. Тунца можно легко обмануть блеском полированного перламутра, но у акул вкус иной. Их следует подманить к лодке куском мяса, вывешенного за борт. Тогда на акул набрасывают лассо, подтягивают к лодке и убивают ударом по голове. По традиции первая акула, пойманная в новой лодке, приносится в жертву деревне. Взамен рыбак получает подарок — различные продукты.

Чаще, чем акул и тунцов, на Самоа едят осьминогов. Иногда можно видеть в деревне развешенного на солнце осьминога, сильно напоминающего пятнистого бумажного змея. Каждый день рыбаки плавают за ними к рифам и ловят их очень простым способом — «на крысу».

В давние времена крыса, краб и птица были закадычными друзьями. Однажды вышли они в море на лодке. Над рифами каноэ перевернулось, и вся троица оказалась в воде. Птица, не обращая внимания на друзей, расправила крылья и улетела. Краб заковылял к щели в рифах, а крыса осталась одна-одинешенька и отчаянно пыталась удержаться на поверхности. Тут ее увидел осьминог.

— Садись мне на голову,— сказал он.— Я доведу тебя до берега. С большим трудом, сгибаясь под тяжестью ноши, добрался осьминог до пляжа. Но как только крыса почувствовала под лапками твердую почву, она запела и заплясала от радости:

— Осьминог, осьминог, пощупай свою голову, посмотри, что я там оставила!

Осьминог коснулся головы и нащупал... стыдно сказать что. Такова была плата за его благородный поступок. Осьминог решил отомстить крысе и крикнул:

— Совы востока и запада, совы моря и суши, летите сюда и разыщите моего врага!

Трусливая крыса глубоко зарылась в песок. Однако ей это не очень помогло, так как совы увидели ее и разорвали на куски.

С той поры совы считают крыс своими врагами, а осьминог истребляет все, что напоминает ему неблагодарного грызуна. Но иногда его подводит память, и он яростно нападает на приманку, сделанную из листьев и панциря краба. Он обвивает приманку щупальцами и, ослепленный ненавистью, позволяет втащить себя в лодку и убить...

Реже всего, может быть, раз в несколько десятков лет, самоанцы встречают кита. Несчастное животное, злой судьбой выброшенное на мель или заблокированное в лагуне, становится добычей жителей ближайших деревень. Он надолго обеспечивает самоанцев запасами мяса и жира. Самые знатные патриции носят дорогие ожерелья из зубов кита.

Самоанцы никогда не умели охотиться на этих гигантских млекопитающих. В прежние времена они плавали за китовыми зубами на Фиджи, где получали их в качестве вознаграждения за службу у какого-нибудь местного царька. Современные самоанцы довольствуются ожерельями из зубов кабана, плодов пандануса или, *signum temporis*², белыми воротничками от рубашек.

Во время нашего пребывания на Самоа, в октябре 1967 года, имели место два инцидента с китами. Один из них едва не кончился трагически для пассажиров моторной лодки, курсирующей между Уполу и Савайи.

Была суббота. Лодка, как обычно переполненная в начале уикенда, отплыла от пристани. Вдруг раздался крик, и лодку потрянуло от внезапного удара.

— Два раза, — рассказывал потом один пассажир, —

² Знамение времени (лат.).

кит поднимал лодку на спине и на хвосте. Затем он всплыл на поверхность, открыл пасть, ударил лодку головой и попытался разбить ее хвостом. Он, несомненно, напал, а не столкнулся с нами случайно. Капитан маневрировал, стараясь избежать столкновения с колосом. В конце концов кит поранился о винт. Тогда он отказался от дальнейших попыток нападения и скрылся под водой. На воде остались кровавое пятно и лодка с перепуганными пассажирами.

Несколько недель спустя большой кит приблизился к пристани Салуафата к востоку от Апиа. Было время отлива. Животное оказалось на песчаной отмели. Местное население обезумело от радости. Каждый хватал все, что было под рукой: ружье, нож, палку, динамит... и с громким криком бежал на пляж. Увидев, что его ожидает, охваченный ужасом, кит собрал остатки сил и сумел сползти на более глубокое место. Целые сутки каное патрулировали в заливе, но кит больше не появился.

Море, рыбы, крабы и морские птицы прочно вошли в самоанские поговорки, как в утонченные, которые используют ораторы во время своих ярких выступлений, так и будничные, известные любому школьнику.

«Злой, как рыба тифитифи», — презрительно фыркнет коренной самоанец, хлопнув от удовлетворения себя по массивным ляжкам, завидев тощего человека.

«Сеть, которую уже нельзя починить», — сочувственно вздохнет он над старым больным человеком.

Сварливую особу самоанец сравнит с барракудой, которая, после того как ее поймают, имеет обыкновение бросаться на всех. Нет причин радоваться человеку, о котором говорят: «У него два рта, как у морского огурца», так как отталкивающие своим видом голотурии считаются на Самоа синонимом двуликости. Такую славу они заслужили во время мифической войны между рыбами и птицами, когда примыкали то к одной, то к другой стороне в зависимости от того, кому сопутствовала удача. Когда же самоанец хочет кого-нибудь ободрить, то вместо того, чтобы сказать «не расстраивайся», скажет: «Сеть сейчас висит, потому что ей надо просохнуть. Но она снова будет ловить рыбу!»

На Самоа нет промышленного рыболовства, нет рыбачьих ботов, холодильников, рыбозаводов. Редко встре-

тишь исправную моторную лодку, на которой можно выйти в открытое море за крупной рыбой. Но еще кое-где можно увидеть очень красивые лодки *вааало*, некогда использовавшиеся здесь для ловли рыбы за рифами. Их строят из досок хлебного дерева и украшают раковинами. Доски пропитывают смолой и по примеру древних строителей связывают веревками из кокосового волокна, не применяя ни одного гвоздя. На таких лодках мужчины выходили далеко в море. Они покидали безопасные лагуны и защитный вал коралловых рифов и отдавались на волю ненадежных течений и ветров. Много раз в открытом море их заставлял внезапный шторм, топил или уносил далеко от берега. Затерянные в пустом океане, они пытались найти дорогу домой теми же способами, какими пользовались их отцы, деды и прадеды.

«Солнце — их проводник днем, а звезды — ночью», — писал капитан Джемс Кук после пятимесячного пребывания у тонганцев, ближайших соседей и побратимов самоанцев. «Если они невидимы, то туземцы придерживаются направления, в котором ветер и волны бьют в лодку. Если же в темноте ветер и волны изменят направление... они теряются, часто не попадают в пункт назначения, и тогда уже никто о них ничего не услышит».

Скитальцы Тихого океана

Самоанцы на протяжении столетий поддерживали постоянные связи с архипелагами Тонга и Фиджи. Воевали с ними, торговали, заключали браки. Расстояние в 290 миль, отделяющее Тонга от Самоа (с небольшой группой Ниуатобутабу посередине), и 220 миль между Тонга и Фиджи они преодолевали на больших сдвоенных лодках под парусами, которые назывались тонганскими.

Интересные сведения о древних способах плавания и связанных с ними трудностях можно найти в воспоминаниях англичанина Уилла Маринера, который пятнадцатилетним мальчиком попал в рабство к тонганцам и провел среди них три года. Уилл находился на борту каперского судна «Порт-о-Пренс», которое 1 декабря

1806 г. бросило якорь около острова Лифука из группы островов Хаапаи. На корабль неожиданно напали аборигены. Уилл был единственным членом команды, которому удалось спастись, так как в момент нападения его не было на палубе.

Сообразительный парнишка понравился властелину Хаапаи, великому вождю Финау Улукалала. Он усыновил Уилла, дал ему новое имя Токи Укамеа — Железный Топор — и возвел в ранг советника вождя по огнестрельному оружию и политике. Уилл со своим покровителем принимал участие во многих морских путешествиях. Во время одного из них они попали в густой туман. Было уже темно, и рулевой вел лодку по направлению ветра. Маринер, у которого был при себе небольшой компас, захваченный им с корабля, заметил, что они плывут не в ту сторону.

— Финау, разреши мне отдать приказание рулевому, — попросил он вождя, — иначе мы пропадем.

Вождь был опытным моряком и знал, что им не миновать гибели. Туман и темнота закрыли горизонт, а ветер гнал их в черную пустоту. Отдалялся берег или приближался? Будут ли они завтра сидеть с друзьями за чашкой кавы и стряхивать первые капли богам в благодарность за счастливое возвращение или опустятся в зеленую бездну, в мир усопших? У мальчишки была волшебная коробочка с дрожащей стрелкой. Он говорит, что она может их спасти. Можно ли ему верить? Финау поверил маленькой коробочке. Лодка сменила курс, и с первыми лучами солнца моряки увидели знакомые очертания земли. Они были спасены. Финау до конца своих дней был уверен в том, что затаившееся в коробочке божество держало острие стрелки, направленное на север...

Современник Маринера и Финау, тонганский вождь Кау Моала не имел компаса. Но он был опытейшим моряком, вечная неудовлетворенность которого, весьма характерная для полинезийцев, гнала его от острова к острову, от одного приключения к другому. Как-то он задержался на Фиджи. Когда же Кау Моала решил вернуться и после долгих дней плавания уже почти добрался до тонганского острова Вавау, неожиданно поднялся ветер и отнес его лодку далеко в северо-западном направлении к острову Футуна. Появление вождя вызвало

огромное удивление у местных жителей, которые не знали других народов и островов, кроме своего. Кау Моала провел у них год, а потом решил вернуться на Фиджи. Но и на этот раз ему не повезло. После полного опасностей плавания его отнесло на запад к острову Ротума. Здесь местные жители, никогда до этого не видевшие большое каноэ, приветствовали его как бога. Однако тонганец там не остался. Он взял с собой нескольких островитян и возобновил попытку добраться до Фиджи. Наперекор встречным ветрам ему удалось на этот раз высадиться на одном из островов архипелага, но, втянутый в местные войны, он пробыл там несколько лет. Прошли долгие годы, прежде чем Кау Моала посчастливилось вернуться на родину, на острова Тонга.

После 1860 г. полинезийцы перестали строить большие лодки и перешли на оседлый образ жизни. Но беспокойный дух предков еще стучит в сердца современных жителей островов и манит их... манит к подвигам, от которых мороз продирает по коже.

Несколько лет назад жители Алеипата на восточном побережье острова Уполу заметили черную точку на горизонте. Море было бурное, и точка то появлялась, то исчезала в волнах. С наступлением темноты она приблизилась к проходу в рифах, окружающих лагуну, и когда была уже на расстоянии какой-нибудь мили от берега, все увидели, что это маленькая, очень неустойчивая лодка паопао. В ней сидел мальчик, на вид лет четырнадцати. Его появление вызвало своего рода сенсацию. Никто его не знал и не мог сказать, что ищет он в разбушевавшемся море. Мальчик подплыл к берегу, вытащил каноэ на песок и перевернул его вверх дном, чтобы вылить скопившуюся в нем воду. Потом подошел к собравшимся на пляже людям и вежливо поздоровался с ними.

— *Талофа лава.*

— Откуда ты приплыл, мальчик?

— Из Тутуили.

— Из Тутуили?! По такому морю?! Когда же ты отсюда вышел?

— Сегодня, перед восходом солнца.

— Как же тебе это удалось? Как волны не перевернули лодку?

— Переворачивали, и не один раз.

— Но как тебе пришло в голову плыть шестьдесят миль в такую бурю?

— Я родился на острове Токелау и хожу в школу в Паго-Паго. Так как начались каникулы, я решил воспользоваться случаем и побывать на Западном Самоа. Я подумал, что, может быть, какая-нибудь семья в Алеипата примет меня. Один старик одолжил мне пао-пао, дал на дорогу бутылку кавы и три кокосовых ореха. Вот я и приплыл.

Просто так проплыл шестьдесят миль по бурному морю! И на такой лодчонке, которая самое большее годится для плавания по лагуне. Ну и ну...

Поля на экваторе

Самоанцы — это главным образом земледельцы. Земля в значительно большей степени, чем море, обеспечивает селениям прожиточный минимум и дает небольшой денежный доход. Она позволяет жителям островов сохранять некоторую автономию по отношению к центральной власти. Около 80,5% земли на Самоа представляют собственность аинги. Многие десятки лет эти земли, согласно местным законам, не переходили к другим лицам. Их нельзя было продать, подарить или сдать на долгое время в аренду. Только в определенных случаях заинтересованные семьи могли уступить правительству часть своей земли под строительство общественных объектов: школ, дорог, больниц — или миссиям для сооружения храмов.

Распоряжаются землей матаи: в масштабах аинги — вожди отдельных родов, а в масштабе деревни — совет вождей всех семей, проживающих в данной деревне. Иногда бывает трудно провести границу между землями соседних деревень. Так как селения располагаются главным образом в прибрежной полосе, их земли простираются в глубь острова в пределах условных границ от берега моря до горной гряды. В поперечном направлении земли часто перекрывают друг друга, и если нет каких-нибудь естественных демаркационных линий, то они становятся очагом долголетних споров, заканчивающихся судами.

Самоанцы совместно обрабатывают землю и сообща

пользуются ее дарами. Помимо общих плантаций отдельные хозяйства владеют выделенными им маленькими участками земли, на которых они выращивают овощи для своих нужд. Но и эти участки не являются частной собственностью семьи, а находятся в распоряжении матаи. Нетитулованные мужчины деревни должны по традиции оказывать различные услуги своим вождям — обрабатывать их плантации, приносить им церемониальную дань в виде продуктов и вообще заботиться об удовлетворении всех их потребностей. Кроме того, они должны опекать пастора и его семью, а также участвовать в общественных работах, проводимых в деревне.

Проблема земельной собственности на Самоа чрезвычайно сложна. С одной стороны, архаичная система «родового землевладения» уберегла самоанцев от раздробления земли на индивидуальные «мини-поля», однако с другой — она отрицательно сказывается на ведении современного хозяйства. Попытки отбросить «табу» родовых земель предпринимались давно. Так, в 1924—1926 гг. новозеландская администрация начала успешно, как тогда считалось, проводить на островах Тонга разбивку земли на индивидуальные участки. Эта широко распропагандированная система основывалась на передаче в пожизненную аренду десяти акров земли каждому взрослому мужчине. Если мужчина женился, ему дополнительно выделялась одна восьмая акра под строительство дома. В случае смерти арендатора земля возвращалась в распоряжение совета деревни. Владение собственным участком не освобождало от обязанности оказывать традиционные услуги матаи, а также выполнять общественные работы в деревне.

В 1926 г. новозеландцы хотели продвинуться еще на шаг и признать право ближайших членов семьи наследовать землю. Но здесь они встретили решительный отпор со стороны самоанского «патрициата», официальным представителем которого в то время был так называемый *фоно фаипуле*, исполнявший те же функции, что и современный парламент. Он высказался против всех законов, которые могли представлять потенциальную опасность для традиционной системы деления власти. Фактическая передача земли в руки *таулеалеа*, несомненно, положила бы конец гегемонии матаи.

В чем же, действительно, сила власти вождей? Они

не располагают ни армией, ни полицией, ни собственным имуществом, которое позволило бы им покупать сторонников. Они уже не окружены устрашающим культом, который покоился на вере в их сверхъестественное происхождение. Но они могут распоряжаться землей. Могут дать ее, могут отобрать, могут людей непослушных и нежелательных изгнать из родной деревни и вынудить поселиться где-нибудь в другом месте. Осуществляя контроль за неделимостью племенной земли, они вправе заставить односельчан быть послушными и признавать нераздельную власть матаи над деревней.

Изданный в 1934 г. закон, касающийся охраны земли и титулов, подтвердил незыблемость традиционной системы собственности. Более тридцати лет не возобновлялись попытки отменить существующее положение.

60-е годы внесли в законодательную систему довольно существенные изменения. Но не угрожающие. Была предоставлена возможность сдавать в длительную аренду землю для промышленных, сельскохозяйственных и туристических целей — матаи и... иностранцам. Нетитулованным гражданам, которые острее, чем кто-либо, испытывали земельный голод, в этой привилегии было отказано. Разгорелись бурные дебаты. Обеспокоенное общественное мнение старались задобрить хорошо подобранными аргументами: будет достигнута стабилизация, начнет развиваться промышленность, можно будет вложить капитал в сельское хозяйство... Но кто был заинтересован взять в аренду самоанские земли? Конечно, не матаи, и так контролирующие неделимость земли, принадлежащей отдельным семьям, и не таулеалеа, не получающие ее в любом случае. Остаются иностранцы. Истинная причина изменения закона — это создание условий для проникновения на Самоа иностранного капитала, а именно калифорнийской деревообрабатывающей фирме «Потлач Компани». Начался процесс передачи земли. Он может завести очень далеко — к полной зависимости островов от иностранного капитала.

Государство Самоа очень мало. Его площадь в целом составляет около 2800 кв. км скалистых гор, поросших кустарником, сухих песков, бесплодных полей, покрытых вулканической лавой... Земли, пригодной для возделывания, не много. Исследования, проведенные в 50-х годах, показали, что на одного жителя деревни

приходится едва ли 0,89 га земли. А между тем население растёт, но земля, как известно, не резиновая, её не растянешь...

На Самоа самый высокий в мире показатель роста населения. В 1900—1945 гг., то есть за сорок пять лет, население удвоилось. В 1945—1966 гг., то есть за какой-нибудь двадцать один год, население вновь удвоилось. Так как острова лишены каких-либо природных богатств, жители вынуждены заниматься земледелием. По мере того как земля переходит в чужие руки, самоанцы превращаются из земледельцев, работающих на собственной земле, в сельский пролетариат, трудящийся на чужих плантациях и, разумеется, целиком зависящий от иностранцев.

История коварна. Она любит повторяться. Сто лет назад островам уже грозила потеря земли, которая перешла бы к «белым» колонизаторам, если бы не их зависть друг к другу и необузданная жадность.

В то время на Самоа господствовала страшная неразбериха, свирепствовало бесправие. После смерти короля Малиетоа Ваинупо в 1841 г. население страны разделилось на две группы, каждая из которых активно поддерживала своего кандидата на пост тупуосоа — короля всего Самоа. К интригам великих вождей и ораторов присоединили свои сребреники консулы конкурирующих держав: Англии, Германии и США, а также европейское население, живущее в Апия и её окрестностях.

Положение самоанцев из года в год становилось все более трагическим. Плантации не возделывались. Гражданская война, голод и болезни пожидали обильную жатву. Доведенные до отчаяния, самоанцы отказывались от самой большой своей ценности — земли. За оружие и продовольствие они уступали иностранцам право собственности на сады, плантации, леса и даже воздух. Когда в 1894 г. была создана комиссия для рассмотрения претензий европейцев, оказалось, что последние претендуют на 1 691 893 акра, в то время как площадь страны в то время составляла вместе с Западным Самоа всего 725 тыс. акров.

Особую активность в «скупке» земли проявил некий Самуэль Фостер, торговый агент из Соединенных Штатов. Снискавший уже дурную славу на других островах

южной части Тихого океана, Фостер прибыл на Самоа представителем так называемой «Полинезиан Ленд энд Коммерс Компани», сколоченной с целью эксплуатации богатств полинезийских архипелагов. Компания пользовалась поддержкой правительственных кругов США, по всей вероятности, ее акционерами были и некоторые члены семьи президента. Фостер и его приспешники требовали торговых привилегий, земли, женщин и грога. Скоро всем в Апия стало ясно, что их единственная цель — беззастенчивая эксплуатация местного населения. Назначение Фостера в 1872 г. консулом Соединенных Штатов придало как бы официальный характер этому неприглядному бизнесу.

В такой ситуации на арене возник «ангел-хранитель» — полковник А. Б. Стейнбергер — самая замечательная личность из всех, известных истории Южных морей. Американец немецкого происхождения, юрист по образованию, Стейнбергер по призванию был искателем приключений и авантюристом крупного масштаба. В 60-х годах XIX в. он снискал себе определенную популярность в кругах вашингтонских политиков и финансистов. В своей жизни Стейнбергер занимался многим: торговлей (поставлял, например, оружие французам во время франко-прусской войны), журналистикой, не брезговал заработать и на игре в покер. Он был наделен блестящим умом, личным обаянием, а также интуицией и способностью к адаптации — то есть всем, что необходимо для общения с людьми. В то же время там, где играли по-крупному, он не отягощал себя чрезмерными угрызениями совести. И именно этого человека президент США Улиссер Грант назначил своим личным представителем и эмиссаром на Самоанских островах для ознакомления с их политическим положением и торговыми возможностями.

Красивый тридцатисемилетний полковник покинул Соединенные Штаты в 1873 г. на борту роскошной яхты «Фанни», взяв в дорогу благословение президента и суточные из расчета двенадцати долларов. Будущее готовило ему много неожиданностей. Первое знакомство Стейнбергера с самоанским обществом прошло удачно. Вскоре после высадки в Апия он сумел приспособиться к сложным формам островного церемониала и этикета, чем завоевал себе симпатии местных жителей. И боль-

шинство европейских колонистов приняли его благо-склонно, рассчитывая на помощь в достижении собст-венных целей. Но, что самое важное, Стейнбергеру удалось за короткое время добиться прекращения граж-данской войны, заключить формальный мир между враждующими группировками и утвердить на пост ко-роля Малиетоа Лаупепа. Поэтому нет ничего удиви-тельного в том, что, когда несколько месяцев спустя он покидал Апия, у него в кармане была петиция президенту США, в которой самоанские вожди проси-ли защитить их и... прислать к ним Стейнбергера снова.

Между тем в сенате Соединенных Штатов петиция не встретила должного отклика. В ожидании заверше-ния дела Стейнбергер отправился в путешествие в Анг-лию и Германию, где встретился с владельцем могуще-ственной немецкой торговой фирмы на Тихом океане «Дж. К. Годфрой энд Сан». Фирма имела свое пред-ставительство в Апия. Когда Стейнбергер вернулся в Соединенные Штаты, то узнал, что самоанская петиция все еще не рассмотрена. Однако президент Грант решил снова послать Стейнбергера в Апия в качестве эмиссара с широкими, но неопределенными полномочиями. Пол-ковник купил сорокапятитонный парусник «Пирлес» и отправился на Самоа.

Стейнбергер прибыл в Апия 1 апреля 1875 г. Он привез с собой письмо президента Гранта к самоанско-му народу и дары вождям: 100 мушкетов спрингфилд, 10 000 патронов, одно орудие гатлинг с 200 ядрами, трехдюймовую пушку парро с комплектом боеприпасов, одну полевую кузницу, 100 комплектов полной морской формы, три государственных флага Соединенных Шта-тов, духовые музыкальные инструменты, двенадцать ре-вольверов с патронами и паровую барку.

Возникла еще более сложная ситуация, чем прежде. Новое правительство с трудом лавировало в углубляю-щемся хозяйственном хаосе между плетущими интриги консулами и завистливыми, стремящимися к власти вождями. И снова Стейнбергер пришел на помощь. Бла-годаря своему политическому таланту и авторитету среди местных жителей он добился компромисса между двумя самыми сильными конкурентами в борьбе за трон — Малиетоа Лаупепа и Тупуа Пулепуле: каждый из

королей правил четыре года, а затем передавал власть другому. Польза такого решения была очевидной. Во-первых, оно позволило избежать очередной братоубийственной войны и, во-вторых, ...отдало абсолютную власть в руки Стейнбергера, который занял пост премьер-министра при вновь сформированном правительстве.

Стейнбергер обосновался среди самоанской правящей элиты и энергично приступил к наведению порядка в стране. Самоа обязано ему своей первой конституцией, названной «Декларацией прав народа» и созданной по европейскому образцу, а также решением многих других неотложных проблем. Среди них — вопрос о собственности на некоторые спорные земли. До того как был поднят этот скользкий вопрос, все: вожди, консулы, миссионеры и торговцы — были довольны энергичным премьером. Теперь же европейцы неожиданно столкнулись с весьма неприятным для себя моментом. Оказалось, их земельные претензии в большинстве случаев были решены в пользу коренного населения островов! Стейнбергер недвусмысленно дал понять, что собирается оставить самоанские земли за самоанцами.

Больше всех был удивлен таким поворотом дела американский консул, у которого были все основания предполагать, что одна из самых главных задач Стейнбергера на Самоа — передать право собственности на землю полинезийской компании. И так как консул не принадлежал к людям, легко капитулирующим, то после короткого замешательства он начал энергично собирать оппозицию. Это было нетрудно сделать: ведь Стейнбергер восстановил против себя большинство европейцев, ударив их по самому больному месту — по карману. Подумать только, этот сумасбродный ренегат посягнул на земли, которые они уже считали своими! Мало того, он лишил их другого верного источника дохода — закрыл таверны с грогом и публичные дома, густо расположившиеся на Прибрежной улице.

Миссионеры тоже получили повод для недовольства. Им не нравился образ жизни Стейнбергера, демонстративное фаасамое. Поэтому они приписывали ему все тяжкие и более мелкие грехи, включая распущенность, пьянство и лживость. Все это еще можно было бы переварить, если бы не то огромное влияние, какое Стейнбергер оказывал на Малиетоа Лаупепа. «Кроткий, хри-

стианский джентльмен», как называли воспитанного в миссионерской школе короля, не скрывал своего преклонения перед «бесстыжим премьером» и слепо следовал его советам вопреки ясно выраженной воле миссионеров. Это было уже слишком! Началась травля Стейнбергера. В нее дружно включилось почти все белое население Самоа. В средствах не стеснялись. От угроз и шантажа перешли к высмеиванию и публичному оскорблению премьера. Один только немецкий консул, герр Попе, сохранял сдержанность. Премьер, уверенный в своей популярности среди самоанцев, не оставался в долгу и своим пренебрежительным отношением к оппозиции подливал масла в огонь.

В тот момент, когда уже казалось, что дипломаты перейдут к рукоприкладству, если не к кровопролитию, наступила неожиданная развязка. В порту Апия появился английский военный корабль ее королевского величества «Барракута». Среди первых гостей на его борту были английский консул и руководитель местного отделения Лондонского миссионерского общества. После короткой беседы с ними капитан корабля Чарльз Э. Стивенс возомнил себя компетентным арбитром и столпом справедливости.

Капитан Стивенс, известный грубостью и склочностью на всех островах Тихого океана, как человек энергичный, определил для себя простую и логичную схему действий. Во-первых, следует считать, что Стейнбергер незаконно занял пост премьера, во-вторых, не давать ему на то разрешения и, в-третьих, поручить Стивенсу историческую миссию изгнать из Самоа эту персону нон грата.

Он начал действовать без промедлений. Сначала он пригласил на борт «Барракуты» короля Малиетоа, чтобы тот познакомил его... со структурой правительства. Малиетоа отказался идти без премьера. Тогда люди Стивенса захватили парусник «Пирлес» и пришвартовали его к «Барракуте». Как и следовало ожидать, Стейнбергер в сопровождении самоанских полицейских пришел в английское консульство и потребовал вернуть парусник. Ему отказали под тем предлогом, что парусник принадлежит Соединенным Штатам. Между премьером и собравшейся в консульстве коалицией его противников произошел весьма недипломатический обмен мне-

ниями. Однако это только привело к тому, что стороны еще больше ожесточились.

Все попытки избавиться от Стейнбергера кончались неизменным фиаско. Поэтому противники решили начать атаку с той стороны, которая до сих пор была его опорой — со стороны самоанцев. С этой целью они усилили давление на «кроткого, христианского джентльмена». Напрасно Малиетоа повторял, что Стейнбергер пользуется его полным доверием и самоанцы не хотят другого премьера. Он недооценил своих противников. Почтенные господа Стивенс, Фостер и К^о под каким-то предлогом заманили его на борт «Барракуты» и «склонили» подписать петицию, где король просил консулов помочь ему... избавиться от Стейнбергера. Способ, которым они добились своего, стал известен несколько позднее. Он не был ни новым, ни оригинальным. Просто несчастный выпускник миссионерской школы имел на плечах очень слабую голову и, погруженный в алкогольную нирвану, абсолютно не ведал, что творит. Малиетоа Лаупепе прямо с корабля привезли в английское консульство. Там он оставался до конца аферы, оторванный от своих людей и от Стейнбергера, незадачливый заключенный в собственном королевстве.

Карьера премьера закончилась. Вскоре его арестовали и посадили на «Барракуту». А король? Малиетоа тоже не удержался. В день ареста премьера его вынудили подписать отречение от престола, а затем выслали в небольшую деревеньку на острове Савайи.

Таким должен был быть конец этой истории. И о Стейнбергере должно было остаться впечатление, как о непоколебимом герое, который печется о делах чужого народа больше, чем о своих собственных, настоящем европейце, старающемся спасти от позора имя белого человека на далеких островах...

К сожалению, все обстояло далеко не так. О Стейнбергере до сих пор вспоминают на Самоа с некоторым стыдом. Оказалось, что этот «светлый образ» получал крупные денежные авансы от немецкой торговой фирмы взамен на далеко идущие права и привилегии. В сущности, «благородный» полковник готовил здесь почву для немецкой колонизации... Это не домыслы. В документах премьера нашли копию договора с «Дж. К. Годфрой энд Сан», заключенного в 1874 г. в Гамбурге,

согласно которому в качестве задатка за оказание услуг в будущем Стейнбергер получил 13 982 американских доллара золотом. 8500 из них предназначались для покупки роскошной яхты. Имеются также сведения, что предприимчивый полковник взял 25 тыс. долларов у полинезийской компании, но это доказать не удалось.

Какова же дальнейшая судьба героев вышеописанных событий?

Стейнбергер, прожив несколько лет в Австралии и в Европе, вернулся в Соединенные Штаты, выгодно женился, и дальнейшая его судьба неизвестна. Стивенс, командир «Барракуты», после выполненной им миссии не дождался аплодисментов. В первом же порту по выходе из Апия, на Фиджи, ему приказали освободить заключенного, а самого отстранили от занимаемой должности. Позднее его вообще убрали с флота. Английского консула на Самоа также деликатно попросили с его поста.

А что стало с магнатом Тихого океана, фирмой «Дж. К. Годфрой энд Сан», державшей в своих руках торговлю копррой, перламутром и... меланезийскими невольниками с Новой Гвинеи? Она обанкротилась. Ее бесславные традиции продолжила другая фирма с удивительным названием Deutsche Handels und Plantagen Gesellschaft der Südsee Inseln zu Hamburg³, более известная на Тихом океане как «фирма с длинной рукой». Ее активность долгое время оказывала большое влияние на политическое и экономическое положение Самоа.

После депортации Стейнбергера острова не обрели покоя. Гражданские войны, сменяющие друг друга правительства, снова войны, ураган 1889 г., временное спокойствие после прихода к власти Малиетоа Лаупене, интриги консулов и восстание великого вождя Матаафа, снова война...

В конце 1899 г. был подписан договор, по которому Англия отказывалась от своих претензий на острова взамен концессии на других островах Тихого океана, а США и Германия «по-братски» поделили весь архипелаг.

³ Немецкое общество торговцев и плантаторов Южных морей в Гамбурге (нем.).

На каком же уровне пребывало самоанское земледелие на пороге независимости после четырнадцати лет немецкой колонизации и сорока трех лет новозеландского правления? На уровне раннего средневековья. За исключением небольшого числа плантаций, возделывание полей проводили по системе, близкой к нашей двухпольной, то есть основывающейся на том, что земля попеременно то обрабатывается, то оставляется под пар. Поэтому всякий раз самоанцы корчевали новые участки леса, а деревья либо сжигали, либо оставляли гнить. Земля не знала ни искусственных удобрений, ни сельскохозяйственных машин. Матаи, следившие за неделимостью семейных участков, были превосходными знатоками фаасамоя, но не имели ни малейшего понятия о современной земледелии. Молодые, более образованные самоанцы из-за традиционной иерархии в аинге не могут распоряжаться землей. Производительность сельского хозяйства очень низкая, и экономисты всякий раз направляют свой обвиняющий перст на систему матаи. Однако выход из тупика они ищут не внутри страны, а за ее пределами, уповая на привлечение иностранного капитала. А ведь только за несколько лет независимости Самоа удалось добиться определенных успехов, которые позволяют с оптимизмом смотреть в будущее. Я имею в виду прежде всего деятельность самоанской компании «Вестерн Самоа Траст Эстейтс Корпорейшн» (ВСТЭК), разновидности государственного земледельческого хозяйства, наследницы немецкой «фирмы с длинной рукой», которая возникла после первой мировой войны на базе новозеландского репарационного имущества.

ВСТЭК в настоящее время имеет около 25 тыс. акров земли. Компании принадлежит ведущая роль в самоанском земледелии, а в области животноводства ее можно считать пионером. Плантации обрабатываются самыми современными методами, основанными на последних достижениях науки. Так, например, кокосовые пальмы выращиваются вместе со специальной низкорослой растительностью, которая предохраняет землю от

⁴ Сделано в Самоа (англ.).

высыхания и насыщает ее ценными азотными соединениями. Здесь также проводится откорм крупного рогатого скота. Эти экспериментальные плантации походят на хорошо оформленный фотомонтаж: огромные пальмовые рощи у берега моря, а между их стройными стволами «пеструшки» и «красотки» пощипывают заросшую сорняками траву и тоскливо ревут, вспоминая родину праотцов... А в результате выгодная комбинация для коров, кокосовых пальм и фермеров.

Самоанская компания — монополист в области разведения скота. Кроме того, она занимается в значительных масштабах разведением какао и в меньших — кофе, перца, мускатного ореха и орехов макадамии. Но это еще не все. Во второй половине 60-х годов она открыла первое на Самоа государственное предприятие — фабрику мыла. Организационной стороной и всем производством руководил кругленький и энергичный герр Гюнтер Вернер из Западной Германии. За короткое время чистенькие строения в пальмовой рощице наводнили внутренний рынок отличным мылом.

«Поддержи отечественную продукцию!» — кричали объявления в местном кинотеатре, во всех магазинах на Прибрежной улице и на полосах газеты «Самоана».

«Я моюсь только самоанским мылом!» — улыбались из белоснежной пены красотки на плакатах.

Но в рекламе не было необходимости. Оказалось, что самоанское мыло лучше и дешевле импортного, а неутомимый господин Вернер уже подумывал о расширении производства.

— Сейчас я вам что-то покажу, фрау Воляк, — сказал он с таинственным видом. — Это сюрприз!

Вернер исчез в доме и через некоторое время вернулся, держа руку за спиной.

— Прошу вас, — он галантно поклонился довольно многочисленному обществу, — первое самоанское туалетное мыло «Гибискус»!

Жестом фокусника Вернер вытащил из-за спины розовенький, гладенький, кругленький кусочек, который, как две капли воды, был похож на своего создателя и издавал приятный запах китайской розы.

Мыло пользовалось большой популярностью. В магазинах упал спрос на дорогое импортное мыло «Пальмовив» и «Олд Спайс». Герр Вернер весь светился. С уд-

военной энергией бегал он по ступенькам «своего» предприятия, наблюдал за каждой мелочью, сопровождал экскурсии школьников и иностранных гостей.

— Вы только посмотрите, что это за масло! — он взял на кончик пальца капельку золотистой жидкости, которую пресс выдавил из мякоти кокоса, и с экстазом втянул носом тонкий ванильный аромат.

Школьники широко открывали глаза при виде больших котлов, вычищенных не хуже, чем кастрюли на кухне госпожи Вернер, дрожащих стрелок манометров и шипящих вентилях, всей этой впечатляющей алхимии пены, цвета и запаха.

Когда мы уезжали из Самоа, Вернеры принесли нам в порт небольшой подарок: сумку цилиндрической формы из традиционной полинезийской ткани из луба шелковичного дерева и инструкцию по ее изготовлению. Внутри лежало *тапа моли* — мыло тапа и рекламный листок на английском, немецком и французском языках.

— Будем экспортировать, фрау Воляк, будем экспортировать!

Немного позднее господин Вернер уехал из Самоа. На его место прибыл другой эксперт из Европы. Но скоро его заменит местный специалист, и фабрика перейдет исключительно в руки самоанцев.

— Всего одна фабричка, а столько шума! — скажет читатель. Конечно, ее не сравнишь с нашими предприятиями нефтехимической промышленности, но в масштабах крошечного государства, где на протяжении веков время стояло на месте, эта фабричка настоящий скачок в XX столетие. Она позволяет государству сэкономить несколько десятков тысяч фунтов в год, которые шли до сих пор на покупку мыла и других моющих средств. В то же время, это доказательство того, что государственная промышленность, опирающаяся на местное сырье, имеет на Самоа перспективы развития и будущее.

Таков первый шаг по пути хозяйственного прогресса.

Недалеко от Апия, в глубине острова, стоят одноэтажные строения из цемента, стекла и стали. Через плантации какао к ним ведет отличное шоссе. От него каждые несколько десятков метров ответвляются боковые дороги, от которых в свою очередь отходят травя-

нистые тропинки, напоминающие паучьи ножки. Если вы сойдете на такую боковую дорогу, а потом углубитесь в тенистый лесок, то окажетесь в мире тишины. Сюда не проникает ветер, здесь не ходят люди. Деревни лежат где-то далеко внизу, а рабочие, на попечении которых находятся плантации, приходят сюда в определенное время, быстро выполняют порученное им дело и снова уходят. Наступает тишина и покой. Солнце нагревает открытые участки между деревьями, от земли, травы и листьев поднимается запах испарений.

Можно часами бесцельно бродить по этому однообразному саду и смотреть, как зреют плоды какао — сначала совсем малюсенькие, похожие на стручки перца, повисшие на голых веточках под самой кроной деревьев. Потом они растут, меняют свой цвет: из темно-зеленых становятся темно-бордовыми, но по-прежнему сохраняют смешную форму перца. Иногда встречаются выродившиеся плоды, похожие на засохшие черные стручки. Их больше на высоких местах, где выпадают обильные дожди. Поэтому на Уполу полоса плантаций какао начинается обычно на высоте 600 футов над уровнем моря.

Если вы сорвете зрелый пурпурный плод и разрежете его ножом, то в середине обнаружите овальные, немного сплюснутые зерна какао. Они окружены тонкой влажной оболочкой и пахнут шоколадом. Самоанцы любят жевать эту прозрачную сладкую оболочку.

Если вас утомит монотонная чересполосица какао, поезжайте дальше в сторону построек под горой. Плантации какао скоро кончатся и перейдут в плантации банановых пальм. Но, что интересно, через каждые несколько метров хилые пальмочки выглядят по-иному... То они растут одиноко и тянутся ввысь, давая небольшие ростки у основания ствола, то собираются по двое, тесно прижавшись друг к другу у основания стволов и расходясь кверху. Пальмы очень похожи на зеленоволосых танцовщиц. Однако это не фантазия безумного земледельца, а экспериментальная плантация, на которой изучают условия для лучшего плодоношения и вызревания бананов.

Здания с прилегающими к ним плантациями в Алафуа — самая лучшая, самая современная в южной части Тихого океана школа тропического земледелия и исследовательская станция по выращиванию растений.

Она была основана в 1966 г. благодаря инициативе самоанского правительства, а также помощи ФАО и новозеландского общества «Freedom From Hunger Campaign»⁵. С самого начала школа-станция снискала себе широкое признание, так как располагала превосходными кадрами лекторов из разных стран, хорошо оборудованными лабораториями и собственной библиотекой. Сюда съезжается молодежь не только со всех самоанских островов, но также с архипелагов в радиусе нескольких сотен миль. У школы далеко идущие планы, и в связи с созданием на Фиджи Южнотихоокеанского университета, она будет фактически его сельскохозяйственным факультетом.

В Алафуа ведутся исследования огромного практического значения по выращиванию растений и разведению скота. Особое внимание уделяется борьбе с вредителями, которые давно досаждают островным плантациям. В одной из лабораторий можно увидеть в стеклянных банках неуклюжих черных жуков. Плотные, покрытые крепким панцирем, с грозным рогом на голове, жуки-носороги — настоящее бедствие для плантаторов кокосовых пальм на всех архипелагах.

На Уполу они попали вместе с каучуком, привезенным с Шри Ланки. Еще в 1907 г. о Самоа писали как об одном из немногих производителей копры, не затронутом этим бедствием. А уже на следующий год в окрестностях Апия нашли первого жука-носорога. В устрашающем темпе он распространился по всему самоанскому побережью. Вскоре с транспортом бананов жук высадился на Фиджи, а оттуда перебрался на соседний архипелаг Тонга, вероятно, с небольшого островка Ниуатобутабу, который представляет удобную стоянку для лодок, курсирующих между Самоа и столицей Тонга.

В 1922 г. мальчишки с Ниуатобутабу придумали такую игру: они ловили больших жуков и привязывали к их брюшку различные тяжести. Тот, чей жук поднимал самый большой груз, выигрывал кусок сахарного тростника. В то время на остров приплыл один тонганец. Его заинтересовали удивительные насекомые, похожие на покрытых панцирем носорогов. У тонганца были деги,

⁵ Кампания по борьбе с голодом (англ.).

и ему захотелось привезти им подарок. Поэтому он взял с собой несколько жуков и привез на свой остров это рогатое бедствие, от которого не могут избавиться до сих пор.

После того как появился жук-носорог, самоанские острова охватила паника. Кокос неспроста считают некоронованным королем островов. Это основной источник пищи и надежда на благополучие. Но подлые жуки не знали пощады и сжирали молоденькие листочки пальм, оставляя голые бесплодные ветки. Даже оптимисты оставляли мечту на лучшее будущее.

Тогда крупные плантаторы решили провозгласить кампанию по ликвидации вредителей. Перед этим они провели просветительские беседы, а также пообещали щедрое вознаграждение за каждого пойманного жука. Все от мала до велика отправились на охоту. Самоанцы собирали и собирали жуков, пока не убедились, что нужно здорово поработать, чтобы получить более или менее приличное вознаграждение. Тогда им пришла в голову удачная мысль.

И вот, к удивлению организаторов кампании, операция по сбору жуков-носорогов начала неожиданно давать удивительные результаты. В «скупочные пункты» стало поступать большое количество жуков. Самоанцы получали деньги, однако состояние плантаций не изменилось ни на йоту. Наоборот, они выглядели значительно хуже, чем в начале кампании. Долгое время специалисты не могли разгадать эту поразительную загадку. Но в один прекрасный день все стало ясно. Самоанцам помог простой экономический расчет: им было легче разводить жуков, чем кокосовые пальмы. Были организованы специальные фермы. Они приносили высокие доходы, а требовали ничтожной затраты труда, в то время как разведение кокосовых пальм и многолетнее ожидание плодов в сочетании с погоней по плантации за черными насекомыми было занятием утомительным и малоприбыльным. К неудовольствию фермеров, разводивших жуков, им было запрещено заниматься своим промыслом, и началась настоящая, организованная в крупном масштабе, кампания по ликвидации вредителей. Землю очищали от старой сгнившей скорлупы кокосовых орехов — потенциальных рассадников жуков, в подходящих местах устраивали западни для легковерных самок, ко-

торые откладывали туда яйца. Западни заражали грибом и время от времени поливали кипятком, уничтожая молодое поколение. Благодаря этим мерам удалось уменьшить количество вредителей. Тем не менее до 1914 г. полностью пропало около 20 тыс. пальм, а десятки тысяч оказались заражены.

Позднее война с жуками шла с переменным успехом. Брал верх то человек, то жук. Мрачные страницы вписали в историю плантации крупные эпидемии гриппа 1918—1920 гг. и период волнения «мау», когда политические страсти оттеснили кампанию по борьбе с вредителями на задний план.

Последнее слово в войне человека с жуком еще не сказано. Крылатые насекомые немилосердно, презирая все экономические планы, уничтожают разные культуры и ежегодно снижают производство копры почти на 20%. Может быть, выпускники земледельческой школы в Алафуа добьются, наконец, того, к чему безуспешно стремились их предшественники, и жук-носорог навсегда исчезнет с островов архипелага.

Это, однако, не единственное бедствие самоанских плантаций. Термиты, грибки, пальмовый краб и крысы — только небольшая часть того разнообразного ассортимента вредителей, с которыми приходится бороться министерству земледелия. Против них ведутся коварные и беспощадные войны, используются смертоносные вирусы, яды, механические западни.

Слышал ли кто-нибудь из вас о кольцевании... пальм? Там, где на крыс не действуют яды и биологические средства, на стволы кокосовых пальм надевают широкие металлические обручи. Грызуны или крупные крабы, взбирающиеся на вершину пальмы полакомиться молодыми кокосовыми орехами, встречают на своем пути как бы стеклянную гору, которую они не в состоянии одолеть. Вредители скользят, теряют равновесие и падают на землю.

Некоторых вредителей, издавна наносивших большой урон различным культурам, на Самоа завезли европейцы. Например, летучие мыши птеропус, которые в нормальных условиях живут в лесу и никому не приносят вреда. В неурожайные же годы, когда трудно найти пищу, они тучами появляются на плодоносных плантациях и пожирают все, что попадется на глаза.

Нет конца проблемам. Каждый год возникают новые, усугубляются старые... Не с сегодняшнего дня самоанцы ломают голову над тем, как ограничить импорт пищевых продуктов, даже таких популярных на Самоа, как консервы. На этот вопрос ищет ответ лаборатория переработки пищевых продуктов, основанная при земледельческой школе в Алафуа. В этой лаборатории... Но не будем забегать вперед.

Стояли мы как-то вечером у освещенной витрины современного магазина в Апия, «Моррис Хедстром, лтд». Рассматривали выставленные для всеобщего обозрения подарки для герцога и герцогини Кента, которые на следующий день на обратном пути с торжественной коронации короля Тонга должны были захватить на Самоа. На улице было пусто и тихо. Луна спряталась за тучи. Виднелись только освещенная витрина да подарки. Сколько мы на них ни смотрели, что там скрывать, они нам не нравились. Тут мы заметили, что рядом стоит какой-то молодой человек. На его лице блуждала улыбка, словно он понимал все, о чем мы говорили. Европейец, да к тому же незнакомый. Мы посмотрели на него с беспокойством, а он кивнул нам головой и ушел.

— Послушай, он, наверное, все понял.

— Не может быть. Откуда здесь... Может быть, он пытался выяснить, на каком языке мы говорим?

Прошло несколько дней. Закончился визит герцогской четы. К нам пришла знакомая англичанка и сказала:

— В «Касино» живет какой-то чех. Он будет работать несколько месяцев в лаборатории переработки пищевых продуктов в Алафуа.

Большая радость охватила нашу семью. Всех нас закрутил вихрь приготовлений к встрече брата-славянина. Збышек побежал в гараж за машиной, я лихорадочно бросилась на кухню искать рецепт кнедличек моей бабки-чешки, Магда с безумной решимостью начала одевать кота Лацио в... костюм краковянина.

Через минуту Збышек привел... незнакомца, того самого, который стоял с нами у витрины. Владимир Стеклы оказался австралийцем чешского происхождения и, к нашей великой радости, неплохо говорил польски. По сей день я помню тот первый вечер с кнедличками и свиной в тридцатиградусную жару, а так-

же разговоры и воспоминания о Кракове, где Владимир провел раннее детство...

Стеклы был отличным специалистом в области переработки пищевых продуктов. Никто и оглянуться не успел, как он установил в Алафуа диковинные кухонные аппараты и начал выпускать экспериментальную продукцию. Манго в маринаде и сиропе, ломтики ананаса, компоты из папайи — все эти консервы, как оказалось, ничем не уступали разрекламированным продуктам Гавайских островов.

Однако, как только первые банки покинули лабораторию, предприимчивый самоучка Джим Карри с Прибрежной улицы открыл конкурирующее производство. Джима нельзя обойти молчанием. Он — живая история хозяйственного развития Самоа. Как бы ни оценивали его деятельность, нужно признать, что это человек незаурядный. Его характерная черта — импонирующая оборотистость. В зависимости от перспектив сбыта он легко переключался с одного производства на другое, с лесопилки на фруктовые соки, с жареного хрустящего картофеля на консервированные фрукты. Наполовину кустарное производство Карри может производить около двух тысяч банок в день, идущих на внутренний рынок и на экспорт. В беспокойных снах Джим уже видел, вероятно, трюмы кораблей, забитые его товарами, полки больших магазинов в Новой Зеландии и Австралии, прогибающиеся под тяжестью банок с манго и ломтиками ананаса в сиропе, изготовленные на маленькой фабрике на Прибрежной улице, видел консервированных червей палоло с Западного Самоа на столах фешенебельных ресторанов обеих Америк... И кто знает?

Кроме размаха и энергии Джим Карри отличался еще находчивостью и расторопностью. Он не только хозяин, но и создатель большинства приспособлений на своей фабрике. Все машины для очистки и нарезки таро и плодов хлебного дерева, все котлы и устройства для наполнения банок консервами могут смело получить наклейку «made by Ciggy».

— Я привез из Австралии только котел высокого давления. Остальное увидел в Алафуа и подумал, что могу это сделать сам, — сказал он в интервью для печати. — Сделал, запустил, произвожу и экспортирую.

Однако самоанцам нужны не джемы, компоты и ма-

ринады, а продукты с высоким содержанием белка. Исследования в Алафуа показали, что на Самоа есть все условия для развития скотоводства и рыболовства, позволяющие производить продукты как для внутреннего, так и для внешнего рынка. Или, другими словами, есть местный научный центр, способный дать правильное направление развитию животноводства и технологическим процессам, а также территории, пригодные для пастбищ. В океане много рыбы. И, наконец, в Самоа есть гордые и талантливые люди, которым некуда приложить свои способности. С помощью специализированных агентств ООН и других международных организаций можно пригласить любых специалистов, пока будут создаваться собственные кадры, которые смогут полностью взять на себя производство и административное управление.

Но жизнь полна неожиданностей. В один прекрасный день выяснилось, что «спасение» страны совсем не в этом. Нужно, как говорят эксперты из Соединенных Штатов, приглашенные самоанским правительством и пользующиеся его доверием, широко открыть двери иностранному (в первую очередь — американскому) капиталу, чтобы Самоа оставалось только производителем сырья, а использование и экспорт его поручить иностранным фирмам. Таков «истинный путь». Самоанские матаи могут спать спокойно и получать проценты от сданной в аренду земли, а население... Ну что ж, у населения нет права голоса. До сих пор за него думали вожди, а сейчас в этой тяжелой работе их охотно заменят «добрые дяди».

Как это ни удивительно, но ключиком к самоанскому замку оказалась кока-кола. Пенистый напиток должен был приобщить отсталые острова к беззаботной жизни цивилизованных стран. Поэтому в Апия заложили разливочный завод.

«Западное Самоа присоединилось к дружной семье народов из 130 стран, которые пьют кока-колу!» — бросался в глаза лозунг «Апия Боттлинг Компани». Специалисты по рекламе вмиг объяснили самоанцам, что новый напиток — синоним прогресса, а пить кока-колу просто их патриотический долг! Так что это не только дешевое удовольствие, но и помощь развитию национальной промышленности (которую представлял мест-

ный разливочный заводик), призванная обеспечить работой быстро растущее население... Никто при этом, разумеется, не занимался «мелочным» подсчетом. А ведь если средний самоанец заплатит за бутылку кока-колы пять сене, что соответствует примерно пяти американским центам, то ему не хватит денег на еду (средний ежедневный доход на душу населения составляет девять сене).

Следующий шаг в направлении экономического развития страны сделала на Савайи «филантропическая» фирма «Потлач Компани». Но об этом речь пойдет дальше.

Каморки Бонни

— Достаточно воткнуть в эту землю палку, чтобы на другой день она пустила ростки. Через несколько недель палка превратится в густой кустарник, и ты даже не заметишь, как вырастет живая изгородь! — убеждали меня знакомые.

Мои глаза загорелись. Это мне как раз и нужно! Густая, высокая изгородь, которая скрывала бы печальную наготу нашего сада и нового дома. Способ посадки тоже меня устраивал. Воткнешь прутик, и он разрастется... Уф, человек становится ленив в этом климате!

На следующий день после приезда в Апия нам выделили дом. Это был достаточно обширный одноэтажный «близнец», с застекленными жалюзи, большим садом и крытым гаражом, полное воплощение мечты о комфорте в тропиках. Скорее, почти полное, так как он находился довольно далеко от моря.

— Это даже лучше, — объясняли мне отзывчивые знакомые, которые после трех месяцев пребывания на острове знали все. — Вам не страшна будет tidal wave и соседство самоанской деревни. Мы бы ни за что не согласились жить у моря!

Я понимающе кивнула головой, потому что о tidal wave ходили самые скверные слухи. Словарь определяет это выражение как «стоячая волна» или «большая волна». Время от времени на поверхности моря возникает огромная водяная гора, которая заливает побережье, затопляет все, что находится ниже нескольких десятков метров над уровнем моря, и, отступая, уносит с собой дома, деревья, людей, скот... Вызывают ее подводные землетрясения.

— Знаешь, несколько лет назад море ворвалось в

школьное здание в Фагалозе и утащило с собой все вместе с крышей! К счастью, это произошло во второй половине дня, когда детей не было в школе!

— А разве нельзя предупредить о приближении такой волны?

— По радио об этом часто сообщают. Но tidal wave случается очень редко, а тревоги часто. Представь себе, что всякий раз ты должна бежать из дома в горы. Если распоряжение не соблюдается, полицейский имеет право выгнать тебя из дома силой. И вот полночи можно просидеть в горах, тебя будут жрать комары, а внизу так ничего и не произойдет.

Так плохо и этак нехорошо. Неприятно бежать ночью из дома. Неприятно также позволить tidal wave унести себя... Может быть, лучше действительно жить вдалеке от моря?

Но «близнецы» имели свои недостатки. Они были недоношенным плодом знаний или, скорее, незнания архитектуры директора департамента общественных работ Бонни и поэтому справедливо назывались «каморками Бонни». Дома располагались фронтом к солнцу и стеной к ветру и надежно защищали от самых легких дуновений ветерка. Зато благодаря соединению с другими «собратьями» они обрекали своих жителей на то, что те становились свидетелями интимных подробностей жизни соседей. Но тем не менее эти дома выражали самые современные тенденции в жилищном строительстве Апия. А если бы их еще закрыть со стороны дороги кустами китайской розы!

На следующий день я отправилась за розами, и, как только вернулась с охапкой зеленых веток, вся наша семья немедленно приступила к работе. Под вечер вдоль проволочного ограждения топорщился довольно неряшливого вида частокол.

— Не успеем оглянуться, как он станет густым и высоким, потому что стоит воткнуть палку в землю...— радовались мы за ужином.

На следующее утро мы внимательно осмотрели наши посадки: не показались ли зеленые листочки?

— Еще рано — посмотрим через несколько дней.

А через несколько дней у нас у всех вытянулись лица от удивления. Только несколько прутиков выпустили чахлые, слабенькие почки. Остальные позорно за-

сохли. Но о чем теперь говорить. Нужно было просто добросовестно поработать: перекопать землю, убрать валуны и камни, систематически поливать и пропалывать посадки. Из камней, которые мы выгребли только с одних цветочных грядок, можно было бы насыпать приличную пирамиду в память о наших утраченных иллюзиях... Прошло несколько месяцев, и выросла не очень высокая, но густая живая изгородь. Позднее на небольшом пригорке за домом в окружении листьев показались тяжелые цветы бананов. Наши бананы! Одни за другими раскрывались кожистые лиловые лепестки, обнажая белые зародыши плодов. Каждый день мы с волнением наблюдали за тем, как они растут и зреют. Но мы так и не дождались плодов. В одну из ночей ураган уложил наповал все до одного растения. Уж слишком много уничтожил этот «ураган столетия», чтобы распространяться здесь о нескольких связках бананов. Но у нас навсегда осталось какое-то горькое чувство неисполнившейся надежды.

Ветер поднялся в пятницу 28 января 1966 г. Однако, поскольку все проспекты уверяют, что Самоа лежит вне зоны ураганов, мы с надеждой смотрели в будущее и даже не купили про запас картошки на несколько дней. А нам следовало бы призадуматься над поведением нашего черно-белого кота. Лацио вел себя как сумасшедший. Он душераздирающе мяукал, метался по дому, отказывался от еды и питья. В конце концов в глубокой депрессии он забился под кровать, где и пролежал три дня и три ночи.

А ветер все дул и дул... Постепенно он усилился и достиг скорости свыше 125 миль в час. Отключили электричество. Не работал телефон. Не стало хватать питьевой воды, так как водопровод был забит гравием, листвой и прочим мусором. Волны врывались на Прибрежную улицу и выбрасывали на мостовую большие камни. Жизнь в городе замерла. Витрины магазинов и парадные двери забили досками, а некоторые большие магазины открыли специальные секции по продаже спиртовок и свечей. Но вскоре и их закрыли.

В нашей квартире собрались знакомые, которые боялись оставаться в своих домах, окруженных старыми деревьями. На этот раз мы не жаловались, что над нашей крышей не простирают пурпурные ветви дерева

«пламень леса» и не растут огромные, как ладонь великана, листья хлебного дерева... Нам ураган не мог принести большого ущерба. Он выбил лишь стеклянные жалюзи и кухонные двери, а потом унес куда-то железную трубу от прачечной. Пол и предметы домашнего обихода залила вода, но так как все это можно было мыть, то ураган принес нам потери скорее моральные, чем материальные.

К сожалению, этого нельзя было сказать о стране в целом. Как потом подсчитали, ураган вырвал с корнем три четверти всех хлебных деревьев, около одной пятой кокосовых пальм, почти все бананы и много деревьев какао. Если включить в этот список и такие разрушения, как сорванные крыши, рухнувшие дома, поврежденную электрическую сеть, то ущерб составит три миллиона фунтов. Последствия урагана ощущались еще долгие месяцы. Хозяйство страны не могло оправиться несколько лет. Один только экспорт бананов, продукта «большой тройки» (копра, бананы, какао), упал в 1966 г. до одной четвертой обычного уровня.

На третий день, когда ветер немного утих, мы отважились выйти на улицу. Вид был страшный. Все дороги захламлены, красивые старые деревья сломаны, телефонные столбы повалены и опутаны проводами. Самоанские фале были или придавлены упавшими деревьями, или стояли без крыш, которые разбросало по полям, как сорванные шляпки грибов. Сами дома стояли пустые с поднятыми вверх опорными столбами. Интересно, что именно эти простые, легкие конструкции оказались наиболее устойчивыми и легко восстанавливались. Крыши, после того как дыры в них были заделаны пальмовыми листьями, снова ставили на опорные столбы, и дома готовы были принять своих жильцов. Женщины еще торопливо плели занавески из листьев пандануса и приводили все в порядок после урагана, а жизнь уже текла по своему обычному руслу.

Некоторые европейские дома были полностью разрушены. Знакомых новозеландцев мы застали за спасением оставшегося у них имущества. Из листьев и веток поваленного баобаба они извлекали книги, остатки чайного сервиза, цветочные вазы...

Это случилось, когда ураган бушевал вторые сутки. Хозяйка дома сидела в гостиной и с английским спокой-

ствиием читала книгу, как будто вокруг не происходило ничего особенного. Дети лежали в кроватях и капризничали. Они никак не могли уснуть, а может быть, попросту боялись.

— Мама, дай пить!

Она неохотно встала и пошла на кухню приготовить пенящийся напиток из апельсинового порошка. Хозяйка невольно посмотрела в окно.

«Выдержит ли это баобаб...» — мелькнуло у нее в голове, и в тот же самый момент она увидела, что гигантское дерево, словно в замедленной киносъемке, начало крениться в сторону дома. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Слова застряли у нее в горле, ноги словно вросли в пол. Раздался оглушительный грохот и треск, в квартире закружился ветер с дождем, и воцарилась тишина. Но так только казалось, потому что ветер свистел и выл по-прежнему.

Дети?! Но с ними ничего не случилось. Они лежали онемевшие от ужаса в целехоньких кроватках. На том месте, где сидела она минуту назад, лежал толстый ствол дерева, а его листья смешались с порванными страницами книги.

По следам Роберта Льюиса Стивенсона

Серьезный ущерб нанес ураган резиденции президента. Она расположена высоко над городом, на склоне горы Ваза, и считается одним из ценнейших памятников самоанской истории. Построил ее в 1890 г. для себя и жены-американки Роберт Льюис Стивенсон, когда, страдая от туберкулеза, приехал на Самоа. Здесь он сумел продлить свою жизнь почти на пять лет, и эти годы были прожиты им очень интенсивно. Стивенсон писал, принимал участие в бурных политических событиях, строил и перестраивал свою Ваилиму. Подобно Гогену, жившему на Таити, он привязался к вновь приобретенной отчизне. Все, что происходило на Самоа, касалось его лично. Проблемы соседей из самоанской деревни стали и его проблемами, их несчастья — его несчастьями, а их радости — его радостями. Ваилима была в то время одной из последних деревень у дороги, пересекающей остров с севера на юг. Она располагалась так вы-

соко, что отсюда открывался вид на залив. Ночная прохлада, плывущая по вечерам с горы Ваза, приносила облегчение после жаркого тропического дня. Кроме того, от нее близко, меньше часа езды на лошади, до Апия.

Дом, называвшийся, как и деревня,— Ваилима, был выстроен в стиле, который можно назвать «немецким колониальным». Традиционная деревянная конструкция с обшитыми досками наружными стенами; крутая, покатая с четырех сторон крыша, большая веранда... Стивенсон даже соорудил внутри камин, который сейчас вызывает безмерное удивление посетителей. Ха! Эта английская привязанность к традициям! Дома, как и люди, не знают своего предназначения. После смерти писателя Ваилиму продали, и она пережила различные превратности судьбы. Сначала попала в руки немцев, потом была возведена в ранг резиденции верховных комиссаров Новой Зеландии и, наконец, после обретения страной независимости, сделала умопомрачительную карьеру — стала резиденцией главы правительства. Каждый из владельцев переделывал и перестраивал Ваилиму по собственному вкусу. В результате появилось уродливое творение, которое при всем желании трудно назвать сокровищем тропической архитектуры. Только прекрасный сад и ослепительная белизна фасада позволяют не замечать уродливые формы и устрашающе голубую крышу из гофрированного железа.

Разрушения, вызванные ураганом, были огромны. Перед правительством встал вопрос, где взять деньги на восстановление резиденции главы правительства? Бездомный президент переселился в родную деревню. Но сколько же можно принимать официальные делегации, сидя по-турецки на циновках в самоанском фале?.. По правде говоря, президент, коренной полинезец, был, вероятно, другого мнения и чувствовал себя по-настоящему счастливым в окружении фаасамое. Ну, а престиж страны? Презентабельность?! К сожалению, правительство не могло после урагана выделить даже 20 тыс. фунтов, чтобы хотя бы залатать дыры. И тут на помощь пришло Общество Роберта Л. Стивенсона из США.

Деньги вызвали взрыв честолюбия, и аппетиты разыгрались. От идей могла закружиться голова. Чего только не предлагали! Построить музей, резиденцию, банкетные залы, плавательные бассейны, подвесную до-

рогу на гору Ваза... Моему мужу выпала роль реалиста, который открывает другим глаза. Подсчет расходов и выполненный им проект спустил всех с небес на землю. В результате здание сохранило свой внешний вид, были восстановлены разрушенные части, модернизированы кухонное помещение и санузлы, а также переделана внутренняя планировка. К сожалению, резиденции не удалось вернуть дух времени Стивенсона, а жаль, потому что дом в своем первоначальном виде был более красив и элегантен.

Стивенсон умер в 1894 г. В соответствии с последней волей писателя жители соседней деревни подняли гроб с его останками на вершину горы и там похоронили. Позднее дорожку из Ваилимы на вершину горы они назвали с типичной для самоанцев склонностью к пафосу — «Дорогой любящих сердец».

Жители острова любили Стивенсона. Пусть он и не очень удачно вмешивался в их политические дела, они не винили его хотя бы только из-за огромной щедрости и доброты, которыми писатель расплачивался за традиционное гостеприимство островитян. Современники якобы называли его «Миллиона» — миллионер, богач. Но до наших дней дошло другое имя — Туситала — писатель. Так называет его сейчас каждый самоанский ребенок.

«Стивенсон отметил Самоа на карте мира,— писал о нем один самоанец.— До этого люди знали о нас очень мало, и только благодаря его книгам наши острова получили известность. За это мы благодарны ему и всегда будем чтить его память».

Практическую ценность известности писателя поняли только много лет спустя после его смерти. В Апия собрали произведения Стивенсона (в том числе ряд первых изданий), а места, связанные с его именем,— Ваилиму и могилу на горе Ваза — поместили в список достопримечательностей для туристов.

Кто ты, матаи?

На западном побережье Савайи, около деревни Фалеалупо, на поверхности океана можно увидеть два водоворота: один небольшой, другой более широкий. Здесь духи мертвых входят в *пулоту*, или подземное царство.

Они прибывают со всех сторон архипелага, напрямик через горы и леса, прыгают со скал в море и плывут на запад. Все время на запад. Души великих и достойных, души бедных, прочие души, души великих самоанских вождей и деревенских дурачков — все они после смерти совершают один и тот же путь. Но только до Фалеалупо. Здесь их дороги расходятся. Души людей низкого происхождения ныряют в малый водоворот, людей состоятельных — входят в потусторонний мир через большой и удобный водоворот Малотоалии.

Боги не любят равенства. Ну а люди? В хижине на берегу моря сидит мужчина. Жесткая ткань *сиано* с коричнево-черным рисунком опоясывает его бедра. Шею украшает огненное ожерелье из плодов пандануса. Мужчина грузен, представительен, вызывает уважение. Он неподвижно сидит на скрещенных ногах. Только руки ритмично двигаются вдоль бедра: до колена и вверх, вниз и вверх... Между ладонью и бедром кокосовое волокно свивается в толстую веревку. Это единственная работа, достойная матаи! Уже с первого взгляда видно, что он не простой человек. Его фигура, одежда, полная достоинства праздность позволяют, без сомнения, узнать в нем патриарха рода. Но как распознать матаи в человеке, случайно встреченном на улице?

— Откуда ты знаешь, что он вождь? Может быть, ты его лично знаешь? — спросила я симпатичную самоанку Сулу, которая показала мне на Прибрежной улице высокого мужчину с седоватой шевелюрой.

— Нет, я вижу его в первый раз, но он выглядит как матаи.

Я посмотрела на идущих мимо людей. Для меня все они были одинаковы. Спокойные лица, неторопливая походка, разноцветные лавалава, цветы за ушами... Некоторые несли в руках зонты и маленькие чемоданчики, перевязанные потрепанными ремешками.

— Я не вижу никакой разницы.

Сулу беспомощно развела руками. Но ведь это же сразу бросается в глаза! Выражение внутреннего удовлетворения на лице, решительная походка, ступни опускаются на мостовую с некоторой осторожностью, словно хотят подчеркнуть, что несут на себе нечто большее, чем просто тяжесть грузного тела.

— Я не могу этого тебе объяснить, но позднее ты все поймешь сама.

Сулу была права. Со временем я научилась интуитивно выделять в толпе отдельные фигуры вождей, распознавать их не только по церемониальному облачению и реквизитам занимаемого поста и не только потому, что они в среднем весят больше остальных самоанцев. Я научилась обращаться к ним приглушенным голосом с использованием предписанных форм приветствий. Но еще долго не могла понять, кто они и какова их роль в обществе. Помог мне один знакомый матаи.

— Матаи — это аристократ по выбору, а не по рождению, обладатель родового титула большего или меньшего значения в традиционной общественной иерархии. Он — глава семьи, ее мозг и совесть («и брюхо...» — подумала я зло, потому что уже тогда немного знала Самоа). В семье все нетитулованные мужчины и женщины должны ему служить и подчиняться его приказаниям. Он, со своей стороны, заботится о семье, распоряжается землей и всем имуществом рода, следит за справедливым разделом урожая и представляет семью во внешнем мире.

— И как же он это делает?

— Он выступает от ее имени во время официальных торжеств и старается, чтобы семье, представленной его

особой, оказывали соответствующие почести. Это уже дела престижа, понятные каждому самоанцу. Уважение, оказанное матаи, а тем самым и всей семье, измеряется, помимо прочего, числом и ценностью даров, полученных во время *маланги*, очередью в выступлениях ораторов; местом, которое ему предоставляют в доме советов и так далее.

— Из скольких человек состоит самоанская семья, или, как вы ее называете, аинга?

— Из нескольких, нескольких десятков или даже нескольких сотен человек. Часть их не состоит в кровном родстве. Это всего лишь породнившиеся или приемные лица.

— У каждой семьи только один матаи?

— О нет, в некоторых семьях их несколько. Они могут быть более или менее высокого ранга, могут иметь титул вождя или оратора. Разумеется, обладатель менее важного титула занимает подчиненное положение по отношению к матаи более высокого ранга. Самые важные, так называемые королевские сыны происходят из великих самоанских родов. Считается, что свою родословную они ведут от... самой богини войны, Нафануа. Вожди делятся соответственно на великих вождей, обычных и так называемых вождей, заседающих между столбами. Это вожди самого низкого ранга, в доме советов они не имеют даже собственного столба, о который могли бы опереться во время заседаний фоно.

— А ораторы?

— Ораторы, или *тулафале*, делятся точно так же, как и вожди: великие ораторы, ступни великих ораторов и...

— Пальцы ног великих ораторов?

— Нет. Они называются ораторами, сидящими между столбами. Их значение ничтожно.

— Раз уж я все знаю о столбах и ногах, то скажите мне, чем отличаются вожди от ораторов? Ведь и те и другие — матаи.

— Тем же, чем отличается премьер от главы государства. Первый обладает фактической исполнительной властью, второй — самым высоким званием и титулярной властью. Ораторы — это посредники, звено, связывающее вождей с аингой или деревней. Они предъ-

являют вождям жалобы или пожелания населения, отдают приказы, следят за их исполнением, а в случае необходимости назначают наказание.

Отношения матаи с окружающими его людьми строятся по строгому этикету, который определяет, как они должны вести себя в любой жизненной ситуации. Особенно тщательно этикет соблюдается по отношению к королевским сыновьям и великим вождям. Они, вероятно, в большей степени жертвы навязанных им форм поведения, чем члены царствующих домов Европы.

Фаасамое

Самое простое действие по отношению к матаи высшего ранга вырастает в целую проблему. Как, например, разбудить матаи? Единственным дозволенным способом прервать сон вождя может быть осторожное щекотание подошвы его ступней. Если это не даст результата (а кожа на подошвах ног сановников, привыкших ходить босиком, толстая и дубленая), следует легонько похлопать его по колену. И это все. Колени и подошвы ног — единственные части тела, которых можно касаться, не оскорбив его достоинства. Его нельзя трясти, щипать или звать по имени. Это было бы настоящим оскорблением. Поэтому следует покорно ждать, а когда он проснется, приблизиться к нему в низком поклоне и жестом, исполненным уважения, погладить почтенное колено.

А каких сложных манипуляций требует подача вождю обеда! В соответствии с требованиями этикета стол сервирует юноша приятной наружности, одетый в чистую лавалава. Венки из цветов и листьев банана украшают его шею и лодыжки. Ему помогает обычно *таупоу* (деревенская княжна или жена вождя). Блюда подаются в строгой очередности. Ставя их на циновку, юноша приседает так, что его колени повернуты влево. Затем он ждет в благоговейной тишине, пока матаи не закончит трапезу. Только после этого еда подается оратору и остальным членам семьи в той очередности, которая соответствует их положению. Обычно оратору, как правой руке вождя предоставляется честь доесть

за ним то или другое блюдо, а если оратор отсутствует, то эта честь принадлежит жене матаи или другим членам семьи.

Зато во время официальных визитов достойнейший из достойных явно обижен. В присутствии посторонних он должен быть очень сдержанным в еде и питье. Из поданных лакомств ему разрешено взять лишь небольшую толику. Все остальное отдают оратору, который может есть все, что дадут ему хозяева, и сколько душе угодно. Вообще положение оратора намного лучше. Призванный в принципе служить вождю, он в действительности имеет большое преимущество перед ним и может даже распоряжаться его собственностью.

— Мне понравилась тонганская циновка, которая лежит у тебя в сундуке,— может сказать он, и ему должны подарить циновку.

Или же он может самовольно во время отсутствия вождя забрать ее и не должен ни перед кем оправдываться.

Оратор иногда пользуется языком символов.

— Возьми мой *фуэ* и положи его на видное место в доме вождя,— скажет он посыльному. Тем самым оратор дает хозяину понять, что собирается завтра нанести ему визит и ждет достойного угощения.

Ораторы обладают традиционным правом вмешиваться в личную жизнь своих вождей. Раньше они даже выбирали им жен, решали за них вопрос, разводиться им или же вступать в новый брак.

— Мы решили, что для благополучия рода ты должен отослать свою жену Ваэто назад в ее семью и жениться на Сокае, которая принесет тебе в приданое титул *туатуа*,— сказал несколько веков назад оратор Алипиа великому вождю Тамалеланги.

Тамалеланги воспротивился и... вскоре умер при загадочных обстоятельствах. Самоанская история хранит множество леденящих душу примеров, когда люди внезапно умирали после того, как не подчинились воле ораторов. Сколько в этих рассказах правды — трудно сказать. Однако бесспорно одно — при раздаче наиболее ответственных титулов решающий голос по выбору кандидата имеют традиционные советы ораторов заинтересованных родов. Тем самым они заботятся о подборе доброжелательно относящихся к ним людей. Редко

кому в истории Самоа удавалось вопреки воле ораторов провести своего кандидата.

Остановимся на минуту на процедуре присвоения титула. Самоанцы, особенно те, кто занимает высокое положение в обществе, считают эту процедуру весьма демократичной. Действительно, если ее сравнить, скажем, с рабовладельческой системой, которая не так давно господствовала на Тонга, то она кажется либеральной и прогрессивной.

На Самоа с незапамятных времен матаи избираются свободно. Эта высокая должность не передается по наследству, как у большинства полинезийских народов. В выборах участвуют все взрослые члены рода, причем следует сказать, что решение принимается не большинством голосов. В самоанском обычном праве это понятие вообще неизвестно.

— Все кандидатуры мы свободно обсуждаем. После того как взвешены все «за» и «против», остается один кандидат, обладающий самыми ценными положительными качествами. Его кандидатуру одобряет вся семья и официально подтверждает это во время церемонии присвоения титула,— рассказал о выборах мой собеседник матаи.

— По каким критериям выбираются кандидатуры?

— В принципе каждый имеет право претендовать на титул, даже женщина. Решающую роль играют личные качества, заслуги перед семьей, отличное знание традиций, истории деревни и генеалогического древа рода.

Знаю, знаю... Часто такое древо простирается на несколько веков вглубь, а на его ветвях разрастаются различные титулы. Каждый из них имеет длинную, героическую историю и связан с поколениями людей с очень длинными и сложными именами. Их нужно уметь правильно сочетать в пары и не допускать ошибок, когда называешь пол и имена предков. Ужас!

Но и это еще не все.

— Кандидат в матаи, кроме прекрасного знания истории и самоанских традиций, должен быть сообразительным, находчивым и... богатым, чтобы на собственные средства достойно представлять семью.

— Всегда ли такой кандидат встречает единодушное одобрение клана?

— Гм... по правде говоря — не всегда. Самоанское обычное право позволяет провести менее достойную кандидатуру в двух случаях, представляющих исключения. Первый — старший брат, уходящий с поста вождя, имеет право передать власть младшему брату. Второй — умирающий матаи может назвать имя своего преемника. Так как в кругах самоанского патрициата все опирается на жесткие правила, последняя воля тоже должна быть выражена в строго определенной форме.

Близится смерть великого матаи. В его хижине собираются старейшины деревни: вожди, ораторы... Самый достойный из них в деликатной, уважительной торжественной речи говорит о заслугах умирающего. Ах, какая большая, невозполнимая утрата их ожидает! Но прежде чем погаснет самая яркая из звезд, пусть все подумают о преемнике. Великий вождь пытается использовать свой последний шанс. Если ему хватает сил, он произносит речь, в которой называет имя преемника. Если сил нет, он бросает на землю под ноги собравшимся бич и называет выбранное им имя... Этот будет первым среди вас!

Таким образом он мог назвать имя своего сына или любимого родственника. Собрание, как правило, такую кандидатуру утверждало, если и не из уважения к умершему, то из страха перед... мезтью его могущественного духа.

Сегодня решение вождя можно обжаловать в суде, который рассмотрит права всех возможных претендентов, так как во второй половине нашего века никто уже не боится загробной мести...

А ораторы? Ораторы, как и прежде, имеют решающий голос в делах больших и малых, будничных и праздничных. Они передают своим вождям пожелания и жалобы населения, поощряют послушных, осуждают нерадивых, наказывают правонарушителей. В последнем случае государственные суды несколько урезали их полномочия. Тем не менее ораторы любят сами проводить следствие в мелких делах, не желая начинать дорогую и хлопотную судебную процедуру.

Раньше, например, если у кого-нибудь с поля пропало таро, вожди и ораторы заинтересованной деревни собирались на церемонию питья кавы и, поднимая чашу, зывали к богам своего рода, чтобы они указали

виновного. Если кто-нибудь в деревне умирал или кого-то постигало несчастье, то считалось, что это перст божий. Или поступали иначе. Все жители собирались перед священным предметом: камнем, куском коралла или раковины — и по очереди клали пучок травы на него, заявляя, что не совершали преступления, и призывая на свою голову различные кары, если они солгали. Существовало поверье, что трава, увядшая раньше всех, положена рукой клятвопреступника.

А как обстоят дела на этот счет сейчас? Присяга на священном предмете проводится. Только вместо куска священного коралла используется Библия, а вместо травы — собственные пальцы. И, разумеется, никто не надеется, что пальцы завянут, а рассчитывают только на небесное знамение в виде внезапной смерти, болезни или другого бедствия.

— Наш матаи очень плохой! — доверилась мне однажды Макелита, соседка, которая заходила к нам иногда одолжить какую-нибудь мелочь или собрать в нашем саду сухие ветки для растопки уму.

— Почему? Что случилось?

— Потому что мой муж поймал черепаху и продал ее.

— Ну и что из этого?

Макелита посмотрела на меня с подозрением.

— *Папаланги* не знает?

— Нет, *папаланги* действительно не знает.

— Муж продал черепаху возле рыбного дерева, а деньги истратил на пиво.

Я одобрительно кивнула головой.

— Матаи не любит пива?

Макелита горячо возразила. Нет, нет, матаи очень любит пиво, только он не любит, когда нетитулованный мужчина, *таулеалеа*, продает черепаху и сам тратит деньги. Черепаху нужно отдать матаи. Он соберет всех вождей, и они ее съедят. Это и есть *фаасамоа*.

Мужа Макелиты наказали очень мягко — наложили на него продовольственную дань, так как его проступок был незначителен. Но в случае более серьезной провинности матаи располагают широким ассортиментом традиционных и весьма неприятных наказаний. Хотя некоторые из них ушли в прошлое, но есть и такие, которые находят применение реже или чаще в зависимости

от уровня образования и степени привязанности к древним обычаям.

Один из видов наказания провинившегося, сохранившийся до настоящего времени,— *усутааи*. Само название уже говорит за себя: *усу* — идти рано утром, *тааи* — все. Все жители деревни во главе с вождями и ораторами направляются на рассвете к дому провинившегося и требуют угощения. Они не уйдут до тех пор, пока не съедят последнюю курицу, припасенную на черный день. Все кончается мирно, если хозяин не пытается защищать свой амбар и не отказывается насытить пришедших. Если же он осмелится это сделать, дело может принять трагический оборот. Разгневанные ораторы вправе приказать перебить всех домашних животных, уничтожить плантацию, сжечь дом и, наконец, применить самое тяжкое наказание — изгнать несчастного из родной деревни.

— Раньше применяли наказания еще более изощренные и жестокие, конечно, по отношению к самым закоренелым преступникам,— рассказывал нам один знакомый матаи, который работал в министерстве народного образования и был настоящим кладезем курьезов из истории Самоа.— Одно из самых утонченных состояло в том, что приговоренного со связанными руками и ногами бросали в хлев к свиньям, где до самой смерти бедняга боролся с ними за отбросы и питье.

Не менее жестокими были и другие приговоры. Так, преступника заставляли жевать корень и стебель тевете. Это растение с исключительно отвратительным вкусом и запахом вызывало страшные опухоли на губах, языке и пищеводе, приводившие обычно к смертельному исходу. Применялся и другой легальный способ умерщвления. Осужденного привязывали веревками из кокосового волокна к стволу пальмы, плотно обматывали его, как катушку нитками, и оставляли так без пищи на солнце и дожде, пока не наступала смерть.

Смертная казнь сейчас редко применяется на Самоа, и, разумеется, только по приговору государственного суда. Единственное преступление, за которое здесь платятся головой,— это убийство. А самоанцы при всей своей безмятежности и мягкости характера очень вспыльчивы, особенно в тех случаях, когда затрагивают их личное достоинство.

— *Фиа оле!* (Хочу жить!) — только и успеет крикнуть несчастная жертва номер один, и жертва номер два уже идет в тюрьму на пожизненное заключение или на эшафот. Причем вторая падает жертвой собственной гордости, так как случаи убийства с целью грабежа или удовлетворения каких-либо других материальных потребностей на Самоа до сих пор не встречались.

«Укоренившееся в каждом самоанце убеждение, что его личное достоинство должно быть сохранено любой ценой, можно прекрасно проиллюстрировать на примере Фаасее, единственного человека, повешенного за убийство во время моей работы на Западном Самоа,— пишет в своих воспоминаниях Чарльз Марсак, на протяжении четырнадцати лет исполнявший обязанности президента Верховного суда в Апия.— Осужденных за убийство в то время было много, но во всех случаях смертный приговор был заменен генерал-губернатором Новой Зеландии на пожизненное заключение. Однако этого не произошло в случае с Фаасее. Так как не оказалось специалиста, который мог бы повесить осужденного, пригласили двух экспертов из Новой Зеландии. Исполнение приговора было намечено провести в тюрьме Ваимеа в присутствии двух самоанских судей. На следующий день после экзекуции старший из них представил мне полный отчет: „Все было очень хорошо организовано, и прибывшие из Новой Зеландии эксперты зарекомендовали себя блестяще. Они вовсе не были жестокими. Перед исполнением приговора я спросил осужденного, не хочет ли он что-нибудь сказать, с чем-то обратиться к самоанцам. Осужденный ответил:

— То, что я умираю,— справедливо. Я убил человека, и, хоть он и простил меня перед смертью, было бы несправедливо, чтобы я жил, когда он умер. Кроме того, судья сказал, что меня повесят и это должно быть исполнено. Я очень счастлив, что церемония так торжественна. Мужчины из Новой Зеландии совсем не жестокие, и они относятся ко мне с уважением. Жаль, что не все люди смогут присутствовать на церемонии. Скажи самоанскому народу, что мне не на что жаловаться. Немногие могут умереть так достойно.

И Фаасее ушел в свое последнее путешествие на запад, с молитвой на устах“...»

Однако это страшно развитое чувство собственного достоинства и национальной гордости ведет к некоторому эгоцентризму, сосредоточению на собственных проблемах.

— Что о нас подумают люди во всем мире?! — сетовали самоанцы на протяжении нескольких лет, когда комиссар Новой Зеландии обратился по местному радио к матаи с просьбой помочь ему в борьбе с эпидемией мелких краж в городе.

— В Америке и в Европе, всюду, где есть радио, люди будут думать, что в Апия живут одни воры! — негодовали самоанцы, убежденные, что все события, происходящие на Самоа, находятся всегда в центре внимания мира.

Эти нехорошие люди из Ваиала

Рассказы о воровстве, вероятно, сильно преувеличены. С нами произошло только два и то скорее забавных случая такого рода. Первый был результатом нашей личной неприязни к... джину. Была у нас довольно старая бутылка «Гордона», которая долгое время эффектно стояла на подносе, предназначенная для гостей. Стояла себе и стояла, но содержимое ее очень медленно убывало. Так уж сложилось, что наши друзья предпочитали фруктовые соки, а не крепкие напитки. Однажды мы устроили вечеринку. Среди приглашенных было несколько поклонников сухого мартини на американский манер: стакан джина, слегка разбавленный сухим вермутом. Муж готовил напитки. И тут мы сразу обнаружили — что-то не в порядке. Едва любители мартини поднесли стаканы ко рту, как на их лицах изобразилось удивление и скрытое отвращение. Эту вечеринку нельзя было отнести к успешным. Тут же после ухода гостей мы, охваченные одним и тем же предчувствием, бросились к бутылке. Сколько мы ни нюхали ее содержимое, нам так и не удалось обнаружить ни малейшего присутствия алкоголя. Я налила немного жидкости на ладонь и осторожно лизнула. По вкусу она еще меньше напоминала джин. В бутылке была чистейшая, а скорее, протухшая вода.

Следствие не дало никаких результатов. Было мало-

правдоподобно, чтобы кто-нибудь чужой зашел к нам во время нашего отсутствия на рюмку джина или чтобы Солинуу, наша домработница, фанатичная адвентистка, вспылала грешной страстью к алкоголю. Зато ее муж... Муж — это совсем другое дело. Прежде всего он считал, что имеет статус европейца благодаря своему деду-американцу, а религиозные заповеди хороши для самоанской девушки, но к людям его происхождения неприменимы. И кроме того... у него была слабость к благородным напиткам.

Второй случай произошел в нашем доме, в деревне Ваиала. Деревня пользовалась дурной репутацией. Она была расположена слишком близко от порта, и несколько местных девушек выступали в танцевальном ансамбле в заведении Эгги Грей, что ставило под сомнение доброе имя всех жителей деревни. Когда за восемь месяцев до нашего отъезда из Самоа мы решили переселиться в деревню из прославленных «каморок Бонни», знакомые заподозрили нас в том, что мы помешались от тропического солнца.

— В этом нет никакого смысла. Столько хлопот с переездом, и добро бы вы хоть меняли свое жилье на что-то лучшее. Тот дом настоящая развалина!

Действительно, дом годился только на слом. В нем не жили уже несколько месяцев, и, наверное, поэтому нам разрешили поселиться здесь на такое короткое время. Дом был невероятно запущен. Огромные куски краски отстали от стен, гирлянды паутины с кусочками трухи свисали с потолка, а под окнами лежали груды хлама, накопленного предыдущими жильцами. Там можно было найти несколько дюжин бутылок, разбитые обеденные сервизы, два коровьих черепа и один собачий, воловьи кости, детские соски, кукольные глаза, заржавленный французский ключ с мальтийским крестом... да чего там только не было!

И все-таки мы полюбили этот дом с первого взгляда. Он стоял у самого моря, белый, на двух десятках конусообразных ножек. От пляжа его отделяли только дорога и газон. Из сада в дом вели ступеньки, обрамленные белыми колоннами, увитыми зелеными вьющимися растениями. Он был построен в первом десятилетии нашего века как небольшое бунгало и первоначально состоял из двух комнат и круглой веранды. Со

временем к нему пристроили наружные стены, кухню, две комнатки в «крыльях» и выступающую пристройку на фронтоне. В результате возникло странное творение, однако очень милое, просторное, поделенное внутри невысокими стенками, с мрачными закутками и солнечной верандой, по которой свободно гулял ветер.

Крыша и половина дома были дырявые, как решето и даже хуже! Доски в полу проламывались под тяжестью каблука. Мы опытным путем установили, что единственным безопасным способом передвижения в нашем новом жилище является... ходьба босиком. У нас были также неприятности с дождем, который на Самоа часто идет независимо от времени года. Однако дом сам защищался от наводнения: хотя потолок немилосердно протекал, вода тут же выходила наружу через дыры в полу.

Дом населяли крысы и орды тараканов. У меня был некоторый опыт общения с ними, но даю слово, что я никогда не видела раньше стольких насекомых самой разнообразной масти и размера, собравшихся в одном месте! Коричневые и черные, маленькие, как зерна чечевицы, и большие, как мыши, они бесшумно бегали по полкам, носились с места на место и падали с потолка, мягко шлепаясь о землю. Не менее назойливы были термиты. Каждый день по утрам мы выметали из-под стен результаты их ночной работы: кучки мелкой древесной пыли. А вечером они покидали свои убежища и собирались тучами у любого источника света. Термиты лезли в глаза, падали в тарелки с супом, заползали на страницы книги, открытой под лампой. Потом приходило время, когда они теряли крылышки, и все кругом было усеяно легкими серебряными пленочками.

После переезда при первой же уборке мы столкнулись с небольшим «сюрпризом». Позади старого холодильника, среди сплетения поржавевших трубок и проводов, мы нашли хорошо сохранившиеся останки крысы.

— Довольно! — заявила я семье.— Я не желаю видеть живых крыс и ни на какие трупы в кухне я тем более не согласна.

На следующий день я купила банки со специальной затвердевающей пластмассой для заделывания дыр и коробки с ядом а также порошки от насекомых. Затем мы

приступили к работе. За две недели самые большие дыры забили досками, более мелкие — замазали, потравили всех тараканов и избавились от крыс. Только с термитами мы ничего не могли поделать — яды на них не действовали. Потом мы немного подкрасили стены и плинтуса и решили что-нибудь сделать со ступеньками. Они были какие-то серо-бурые, кое-где поросшие мхом. Местами на них проглядывала старая грязно-зеленая краска. У самого порога виднелась хорошо сохранившаяся голубая полоса. Мы условились, что выкрасим ступеньки в бледный серо-голубой цвет. Они будут хорошо выглядеть на фоне белого фасада дома и яркой зелени газона.

Я купила краску. По правде говоря, в магазине она мне показалась темной, но продавец заверил, что, высохнув, краска будет иметь спокойный серо-голубой оттенок. К сожалению, он ошибся. Краска оказалась такой яркой голубизны, что болели глаза. Она была самая синяя во всей Апия. Это имело свою положительную сторону. Когда мы приглашали гостей, которые не знали, где наш дом, достаточно было сказать: «Ваиаала, дом с голубыми ступеньками». Каждый знал, о каком доме идет речь.

Мы полюбили наш старый-новый дом. Хорошо, что мы не поддались уговорам и не отказались от него, а нужно признаться, что друзья в этом направлении старались, как могли.

— Вы не уживетесь с людьми из Ваиаала. Вы не имеете представления, что это за типы. У нас остались о них самые горькие воспоминания,— говорили те, кто жил в «нашем» доме до нас.

Потом они оттуда выехали и распространяли самые невероятные слухи:

— Мы не могли ни за чем уследить. Стоило отвернуться, как вещи пропадали прямо из-под рук. Вот, например, такой случай: возвращались мы как-то вечером из кино, подъехали к дому и не узнали его. Пропали... Ну, как вы думаете, что? — знакомая выжидательно посмотрела на нас.— Пропали ворота от сада вместе со столбами. Бетонными! Остались только цоколи.

Мы выдавили из себя звуки, которые должны были означать ужас, а знакомая, довольная произведенным эффектом, продолжала:

— Как-то уже позднее, ночью, подъезжая к дому, мы увидели, что пропали двери от гаража!

Поэтому мы не удивились, когда однажды утром Солинуу вбежала в комнату в сильном волнении и крикнула:

— Украли!

Я прежде всего начала пересчитывать двери: одна, две, три, четыре... Все были на месте. Я вопросительно посмотрела на Солинуу, которая со стоном выдавила:

— В прачечной, мыло пропало из прачечной...

Нужно было знать эту Солинуу! Второго такого доброго, добросовестного, до мелочей порядочного человека нет на целом свете. Санитарка по профессии, она из-за участия в забастовке потеряла место за несколько лет до нашего приезда в Апия. С того времени она содержала мужа-бездельника и двоих детей, перебиваясь случайными заработками в качестве домработницы. У нее были самые прекрасные глаза, какие мне когда-либо довелось видеть, большой врожденный ум и благороднейший, справедливый характер.

— Какое мыло, Солинуу? Может быть, оно упало с умывальника на землю или его стянула крыса, которую мы видели вчера?

В окрестностях было еще много крыс, а в прачечной отсутствовали двери, ну и стало быть...

— Нет, этого не может быть! — прервала меня Солинуу. — Я вчера оставила там мыло, завернутое в грязные платя, и крыса не смогла бы до него добраться. Это сделали плохие люди из Ваиала.

— Ерунда, Солинуу. Ведь в прачечной находилось белье и садовый инструмент. Зачем кому-то воровать кусочек мыла, когда там полно более ценных вещей?

Солинуу посмотрела на меня с состраданием, а ее прекрасные глаза недвусмысленно говорили, что эти паланги не понимают самых простых вещей.

— Они взяли мыло, потому что именно мыло им было нужно!

Признаюсь, я прикусила язык. Ну конечно же, им нужно было мыло, а не машина для подрезания травы!

Потом уже ничего никому не требовалось в нашем доме и саду. И никогда у нас не было таких милых соседей, как «плохие люди из Ваиала».

Самоанцы горды. Прежде всего гордость, а не тяга к материальному благополучию толкает молодых мужчин добиваться титула матаи. Они стремятся занять наивысшее общественное положение, завоевать уважение и почет, а также, что очень важно, активно включиться в политическую жизнь страны. Нужно помнить, что в Самоа нетитулованные граждане не только не могут быть избраны депутатами парламента и занимать какой-либо административный пост, но не имеют даже права голоса. За них голосуют матаи. Поэтому, как только на Прибрежной улице покажется автомобиль, рядом с номером которого выведены буквы M. P., то есть Member of Parliament¹, можно смело сказать, что он принадлежит матаи высшего ранга. Автомобиль без номера, с гербом на месте регистрационной карты, принадлежит президенту².

Казалось, нет ничего проще, как наделить всех самоанцев правом голоса. В конце концов, они сами выбирают своих матаи, а те депутатов парламента. Остается собрать их всех, утвердить новое положение и все. Но это не так просто, как кажется.

Матаи, думали мы вначале, закаменелые тираны, они не хотят дать населению элементарнейших гражданских прав! Наверное, так оно и есть. Но впоследствии мы убедились, что, помимо них, есть и еще один тормоз, может быть даже более существенный. На Самоа уже сейчас много молодых образованных матаи, которые стремятся преобразовать свою страну по более или менее демократическому образцу. Однако они встречают сопротивление именно там, где, нам казалось, должны бы ожидать полную поддержку у простых, нетитулованных граждан.

— Сначала нужно изменить психологию самоанцев, убедить их, что каждый совершеннолетний гражданин, независимо от того, имеет он титул или нет, может оказывать влияние на судьбу своей родины,— говорят эти современные матаи, которые сами вышли из низов и знают, что слишком многие привязаны к традициям.

¹ Член парламента (англ.).

² Самоанская конституция предписывает, чтобы глава государства выбирался из королевских сыновей.— *Прим. авт.*

Существует обычай, по которому на собраниях женских комитетов имеют голос только жены матаи, потому что положение женщины в обществе есть отражение положения ее мужа. Поэтому, как только жена нетитулованного мужчины захочет выступить, ее тут же одергивают такие же женщины, как она сама.

— Кто ты такая, чтобы выступать перед нами?! Так сразу же заявит в этом случае любая женщина,— сказала мне Масиофо Фетауи, жена великого вождя. При этом она добавила:— И это правильно, потому что только мы пользуемся здесь заслуженным авторитетом!

Система матаи, как обычно называется самоанское устройство общества, имеет своих горячих сторонников и врагов в равной степени как среди самоанцев, так и среди пришлого населения. Как-то нам случилось услышать и такой обмен мнений во время одной дружеской встречи:

— Это настоящий коммунистический строй! — восхищался один шведский архитектор.

— Мы прежде всего христиане, и все наше общество опирается на принципы христианства,— возразил ему самоанский учитель.

— Не верьте ему! Они взяли от христианства только то, что их устраивало, да и переделали еще на свой лад! — выкрикнул католический миссионер.

— Благодаря системе матаи у нас нет бездомных, нагих и голодных. Нет людей одиноких и лишенных помощи. У нас нет сирот и брошенных детей,— убеждал всех депутат парламента.

— Как только муж стал вождем, мы никак не можем избавиться от неприятностей. Ты помнишь наш дсм? Мы уже в нем не живем, не можем себе этого позволить. У нас все время толпятся родственники. Приходят и остаются. Целыми неделями их нужно кормить. Вечно требуют денег. «Ты — наш матаи. Дай нам на строительство церкви, дай на фиафия!». Все только дай и дай! — жаловалась молодая маорийка, жена самоанского вождя, который, хоть и был противником системы матаи, взял себе этот титул, чтобы не оставаться в стороне от политической жизни страны.

— Не буду работать лучше. Зачем? Мне от этого не прибудет. Если больше заработаю, придется больше отдать матаи! — говорил молодой техник.

— Я знаю, что у вас на Самоа есть матаи и что каждый член семьи должен или работать на них, или платить денежную контрибуцию. Меня интересует, какой процент своей зарплаты пришлось бы мне отдавать матаи. Сколько? Не может быть! Сто процентов?! — удивлялся бывший банковский служащий, а ныне пенсионер из Соединенных Штатов.

Но «не нужно удивляться, совсем не нужно удивляться, уважаемая пани доктор», — как говаривал наш приятель Сэм. Эта система пережила века, и именно она оберегла самоанцев от уничтожения и моральной деградации, что стало уделом стольких полинезийских народов при их столкновении с европейцами. А теперь эта система сама деградирует и постепенно отмирает. Все на свете устаревает, и на место старого приходит новое.

Я еще не знала философа-бродяги Сэма из Лодзи, когда впервые столкнулась с поразившим меня фактом из области фаасамоеа. Это произошло во время моей первой поездки в деревни, расположенные на восточном побережье острова. Я ехала, нагруженная лекарствами и пакетами порошкового молока, которые выделил новозеландский Красный Крест, и очень волновалась перед своим дебютом в самоанской деревне.

Был третий час утра. Автобус, страшно грохоча ржавым железом, катился по ухабам. Перед моими глазами во мраке качались силуэты пассажиров. Сзади, растянувшись на двух сиденьях и сундуке, храпел водитель. Автобус вел его сменщик. Он вел его с энтузиазмом гонщика и с ловкостью фокусника. Вдруг машину занесло, и, закрипев шинами, она свернула с приморского шоссе на узкую дорогу, пролежавшую между плантациями кокосовых пальм. Через несколько километров автобус остановился перед группой домов, еще погруженных в сон. Наш приезд вызвал неожиданное оживление. Где-то зажглась керосиновая лампа, послышались заспанные голоса, и через минуту на дороге показалась небольшая группа людей. Началась посадка. Сначала сел почтенный старец, перепоясанный древним сиапо, за ним благородная матрона и трое молодых мужчин. В одном из них по жезлу *тоотоо* и перекинутом через плечо фуэ я признала оратора.

Необычайно оживленный водитель трудолюбиво грузил в автобус узлы и свертки, портфели и корзины

из банановых листьев с тремя запеченными свиньями. Погрузил он и одну живую свинью, привязанную за ноги к длинной жерди, отчего свинья хрюкала и визжала. Когда узлы и свиньи оказались в автобусе, мы поехали дальше, но... в прямо противоположном направлении от места назначения!

Мое беспокойство было встречено с добродушной иронией. Что ж здесь удивляться и протестовать? Известное дело, семья водителя отправилась в гости к знакомым. Почтенный старец — вождь, и водитель выполняет его приказание. Обычная вещь... Набитый пассажирами автобус водитель снимает с трассы, чтобы у матаи не было обременительных пересадок, и везет его до самого порога гостеприимного дома. А расписание? Кому нужно это расписание? Разве солнце всходит и заходит, подчиняясь черным цифрам, написанным на желтых кружочках, или разве океан свои приливы и отливы регулирует в зависимости от чьих-то указаний? Нет? А почему им должен подчиняться автобус? Не нужно удивляться, уважаемая пани доктор!

Дружественные и породнившиеся великие самоанские роды часто связаны договорами, которые обеспечивают им политическую власть на определенной территории или на целых островах. Они обязаны оказывать друг другу помощь и поддержку, в прежние времена часто принимавшую форму вооруженной интервенции. Одна из самых кровопролитных войн в истории Самоа возникла как раз из-за репрессивных действий, предпринятых вождем Малиетоа Ваиинупо в ответ на убийство жителями округа Аана верховного жреца и властелина острова Маноно, с которым род Малиетоа был испокон веков связан традиционной дружбой.

Убитый ни у кого не пользовался симпатией. Даже соплеменники называли его Тамафаинга (Изверг). С этим именем он и вошел в историю. Уверенный в своей неприкосновенности, он был изощренно жесток, подавляя самые робкие попытки сопротивления. Но пришел и его час, когда он отважился изнасиловать церемониальную девушку, таупоу, Туиуми из деревни Фаситооута. Она не пошла по пути своих многочисленных предшественниц: не стала заламывать руки, не призы-

вала богов стать свидетелями ее бесчестия. Она встала во главе группы молодых людей, решивших уничтожить тирана и готовых на все. Наконец, представился удобный случай. Тамафаинга, уверенный в своей безнаказанности, заехал со своим двором в Аану, где собирался провести ночь с девушкой из деревни, оказавшей ему гостеприимство.

Мятежники затаились в темноте рядом со спальным домом. По условному знаку они набросились на жреца и его людей, безжалостно избивая их дубинками. Тамафаинга пытался прорваться к лодкам, но его поймали и учинили над ним кровавую расправу. Победа была полная. Только немногие придворные сумели убежать.

При известии о смерти жреца все население охватила радость. Только некоторые вожди из Ааны предрекали: не радуйтесь преждевременно, страшной будет месть оскорбленных жителей Маноно! Последствия превзошли все ожидания. К людям из Маноно присоединился могущественный Малиетоа Ваинупо, который повел за собой значительную часть жителей Уполу и Савайи. Не будем вдаваться в подробности, чувствовал ли Малиетоа себя обязанным помогать Маноно или он рассчитывал добиться политического превосходства, покорив великого вождя Ааны, потенциального своего соперника на титул короля Самоа. Достаточно того, что вспыхнула война. Сначала она велась с переменным успехом, но спустя год войны Ааны были либо перебиты, либо попали в руки численно превосходящего противника, а старики, женщины и дети, прятавшиеся в лесах и пещерах, попали в плен.

Ужасные времена наступили для Ааны. Горели богатые деревни, шли под топор цветущие пальмы и хлебные деревья. В день, когда произошла последняя решительная битва, воины вождя Малиетоа выкопали большую яму, наполнили ее дровами, сухими ветками и подожгли. Огромный столб огня взвился в небо. Победители бросали в огонь оставшихся в живых пленных — стариков, женщин и детей, столетних вождей и новорожденных. Погибли все жители деревень и селений округа Аана. Смрад от сгоревших тел достиг самых отдаленных уголков острова, что должно было принести облегчение душе великого жреца в подземном мире, *пулоту*. Тамафаинга был отомщен.

Как раз в это время на Савайи прибыл парусник «Посланец мира» с миссионером Джоном Уильямсом на борту. В своей книге «Проповедничество» он вспоминает: «...наше внимание привлек вид горы на противоположной стороне пролива, окутанной дымом и пламенем. Когда мы спросили, что это такое, нам сказали, что огонь пожирает дома, плантации и тела женщин, детей и людей больных и немощных, которые попали в руки своих кровожадных врагов».

Виновник этой бойни, великий вождь Малиетоа, стал вскоре первым... христианским владыкой Самоа.

Ифонга — это значит «прощение»

Самоанцы при всем своем пылком темпераменте и чрезмерном чувстве собственного достоинства не отличаются ни упрямством, ни мстительностью. Каждый виновный имеет шанс избежать наказания, если он быстро скроется в лесу, а спустя некоторое время подвергнется традиционному ритуалу смирения перед пострадавшим и его семьей.

Этот древний обычай называется *ифонга*, и о нем стоит поговорить подробнее. Ритуал часто содержит элементы искреннего раскаявания, а также попытку, в виде театрализованного представления, возместить ущерб. Преступник и патриции его рода подходят перед рассветом к дому потерпевшей особы. Они приносят в дар красивые тонганские циновки, ткани сиapo и еду. Иногда кладут на траву щепки и хворост, что, без сомнения, означает: можете нас убить и зажарить, как свиней, если хотите! Потом они садятся в живописных позах на траву. Почерневшие лица, сгорбленные спины, низко опущенные головы... Настоящие живые памятники раскаянию и покорности!

А между тем жизнь в доме идет своим чередом. Его обитатели встают, одеваются и завтракают, хлопочут по хозяйству, как будто ничего не произошло, словно скорбные фигуры кающихся и горы еды на поляне прикрывает шапка-невидимка. А те ждут. Солнце поднимается все выше и выше, льет свой жар на обнаженные головы — все продолжают неподвижно сидеть. Начнется дождь, дует резкий ветер с моря — они не ше-

лохнутся. В конце концов сострадание и любопытство берут верх, и из дома подают долгожданный знак. Кающихся заметили, оценили и простили. Наступает хэппи-энд в самоанском варианте, или *фиафия* с танцами, песнями и угощением за счет семьи кающегося.

Во время нашего пребывания на Самоа мы были свидетелями ифонга в государственном масштабе. Драма разыгралась в высшем обществе столицы. Действующими лицами были, с одной стороны, изобретательные братья Мурз, а с другой — сам премьер Фиаме Матаафа Мулинуу II. Вышеупомянутые братья, хотя и были американскими гражданами, унаследовали от полинезийских предков темперамент и уважение к традициям, а примеси крови папаланги они были обязаны своей деловитостью и любовью к деньгам. Дела они вели в Апия с размахом. Один из братьев, Гарри, бывший в то время начальником порта, и стал причиной конфликта.

Все началось с того, что Гарри купил для правительства моторный баркас, который предназначался для снабжения водой и топливом кораблей, стоящих в заливе (портовый мол в то время еще не был построен). Однако при первой же пробе баркаса оказалось, что судно, за которое самоанское правительство заплатило кучу денег, было всего лишь моторизованной баржей, годившейся самое большее для ярмарочных качелей. Может быть, Гарри обвинили бы только в бездарности, и на этом бы дело закончилось, но кто-то докопался до одной детали. Оказалось, что совсем недавно это суднышко было собственностью его жены, купившей баркас по цене в несколько раз меньшей, чем выделило правительство... Разгорелся скандал. Создали специальную комиссию для выяснения такого таинственного совпадения. В состав комиссии вошли иностранные эксперты. Премьер Матаафа лично заинтересовался этим делом.

Гарри Мурз ссылался на свою полную неосведомленность в делах жены. Он не знал, что она купила баркас и подвергла его косметическим операциям. Он даже не знал, что купил баркас у жены. «Разве я виноват, что у меня такая самостоятельная жена, почтенная комиссия?» Но комиссия упорно продолжала вести следствие. Мурзы почувствовали себя глубоко оскорбленными.

ми. Они отреагировали бурно и многословно. Братья напильсь в местном клубе и изложили многочисленным посетителям свои планы относительно личности премьер-ра, а также заявили, что расправятся с папаланги, которых считают виновниками своих несчастий и обид.

Премьер потребовал выселения братьев Мурз из Западного Самоа в трехдневный срок. В Апия, где знают всё и все, началось волнение. Шептались, что братья не собираются покидать страну и клянутся отомстить. Род Мурзов уже собирается в глухих местах и точит свои *сапелу* на сановников и папаланги... Как бы в подтверждение этих слухов полиция поставила вооруженную автоматами охрану перед резиденцией премьер-ра. Все были в ужасе. Наконец, наступил день, когда братья навсегда должны были оставить Самоа или начать гражданскую войну.

Солнце, как это обычно бывает в тропиках, быстро поднялось над горизонтом. Стало светло. Первые лучи светила упали на свешенные головы и опущенные плечи братьев Мурз, сидящих на газоне перед резиденцией премьер-ра. Они пришли с дарами доброй воли: с охапками красивых тонганских циновок, ценными тканями сияпо, корзинами печеных бананов и румяными свиньями.

Братья были прощены, а приговор отменен. Такова сила традиции.

Нетитулованных мужчин на Самоа называют таулеалеа. В каждой деревне они объединены в организацию, *ауманга*, которая представляет основную рабочую силу коллектива. Прием в аумангу связан с определенным традиционным ритуалом.

Семья кандидата, обычно семнадцатилетнего юноши, отправляется к своему матаи, чтобы тот вынес этот вопрос на деревенский совет. Если матаи признает их просьбу обоснованной, то идет с юношей к дому собраний и от его имени преподносит вождям корень кава. В это время кандидат, чье скромное общественное положение не позволяет сидеть с представителями верхушки деревенского общества, покорно ждет решения; кандидатура таулеалеа утверждается на общем собрании ауманги. Он приходит на ближайшее собрание

с дарами (банки *писупо*, таро, *палусами*, плоды хлебного дерева), что должно свидетельствовать об уважении к собравшимся и доброй воле. Обычно подарки должным образом оцениваются, и один из сыновей деревенского оратора приветствует нового члена цветистой речью. Тот отвечает. Дары справедливо распределяются между собравшимися. С этой минуты юноше представляется возможность участвовать во всех работах, которые выполняет группа: на плантации, по хозяйству, а также охотиться. Все это он делает не один, как раньше, а в коллективе. Одновременно он приобретает определенный авторитет в семье, ему как бы выдается официальное свидетельство о зрелости.

Ауманга — очень важная организация. Она дает возможность пробиться молодым талантам, проявить трудолюбие, дисциплинированность, заботу об общем благе. Из нее выходят деревенские лидеры. Предводителем группы обычно становится сын вождя самого высокого ранга. Его называют (правда, сейчас уже редко) *манайи*, что дословно означает «прекрасный». Так же как и его отцу, манайи помогает оратор, сын деревенского оратора.

Каждое утро предводитель ауманги получает от вождя инструкции на предстоящий день и распределяет обязанности между членами организации. В прежние времена группа традиционно собиралась по пятницам в доме матаи самого высокого ранга. Тот благодарил за работу, а также публично порицал тех, кто плохо себя вел или ленился. Кроме того, каждый член организации сдавал в общий фонд в ведение матаи разные мелочи, которые ему удалось собрать за неделю: лоскуты сиапо, полученные от девушки, банки писупо, заработанные за какую-нибудь мелкую услугу, отрезки ситца на лавалава... Потом эти предметы делят между отдельными хозяйствами или хранят для представительства.

Сегодня таулеалеа, работающие за деньги, также обязаны отдавать свой недельный заработок вождям. И не только они. Девушки обычно больше, чем юноши, боятся восстановить против себя матаи, боятся, что их исключат из семьи и они останутся одни среди чужих. Таким образом, жестоко эксплуатируется традиционное подчинение женщины мужчине, вождю или мужу. День-

ги, заработанные девушкой тяжелым трудом, ей придется отдавать семье. Вот, например, Телеисе, миленькая девушка, которая пришла в наш дом в поисках работы. С прежнего места ее уволили, так как у нее приближалось время родов. Она была в трудном положении. Муж исчез с последней ее получкой, а к семье она не хотела обращаться за помощью. Она осталась у меня. Спустя неделю нашелся счастливый будущий отец, который не отличался никакими достоинствами, кроме сильной тяги к пиву. Все складывалось удачно. Телеисе хвалила нас, мы — ее, а ее муж — ее зарплату и наше пиво.

Идиллия кончилась в канун праздника независимости. Вечером начались предродовые боли. Мы отвезли Телеисе в больницу, и в ту же ночь она родила красивую и здоровую девочку. На следующий день я застала ее опухшую от слез.

— Я думала, что родится мальчик... Муж хотел сына, а теперь — новое шмыганье носом — теперь он, наверное, на мне не женится... Даже не пришел в больницу взглянуть на ребенка!

Действительно, ее муж, жалуясь на слабые нервы, улетучился еще в предыдущий вечер, и след его на определенное время простыл. Зато семья каким-то образом узнала об этом великом событии. Рождение ребенка, брачного и внебрачного, на Самоа всегда большое и радостное событие. Уже на следующий день больничную палату заполнили возбужденные тетки, сестры, кузины. Пришли все, даже мать, хотя старуха была почти слепа и едва передвигалась на раздутых от слоновой болезни ногах. Посоветовавшись, они решили дать новорожденной имя Фуа (Знамя), потому что она родилась в день национального праздника.

Телеисе уехала с ребенком к семье, но уже через шесть недель вернулась и привезла с собой Фуа. Муж по-прежнему не подавал признаков жизни, зато семья наведывалась каждую неделю. По пятницам в наш дом приходили какие-то мужчины, и Телеисе после разговора с ними обращалась к нам за деньгами. Потом они уходили и возвращались в следующую пятницу. Со временем их требования возросли. Зарплаты уже не хватало, и Телеисе все больше залезала в долги. Мы пытались с ней разговаривать, напоминали о ребенке.

о будущем, о необходимости жить экономно. Все было напрасно.

— Я не могу отказать вождю. Если матаи хочет денег — я должна ему дать.

— Почему? Ведь деньги твои собственные, это ты их заработала.

Телеисе послушно поддакивала, но через минуту повторяла:

— Матаи нельзя сказать — нет. За непослушание он может выгнать из семьи.

Однажды в пятницу в комнате Телеисе собрались старейшины рода. Они приехали в Апия при полном параде: в поясах и лавалава из ткани сиапо, в ожерельях из клыков диких свиней, ораторы с бичами — фуэ, перекинутыми через плечо, с жезлами — тоотоо — в руках. Они выглядели очень внушительно. Собиралось большое фиафиа, и им нужны были деньги. Без промедления они приступили к делу.

— Дяди хотят двадцать пять фунтов, — сказала перепуганная Телеисе.

На этот раз я решила отказать и ответила без колебаний:

— Не дам!

Телеисе передала им мой ответ и спустя минуту после оживленных переговоров вернулась:

— Тогда, может быть, пятнадцать?

— Нет.

Телеисе не настаивала. Она все еще отработывала свой долг, в который залезла, чтобы... матаи могли достойно представлять на свадебной церемонии таупоу.

На этот раз совещание длилось дольше, и Телеисе вернулась заплаканная.

— Они говорят, что не уйдут до тех пор, пока не получат десяти фунтов.

Она была в таком отчаянии, что я не сумела отказать. Вожди получили деньги и не показывались после этого довольно продолжительное время.

Потом мы уехали отдыхать в Польшу. Знакомым, которые временно заняли наш дом, мы передали на попечение Телеисе с Фау. Вернувшись, мы их уже не застали. Вероятно, после нашего отъезда семья увеличила свои притязания, вернулся муж, не столько к жене

и ребенку, сколько к пиву и кладовой, а знакомые, хоть и с неохотой, все же были вынуждены уволить Телеисе.

Я встретила ее через несколько месяцев. Телеисе снова ждала ребенка и искала работу. Она сказала, что ее муж добивается разрешения эмигрировать в Новую Зеландию. Ему нужны деньги на дорогу. Поэтому она собирается ехать к семье. Наверное, так оно и получилось, потому что больше я ее не встречала.

Пример Телеисе не единственный. Более того — он типичен, потому что точно в таком же положении находятся тысячи самоанских девушек. Некоторым из них, более ловким или тем, матаи которых менее требовательны, может быть, и удастся с помощью различных уловок, например перечисления части зарплаты в банк через своих работодателей, скопить десяток-другой фунтов на какую-нибудь скромную покупку, но редко можно встретить такую девушку, которая сумела бы или хотела отделиться от аинги.

Нужно прожить среди самоанцев долгое время, чтобы понять: все здесь относительно. «Отрицательный персонаж» — матаи, который вытягивает из одинокой девушки последнюю копейку, в трудный момент превращается в ангела-хранителя. Если она заболела, не может найти работу или просто хочет вернуться в родную деревню, он заботится о ней и предоставляет ей кров. Он заботился бы и о десяти детях Телеисе, если бы они у нее были. Причем матаи считал бы это своей естественной обязанностью, потому что он для того и существует, для того его и выбирали, чтобы каждый член семьи, независимо от «законного» или «незаконного» происхождения, возраста и пола, имел приличные условия существования. И хотя «должность» часто давит на человека, а распределение доходов в аинге далеко от справедливого, самые элементарные ее принципы здесь сохранены.

Последние годы принесли много перемен. Система матаи, просуществовавшая века, целесообразность которой никогда не подвергалась сомнению, вдруг перестала удовлетворять общество. Это произошло буквально в считанные дни. Самоа, которое на протяжении десятков лет находилось на политических и экономических задворках сначала Германии, а потом Новой Зеландии, встало перед трудными и сложными проблема-

ми. Оно добилось независимости, но, чтобы сохранить ее реально, а не на бумаге, хранящейся в государственном архиве, Самоа необходимо сравняться с окружающим миром и хотя бы в какой-то одной области идти в ногу с ним. Система матаи стала обременять молодое государство, сковывать его развитие, тормозить инициативу способных людей, которые в существующих условиях не имеют возможности выдвинуться. Им приходится искать такую возможность за границей. Из Самоа постоянно уезжают самые способные, инициативные люди, часто те, кому удалось получить образование благодаря немногочисленным иностранным стипендиям. Они уезжают потому, что могут больше заработать, потому, что жизнь за океаном интересней и дает больше перспектив на будущее. Они уезжают, чтобы оторваться от аинги, которая гирей висит у них на ногах... У себя на родине их заработок высасывает не только «аппарат семейной власти»: вожди, ораторы, старики и дети, но и штатные тунеядцы, которые при существующей системе находят для себя теплое местечко в семье за счет других. Передовые представители молодежи бунтуют против этого. Таулеалеа, которые знают, что никогда не займут на Самоа более высокого положения, соответствующего их способностям, а для получения титула более высокого ранга имеют не многим более шансов, чем американский чистильщик обуви получить миллион, предпочитают осесть в Новой Зеландии, Австралии или США и оттуда помогать своей семье материально. Каждый месяц плывет из-за океана волна денег для родственников, оставшихся на родине. Часть их используется для покрытия текущих расходов, а часть идет на то, чтобы отправить за границу других членов семьи. Создается парадоксальная ситуация: люди, всеми силами пытающиеся освободиться от связей и ограничений, наложенных на них аингой, обосновываются на чужбине по образу и подобию тех обществ, из которых только что вышли...

У Жозефы мусу?

Самоанцы — умный и способный народ. Их стремление выдвинуться в обществе и жажда знаний заслуживают искреннего уважения. Во многих случаях они борются

прямо-таки героически за более высокую социальную и профессиональную позицию. Иногда это удается, но часто они проигрывают, падают духом и начинают все сначала.

В архитектурной мастерской Министерства общественных работ работали три чертежника: Меки Ли Ло, Миля и Жозефа. Меки, по происхождению китаец, был самым старшим из них. Он имел большую и достаточно обеспеченную семью, а Миля и Жозефа были типичными молодыми людьми без титулов.

— Знаешь, они отличные ребята. Никогда у меня не было лучших сотрудников,— хвалил их муж.

Все они вот уже три года учились в заочной школе чертежников-архитекторов Новой Зеландии и скоро должны были готовить дипломную работу.

— Ты не представляешь, как им трудно учиться. Вообрази себе занятия в фале, полном детей, шума и смеха. К счастью, им уже недолго осталось учиться.

Сердце разрывалось на части при виде исхудавших лиц Мили и Жозефы.

— Посмотри, они еще сидят в мастерской и чертят,— показывал муж на освещенные окна мастерской, когда мы возвращались с вечерней прогулки у моря.

Шли месяцы, а окна в здании министерства не гасли до поздней ночи.

— Знаешь, Жозефа и Миля вообще не возвращаются с работы домой. Они приносят себе немного таро на ужин и ночами занимаются в мастерской. По крайней мере, они будут что-то с этого иметь. После защиты диплома они получат повышение, и зарплата их увеличится. Их должны повысить. Они очень способные и трудолюбивые.

Именно такие люди должны заменить в государственном аппарате иностранцев, оплата которых тяжким бременем лежит на бюджете страны, хотя качество их работы не всегда бывает наилучшим.

Однажды Збышек вернулся домой сияя.

— Ну, готовься к великому фиафия. Ребята защитили дипломы!— закричал муж от порога, потирая руки.

Ах, как же они были рады! После стольких лет самопожертвования и тяжелой, изнурительной работы они наконец прочно станут на ноги, добьются уважения и почитания, словом, всего, о чем мечтает молодой

честолюбивый таулеалеа. Но через несколько дней муж заподозрил что-то недоброе. Мили не было на его обычном месте, за чертежной доской, а у Жозефы осунулось лицо и под глазами появились большие черные круги.

— Что случилось, Жозефа? Мусу?

Самоанцы время от времени без какой-либо видимой причины впадают в состояние депрессии, у них портится настроение. Они рассеянны, пасмурны, отвечают на все вопросы односложно, а если их «прижать к стене», то просто отвечают, что это... мусу. Вот и все объяснение. Мусу, и только. Через несколько часов их хандра улетучивается подобно короткой самоанской буре, и они снова светятся улыбками.

Но у Жозефы не было мусу. Этот интеллигентный и впечатлительный юноша был по-настоящему надломлен.

— Господин Воляк, мой диплом по good³,— сказал он.

Муж не поверил собственным ушам. То, что сказал Жозефа, казалось ему бессмыслицей.

— Как это по good?!

— Государственная комиссия получила вчера ответ из Новой Зеландии. Оказывается, курсы, которые мы окончили, не дают никаких прав. Поэтому наши заявления о повышении и прибавке к зарплате отвергнуты.

Збышек, взволнованный и все еще сомневающийся, пошел в дирекцию. К сожалению, Жозефа не ошибся. Курсы архитектурного черчения, рекомендуемые самоанским правительством и частично оплаченные из его скромных фондов, а частично самими учащимися из их еще более скромных средств, не давали выпускникам никаких прав. Диплом обладал только декоративной ценностью.

Меки, Милиа и Жозефа упали духом. Они потеряли веру в свои возможности и в то, что когда-нибудь смогут выбраться из заколдованного круга. Но для самоанцев характерен поразительный оптимизм и способность к регенерации. Через какое-то время они пришли в себя, увлеклись работой, которая была их настоящей страстью, и судьба улыбнулась им. На этот раз в об-

³ Плохой, нехороший (англ.).

разе доброй феи выступило Агентство по оказанию технической помощи при ООН; благодаря ему Жозефа и Миля стали стипендиатами лучших градостроительных учебных центров Австралии, а Меки — Гавайев. Они уехали. Письма от них мы получили уже в Варшаве. Ребята писали, что учатся, учатся и учатся... Перенесясь в мир пленительный и чужой, они все свои новые знания и впечатления просеивают сквозь сито их пригодности для Самоа. Ведь они туда вернуться! Вернутся и станут родоначальниками будущей технической интеллигенции страны. Трудно сказать, как они воспримут после возвращения систему матаи, станут ли ее двигателем и послушным орудием или, может быть, сознательно или неосознанно будут расшатывать ее изнутри.

Наследие господина Гриффина

Так или иначе, система матаи, несмотря на искреннюю приверженность к традициям, крики о помощи и надежды на чудодейственные лекарства, деградирует и умирает. В какой-то степени она уничтожает себя сама. Это особенно чувствуется во время выборной кампании. Как было замечено, перед выборами в парламент происходит катастрофически быстрое увеличение числа новоиспеченных матаи. Так, например, в 1962 г. было зарегистрировано около 200 титулованных особ, а в 1967 — их число подскочило до 1400! Это явление объясняется не колоссальным приростом населения и не улучшением жизненного уровня. Это плод политической игры и своеобразный метод вербовки сторонников влиятельными вождями. Так как поиски сочувствующих среди нетитулованной части населения ни к чему не приводят, поскольку оно не пользуется избирательным правом, то самый простой способ обеспечить себе большинство — раздать титулы матаи.

Подобное явление уже имело место на Самоа в начале нашего столетия. Но тогда речь шла не о присвоении новых титулов, а о безудержном делении уже существующих. Творцом этого метода был англичанин по фамилии Гриффин. Проработав несколько лет в лондонском миссионерском обществе, он решил переключо-

читься на административную деятельность и занял пост секретаря по делам местного населения в Апия. Однажды к нему обратились представители нескольких перессорившихся семей, каждая из которых выдвинула своего кандидата на титул матаи. Они долго совещались, но так и не смогли прийти к единому мнению. Поэтому им хотелось посоветоваться с ученым мужем. У Гриффина на этот счет не было никаких сомнений.

— Ищите и обрящете,— прошептал он и, полный надежды, обратился за помощью к... Библии.— Поделите титул на две части! — изрек он, как только взор его упал на описание суда Соломона. И вместо одного появилось два титула.

С этого времени по стране распространилась мода делить титулы. Если кто-то не мог договориться, ну и что?! Вместо одного тут же появлялось два, четыре, а то и восемь матаи. Самоанский патрициат забеспокоился. Но прежде чем он успел отреагировать, матаи все размножались и размножались...

Сейчас происходит почти то же самое, только в более крупном масштабе. Сторонники традиций подняли страшный шум, а премьер Матаафа официально заклеил подобную практику как неуважение традиций. Был проведен ряд мероприятий, направленных на то, чтобы положить конец размножению матаи и вернуть им прежний престиж и значение. Но разве это могло помочь? Растут кадры образованных самоанцев. Для них реальные ценности значат больше, чем титул. Общественная функция матаи теряет свой смысл. Происходит не только дезинтеграция верхней части пирамиды самоанского общества, представленной вождями и ораторами, трещит также и ее основание — аинга, хотя и не так явно. Намечается робкая тенденция выделения семьи из большой родовой группы. Но это только первые попытки, ограниченные крупными центрами цивилизации, и они не касаются пока более глубоких родовых связей.

Аинга еще сильно связывает людей. В ее рамках они перемещаются со ступеньки на ступеньку, из группы в группу, иногда достигают вершины, но и в этом случае они — собственность аинги. Она связывает живых и не любит расставаться с мертвыми. Их охотней всего хоронят в саду, неподалеку от порога родного дома. Здесь

новорожденные учатся делать свои первые шаги, подростки соревнуются в меткости, бросая камни, молодежь заигрывает друг с другом, а старики сидят в степном молчании. На заходе солнца, когда дым уму стелется по земле, рыбаки развешивают сети и выбирают самую лучшую рыбу для вождей. Среди гомона и суеты течет настоящая жизнь, которая никогда не умирает. Мертвые не одиноки. Они принадлежат семье.

Полинезийская закуска

Вскоре после приезда в Апия нас пригласили знакомые самоанцы.

— Приходите к шести,— сказали они,— у нас будут еще несколько человек, неофициально.

Неофициально — это значит, что мужчины приходят в пестрых рубашках без галстуков, а женщины — кто в чем. Они могут явиться в спортивном платье-костюме или бальном туалете. Но, как правило, надевают длинное пестрое платье *муумуу*. Мы оделись так, как рекомендует обычай и туристический справочник, и ровно в шесть остановились перед домом семейства Б.

Наш приезд вызвал у хозяев растерянность. Какая-то женщина в неглиже, украшавшая веранду цветами имбиря и пальмовыми листьями, с визгом скрылась в доме. Куча детей сначала застыла от удивления, а потом заревела так, что свора собак, почувствовав опасность, обступила нас с яростным лаем.

— Ты уверен, что это здесь? Признайся, что ты перепутал день или адрес.

— Ничего подобного. Утром я видел Б. в конторе, и он сказал, что мы увидимся с ним вечером. Может быть, я перепутал время?

Нет, все было правильно. Смущенная хозяйка дома вышла на веранду:

— Простите за беспорядок. Да, сегодня. Только знаете, если у нас гостей приглашают в шесть, они приходят в восемь.

В восемь собралось человек сорок — по самоанским представлениям, небольшая вечеринка для узкого круга. Напитки лились нескончаемым потоком. Несмотря на сухой закон, был джин, виски, бренди и пиво, а с

ними подали таро и плоды хлебного дерева, поджаренные наподобие хрустящего картофеля. Люди пили и веселились, но никто не напился. В девять мы попытались распрощаться, ссылаясь на маленького ребенка и свою занятость, но милые хозяева ничего не хотели слушать.

— Это исключено. Сейчас мы немного закусим. Не пойдете же вы домой голодными!

В десять наши робкие напоминания о доме и ребенке были безапелляционно отвергнуты из-за «закуски», которую «сейчас подадут на стол». В одиннадцать я уже перестала чувствовать голод и усталость, а после третьей рюмки виски на пустой желудок мне стало весело. Помню, как хозяйка объясняла мне язык цветов «а ля Самоа»: цветок за левым ухом — значит девушка незамужняя, за правым — солидная матрона. В двенадцать меня уже ничего не интересовало. В час принесли «небольшую закуску».

Столы расставили полукругом. Посреди этой подковы аппетитно возвышался огромный подрумяненный кабан с головой и копытами. Он выглядел как живой, а в его пасти и под хвостом кокетливо торчали цветы гибискуса. Рядом с кабаном вздымались горы таро, вареных плодов хлебного дерева и зеленых бананов, элегантные сверточки палусами, рыбины, целиком запеченные в листьях хлебного дерева, цыплята и миски консервированной говядины. Отдельно стояли стопочки красных крабов и омаров, жареные палоло и морские водоросли лиму, которые напоминают кисти мелкого зеленого винограда и издают резкий запах йода. Салаты зеленые и салаты овощные, помидоры и печеная дыня, итальянские макароны и индийское карри, китайское блюдо — побеги молодого бамбука — все это соседствовало с сосисками и тортами, политыми розовой глазурью. На другом конце стола мы обнаружили кусочки таро в кокосовом креме с коричневым тростниковым сахаром и маленькие китайские пирожные.

Сначала мы попробовали неизвестные нам самоанские блюда. Больше всего нам понравилось палусами.

— Как готовится это блюдо? — спросила я хозяйку дома.

— Очень просто. Густой крем из мякоти кокосового ореха заворачивают в листья таро, поливают морской

водой, обязательно морской, потому что в противном случае оно будет приторным, и запекают в уму. Но если тебе понравились эти самоанские блюда, ты должна попробовать *палоло*.

Она принесла мне на тарелке что-то черное, внешним видом напоминающее тоненькие макароны. Я взяла в рот несколько ниточек.

— М-м-м... роскошь. Похоже на икру. А что это?

— Морские черви.

Я поперхнулась, на глаза навернулись слезы, но что я могла поделать? Я проглотила и еще нерешительноковыряла вилкой в черных нитках, когда ко мне подошла знакомая англичанка.

— Что у тебя? Палоло? — спросила она, нервно жуя ножку цыпленка. — Берегись, несколько дней назад у меня после палоло был «самоанский живот».

— А-а-а... только этого мне не хватало! — Я уже успела наслышаться столько ужасного о «самоанском животе». Впервые я услышала об этой болезни несколько дней назад на очень официальном коктейле. Две дамы тянули потихоньку шерри и вели со мной стереотипную беседу:

— Откуда вы приехали? Из Голландии? Из Польши? О, это интересно. А где вы живете? В Варшаве? И туда возвращаетесь? Ага, понимаю.

Наступила минута неловкого молчания. Затем одна дама обратилась к другой:

— Не вижу Марселя. Что с ним?

— У бедняги «самоанский живот».

Тут они снова вспомнили обо мне.

— Вы, кажется, врач? Что вы можете сказать о «самоанском животе»?

Я облилась потом, а зубы мои застучали о край бокала. Я ничего не могла сказать. Я никогда даже не слыхала, что у самоанцев животы не такие, как у остальной части человечества... Но прежде чем я успела что-то выдать из себя, дамы уплыли к другой группе гостей.

Однако уже на следующий день мы столкнулись с «самоанским животом», оказавшимся исключительно отвратительным пищевым отравлением, которое очень распространено среди местного населения. И в этом нет ничего удивительного, так как традиционное питание

островитян — глумление над всеми принципами диеты. Иначе говоря, они потребляют слишком много углеводов и жиров и очень мало белка. Основу меню островитян составляют насыщенные крахмалом, вызывающие полноту клубни таро, зеленые бананы, тааму и плоды хлебного дерева, которые они едят так, как у нас хлеб и картофель. Эти продукты в избытке поставляют «топливо» организму и способствуют отложению жиров. А как же протеины? Казалось бы, рыба, крабы, двухстворчатые моллюски и другие морские животные, которыми кишит море вблизи Самоанских островов, должны были легко покрыть недостаток белков. Кроме того, у островитян есть птица, свиньи, коровы...

Вот что писал о Самоа, заселенных, по предположениям, раньше других островов Тихого океана, исследователь полинезийских культур Эндрю Шарп в своих трудах о древней колыбели полинезийцев¹: «Самоанские острова изобиловали всеми видами съестных морских продуктов. Шесть месяцев в году плоды хлебного дерева представляли собой источник свежих овощей самого высокого качества, пригодных для консервирования путем ферментации. Поля таро требовали ухода только тогда, когда самоанцы не хотели тратить силы на поход в горы за корнями батата, которые в избытке обеспечивали их всю остальную часть года. Здесь были также бананы, свиньи и домашняя птица, не считая собак и крыс. Может быть, когда первые люди прибыли на архипелаг, уже не все это было там, но на Самоа с самого начала имелись обильные источники пищи».

И тем не менее здесь столько голодных детей, столько беременных женщин и детей, страдающих от анемии и недостатка белка... Самоа ежегодно ввозит продукты из-за границы: яйца, масло, сыры и мясо из Новой Зеландии, рыбные консервы из Южно-Африканской Республики, мороженое рыбное филе и овощи из Европы. В 1965 г. ассигнования на импорт продуктов питания составили 1 016 968 самоанских фунтов². Самое

¹ Andrew Sharp. Ancient Voyagers in the Pacific. London. 1957.— *Прим. авт.*

² В 1965 г. денежной единицей был 1 самоанский фунт (2,8 ам. долл.). В июле 1967 г. Западное Самоа ввело десятичную валютную систему. Новой единицей стал самоанский доллар (*тала*), равный 100 центам (*сене*). 1 тала = 1,12 ам. долл.— *Прим. авт.*

важное из импортируемых продуктов — мясо (консервированная говядина — почти 20 тыс. фунтов, свежее мясо — 84 300 фунтов). Импорт рыбных консервов был равен 135 тыс. фунтов, а мороженой рыбы — 20 445 фунтов. Серьезной статьёй импорта в скромном валютном бюджете страны являются фрукты и овощи — 31 126 фунтов. За тот же самый период было ввезено машин и оборудования на сумму 468 198 фунтов, а полная сумма экспорта с реэкспортом составила 2 083 417 фунтов. Красноречивые пропорции. А это был урожайный год, год перед ураганом...

В Индонезии говорят, что Ява съедает остальные острова. О Самоа можно сказать, что оно само съедает себя и свой бюджет.

Почему так происходит? Причин много. Они так же специфичны и локальны, как и характерны для многих развивающихся стран. Это прежде всего примитивные методы рыболовства, отсутствие холодильных установок, предприятий по производству консервов, малочисленность коров и свиней, неправильный уход за домашней птицей... Да и вообще, какой там уход! За небольшим исключением, домашняя птица на Самоа пользуется полной свободой, куры несут яйца где попало. Поэтому ими никто не может воспользоваться.

Впрочем, в любом случае не каждый день в средней самоанской семье едят куриное мясо. Птицей, самой лучшей рыбой, черепаками и другими деликатесами питаются прежде всего вожди, ораторы и приходские священники. Свиньи больше служат для церемониальных обрядов, чем для употребления в пищу. На Самоа ни одно фиафия, ни один крупный праздник не обходится без свиньи, причем способ ее приготовления и порядок дележа строго определены традицией.

Свиней жарят целиком в земляной печи уму. Внутренности заменяют раскаленными камнями, а затем преподносят на украшенных цветами носилках из листьев и жердей. На этой стадии свинья хоть и выглядит очень эффектно, но обычно наполовину сырая, и отдельные ее части дожариваются после дележа. Каждая титулованная особа получает предназначенную ей часть. Импровизации здесь быть не может. Оратор, например, сегодня, как и столетия назад, получает передние ноги и часть позвоночника с ребрами.

Первый кабан был привезен на Самоа с архипелага Фиджи. А было это так: давным-давно жила на Фиджи старая самоанская супружеская чета Иа Иа и Сау Сау. Король Туифити был каннибалом, поэтому каждый раз он требовал от подданных человеческих жертв. Когда старики почувствовали приближение смерти, они позвали своих сыновей Фале и Оло и сказали им:

— Когда мы умрем, не закапывайте наши тела в землю, а положите их рядом на циновку. В них заведутся черви. Кормите их растертой мякотью кокосовых орехов и, когда король потребует жертву от нашего рода, приготовьте ему животное, которое вырастет из червей. Наденьте на него ожерелья и браслеты из листьев *ти*, смажьте его тело маслом и с криком «усусу» отнесите животное королю.

Так они и сделали. Из червей выросла первая свинья. Когда пришло время, Фале и Оло убили ее, изжарили в уму, а сердце завернули в банановые листья и отдали королю. Туифити так понравилась свинина, что он бросил каннибальство.

С тех пор при церемониальном дележе вождям всегда достается сердце.

Несколько лет спустя Фале и Оло решили вернуться на Самоа. Король не разрешал вывозить живых свиней из страны. Поэтому они забили огромного кабана, изжарили его, а в его брюхе спрятали маленького кабанчика. Это была первая контрабанда в истории островов...

Все началось с горохового супа...

Небывалую карьеру сделали на Самоа консервы. Все началось с невинных банок с гороховым супом, которые американцы выдавали своим солдатам, стоявшим на Уполу во время второй мировой войны. Потом война окончилась, солдаты уехали, и гороховый суп был предан забвению, но название осталось. Pea soup, или писупо, привилось как название всех консервов и стало синонимом всего вкусного и привлекательного.

— *Фиууу, но писупо!* — свистят юноши при виде красивой девушки, а старшие поют песни, в которых уверяют, что ничего нет на свете вкуснее писупо.

Однако это очень дорогостоящая страсть, так как, например, двенадцатиунцевая банка говядины самого низкого сорта, в которой больше сухожилий, жира и мутного соуса, чем мяса, стоит 50 центов. А, как я уже говорила, средний годовой доход на душу населения составляет 32 доллара. Легко подсчитать, что средний самоанец может себе позволить банку мясных консервов раз в неделю...

Самоанское правительство пытается увеличить потребление местных продуктов земледелия и животноводства и тем самым ограничить их импорт. Достаточно пойти в школу тропического земледелия в Алафуа и осмотреть прекрасные исследовательские станции, чтобы представить себе самое радужное будущее островов. Уже появился самоанский табак, перец, имбирь, стручковая фасоль. Все чаще в магазинах можно купить овощи, неизвестные ранее самоанцам: свежий салат, помидоры, молодую картошку, огурцы, которые наполовину гнилыми привозят раз в две недели из Новой Зеландии.

Зато за время нашего пребывания в Апия мы не заметили, чтобы частые и великолепные фиафия изживали себя. Любой самоанец пожертвует месячным запасом еды и всеми наличными деньгами, только бы фиафия был обильным. Гостеприимство самоанцев просто ошеломляет. Праздничный обед в польской семье, после которого все с трудом доползают до дивана, выглядит жалкой пародией на настоящее гостеприимство. Да и где нам до полинезийского аппетита!

Если мы уж коснулись аппетита, то стоит сказать несколько слов о каннибализме.

— Что, вы вернулись с Самоа? И вас там не съели?— приветствовали нас знакомые в Варшаве.

Но вопреки распространенному мнению каннибализм никогда не был развит на Самоа, а отдельные его проявления явно осуждались обществом. Одним из последних легендарных людоедов был Малиетоа Фаинга, который жил на Уполу в деревне Малиэ. Он был женат на дочери Тиутонга. Родственные связи с королем вскружили ему голову, и он ежедневно требовал двух детей. Их доставляли зависимые от него деревни в страхе, что неподчинение его воле повлечет за собой жестокие репрессии.

Каждый день на восходе солнца перед резиденцией Малиетоа в Малиэ собирались вожди и ораторы и ждали, когда принесут жертвы. Мальчиков приводили одетых в новые красивые сиапо, украшенные цветами. Они с уважением приседали перед ораторами. Детей уводили в глубь острова, сажали на плоский камень и ударом палки по голове лишали жизни. Мясо делили между вождями и ораторами, а сам Малиетоа съедал шею и сердце. Существовало поверье, что тем самым он обретает *мана* — духовную и физическую силу своих жертв. Поэтому его боялись и уважали.

Однажды сын Малиетоа подслушал разговор двух мальчиков, которые предназначались в жертву. Они сидели на берегу и оплакивали свою страшную судьбу. Потрясенный их горем, сын Малиетоа решил пристыдить отца. С этой целью он велел ребятам завернуть его в пальмовые листья, как большую рыбу, и в таком виде отнести владыке. Когда они пришли к Малиетоа, тот очень обрадовался подарку и приказал тут же развернуть сверток. Увидев сына в образе жертвенной рыбы, он очень удивился.

— Как ты жесток! — крикнул Малиетоа.

Эти слова помогли властелину осознать боль родителей, дети которых погибли ради удовлетворения его прихоти. Если верить легенде, с этой минуты он отказался от каннибализма.

Кава — это не кофе

В сентябре 1967 г. совет министров Самоа запретил пить каву в государственных учреждениях в рабочее время. Это было сделано для того, чтобы служащие более продуктивно использовали рабочее время. Запрет взволновал служащих. Его обсуждали и критиковали, протестовали и грозили снижением производительности труда.

— Ничто так не благоприятствует бесперебойной работе административной машины, как беседа высших чиновников за чашкой кавы. И взаимодействие между отделами лучше и меньше бюрократии...— с огорчением говорили наши самоанские друзья.

Несмотря на схожесть названий, кава, или, как ее называют на Самоа, олеава, ничего не имеет общего с кофе, кроме склонности государственных служащих всех географических широт пить этот напиток во время работы. Олеава не напоминает кофе ни вкусом, ни видом и, если верить авторитетам, представляет собой совершенно невинный напиток. Правда, жители островов утверждают, что если употреблять каву в больших количествах, то она слегка одурманивает. Однако большинство европейских исследователей не согласны с этим мнением, объясняя его главным образом самовнушением.

Тем не менее трудно понять, почему употребление напитка, лишённого возбуждающего действия и даже вкусовых качеств, превратилось в обычай, крепко связанный с самоанской традицией. Обычай зародился в те времена, когда даже наиболее прозорливые полинезийские предки не могли предвидеть появления министерств, параграфов и циркуляров. В легендах говорится об этом по-разному. Одни приписывают каве божественное происхождение, ссылаясь на то, что ее твор-

цом был Тангалoa Ланги. Другие утверждают, что ее творцом был полубог, тонганский король и жрец Туитонга, власть которого распространялась на обширные территории Полинезии. Так или иначе, первый куст кавы появился на Самоа в незапамятные времена и при несомненном участии сверхъестественных сил. Да хотя бы вот так!

Жила на Самоа чета бедных стариков с прокаженной дочерью. Однажды к ним пришел Туитонга и потребовал приюта. Старики опечалились, потому что им нечем было угостить уважаемого гостя. В доме пусто — ни поросенка, ни курицы, одна только дочка, которая долго не протянет. Посовещавшись, они убили больную и подали королю жаркое из дочери. Чем богаты... Расстроганный тонганец даже не прикоснулся к еде. Он с честью похоронил девушку. Из тела же прокаженной в благодарность за гостеприимство вырос первый куст кавы, *Piper methysticum*. Поэтому кожа людей, злоупотребляющих напитком, становится шершавой и шелушится, как у прокаженных...

С тех пор кава сделала головокружительную карьеру. Сначала она была доступна только элите. Ее выращивали и пили исключительно самоанские вожди и ораторы. Затем она распространилась среди «плебеев» и в конце концов попала в учреждения, предприятия и мастерские. Но сама церемония питья кавы, о которой говорят, что она представляет квинтэссенцию самоанской культуры, так и осталась привилегией элиты и недоступной для нетитулованных лиц. Впрочем, церемония церемонии рознь. На совете матаи в небольшой деревушке она совершается по одному ритуалу, на приеме важных гостей, прибывших на малангу, — по другому, при присвоении титула вождю или оратору — по третьему.

Самая замечательная, самая изысканная церемония кавы — это королевская, которая, например, на островах Тонга включается в традиционную конфирмацию нового короля¹. Однако все эти церемонии отличаются

¹ Когда в июле 1967 г. после смерти королевы Салотэ на трон вступал ее сын Тауфаахау Тупоу IV, коронация состояла из двух частей. Первая проводилась по английскому образцу, вторая — по полинезийскому: с питьем кавы и традиционным подношением даров. — *Прим авт.*

одна от другой только своей продолжительностью, декоративностью, какими-то дополнительными обрядами, но не существом. Основные правила везде одинаковы, например, одно из них гласит, что в церемонии не могут принимать участия женщины, за исключением тех, кто имеет титул вождя или оратора, а таких на Самоа немного.

Так уж сложилось, что я не матаи, а меня пригласили на церемонию питья кавы в деревне Фагалоа. Я была очень удивлена и горда этим. Мы поехали втроем: супружеская пара датчан, Джон и Карин Педерсен и я. Прежде всего нам необходимо было найти оратора, так как на островах все, кто не хочет ударить лицом в грязь, должен иметь при себе собственного тулафале. Из затруднительного положения нас выручил знакомый вождь Фэа, который согласился говорить от нашего имени. Мы взяли с собой бесчисленное количество банок писупо в подарок хозяевам и отправились в дальний путь.

Фагалоа расположена на северо-восточном побережье острова Уполу у широкого залива с таким же названием. Туристы заглядывают сюда редко, так как со стороны суши залив огражден горной грядой, а с моря — зубчатым барьером рифов. Из Апия мы отправились по ухабистой дороге на восток. Шоссе вилось между плантациями кокосовых пальм, проскальзывало под навесами вулканических скал, на которых то там, то тут виднелись умирающие пальмы. Мы миновали сонные деревни.

Где-то собралось *фоно*: нагие торсы вождей мелькают в круглом доме собраний. В другом месте женщины раскладывают на солнце полоски листьев пандануса, а девушки, несущие воду из источника, машут нам руками. Отовсюду, как стайки расчирикавшихся воробьев, слетаются дети.

— *Папаланги, гуд бай!* — кричат они вслед проезжающему автомобилю.

Неподалеку группа парней работает на поле таро. Гибкие спины склонились над крупными блестящими листьями, а из-под цветного полотна лавалава выступает ажурный пояс татуировки. Кто-то поет, где-то плачет ребенок, женщины, как птицы, кричат гортанными голосами. Обычный, будничныи ритм самоанской деревни...

В одном месте шоссе заблокировано. Два автобуса, пестрой окраской напоминающие оперение попугая, стоят друг подле друга. Водители увлечены беседой. Пассажиры флегматично разворачивают листья-салфетки с печеными бананами и ломтиками таро. Мы нажимаем на клаксон. Кто-то спешит? С улыбкой нам дают возможность проехать.

— *Фаафетаи лава*,— благодарим мы и едем дальше.

Дорога сворачивает в глубь острова и поднимается вверх. Одной стороной она прижимается к склону, другой — свешивается над зеленой пропастью. Здесь уже деревень не видно. Нас обступает самоанский лес, в котором все увито причудливыми лианами, да так густо, что на расстоянии нескольких метров они смотрятся, как сплошной ковер. Преодолев самую высокую гору, мы сворачиваем в сторону океана и тут, с вершины горы, перед нами открывается замечательный вид на залив и деревню Фагалоа. Прежде всего наш взгляд привлекает широкая полоса пены, обозначающая место, где волны разбиваются о рифы, потом голубая лагуна с ползающими по ней точками лодок и, наконец, белые прибрежные пески и строения деревни. Еще ближе зеленеет узкая полоска плантации таро, бананов и олеа-вы. За ними почти отвесной стеной поднимаются недоступные скалы. Наверное, любая попытка деревни увеличить пространство возделанных участков закончится обвалом лавины выветрившихся камней, которые угрожают уничтожить, смести с лица земли и людей, и поселок.

С перевала мы спускаемся вниз. Съезжаем по узкой, каменистой дороге, еще более опасной, чем при подъеме в гору. В нескольких местах дорога подмыта потоками, спадающими со склона. Они проскакивают прямо перед колесами автомобиля и разбиваются на брызги ниже, в кустарнике.

— Здесь два года назад соскользнул автобус,— говорит Фэа.

«Автобус? Как тут вообще мог уместиться автобус?— думаю я.— Ведь дорога такая узкая, что колеса легкового автомобиля едва проходят по ней».

Однако все закончилось благополучно. Автобус полз несколько метров по круче, но уткнулся в дерево и повис над пропастью. В таком неустойчивом положении

он находился несколько часов, пока не подросла помощь из Апиа.

Мы въезжаем в деревню. В фале фоно, где должно состояться торжество, собралось уже несколько вождей самого высокого ранга. Они сидели, по самоанскому обычаю, скрестив ноги на полу, прикрытом панданусовыми циновками и, не поднимаясь, приветствовали нас словами:

— *Афио маи, лау сусунга, малиу маи!* (Здравствуй-те!)

Мы сняли сандалии и прошли босиком в центр помещения. Быстро сели, поджав ноги, на приготовленные для нас циновки, чтобы, боже упаси, не возвышаться над вождями и не оскорбить их взор видом икр ног. Только после этого мы ответили:

— *Талофа лава!* (Будьте здоровы!)

На улице собралась довольно большая толпа любопытных. Больше всего, конечно, детей. Они следят огромными черными глазами за каждым нашим движением. Но ни один не осмеливается войти. Все знают, что в фале, где происходит церемония питья кавы, детям входить нельзя. И все это из-за несносного сына вождя Пава.

Несколько веков назад бог Тангалoa и Пава принимали участие в собрании вождей. Маленький сын Пава тоже вошел в дом собраний, но вел себя там очень плохо. Рассерженный Тангалoa приказал:

— Пава, успокой своего сына. Он мешает церемонии питья кавы.— Когда после двукратного напоминания мальчик не успокоился, Тангалoa рассердился не на шутку и ударил мальчика палкой. Он рассек ребенка пополам, а затем самым беззаботным тоном предложил:

— Пава, пусть твой сын будет нашей закуской к каве. Это твоя половина, а это — моя. Но Пава не хотел есть сына и плакал. Тангалoa сжалился над ним:

— Подайте мне еще чашку кавы!— крикнул он. Когда ему подали каву, он вылил несколько капель на землю и сказал:

— Эта кава вернет мальчику жизнь.— Тотчас же разрозненные части соединились, и сын Пава ожил. В память об этом событии всегда, перед тем как выпить каву, часть напитка стряхивают на землю, а детям возбраняется заходить в дом, где собрались вожди.

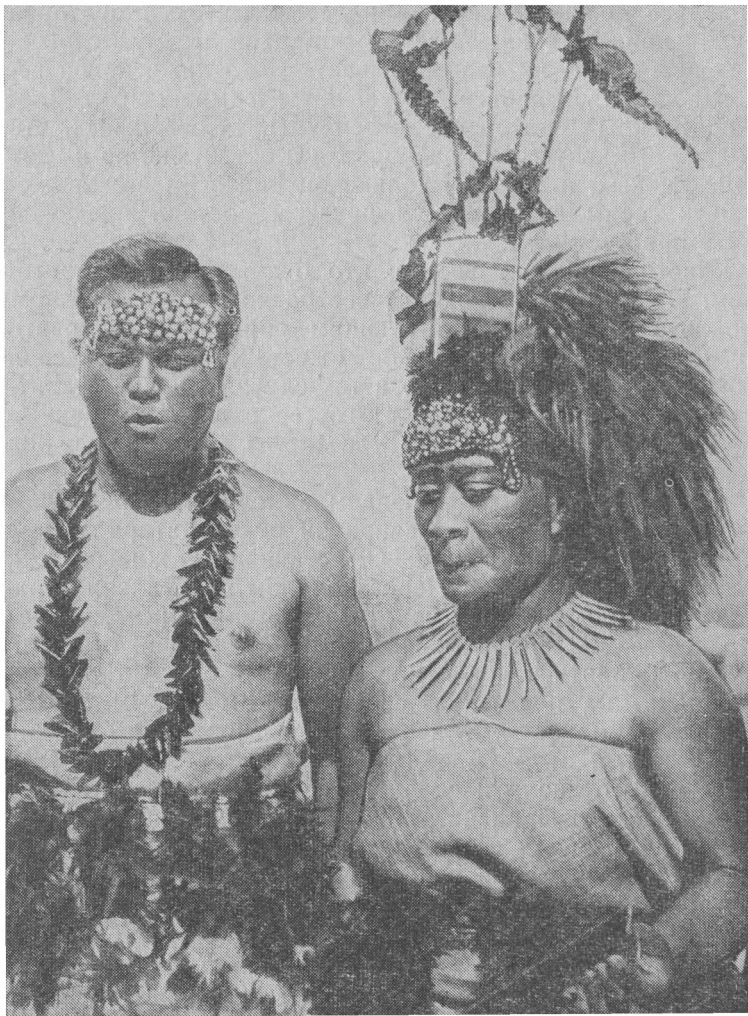
Дева из Фагалоа

Фале постепенно наполнялось. Вожди усаживались в ряд слева от нас, каждый у строго определенного рангом и положением столба, поддерживающего крышу. Напротив них расположились ораторы. Последней вошла таупоу со своей свитой, единственная женщина на церемонии питья кавы; ей предоставлена привилегия готовить напиток. Таупоу, как правило, дочь вождя самого высокого ранга.

Княжну Фагалоа зовут Фа. Она выступает в этот день в полном параде: на шее ожерелье из красных гибискусов, на бедрах короткая юбочка из пальмовых листьев, ради приличия надетая поверх праздничного платья. На голове возвышается красивая *туинга*. Это очень эффектный и экзотичный головной убор. Носить его имеют право только титулованные особы: таупоу, манаиа, матаи... Он выглядит как львиная грива с прикрепленной к ней короной. Туинга сделана из человеческих волос (для того, чтобы они стали более жесткими и светлыми, их смазывают коралловой известью), а также из множества палочек, ракушек, перьев и... зеркал.

Фа занимает свое место в шеренге вождей. У ее скрещенных ног стоит самый важный реквизит церемониала — чаша для приготовления кавы. Я смотрю на чашу с уважением. Она исключительно красивая и старая. Круглая, широкая и мелкая, на трех коротеньких ножках. В результате многолетнего пользования ее середина отливает всеми цветами радуги. Такие чаши, вырезанные из одного куска дерева, охотно покупают туристы. Число ножек за последние несколько десятков лет намного увеличилось. От традиционных трех-пяти оно подскочило до двадцати и более. Это объясняется чисто меркантильными соображениями — стоимость чаши складывается из расчета десять шиллингов «за ножку».

Справа от таупоу сидит наливальщик воды, слева — разносчик чаши, а сзади — вытрясатель фильтра. Когда все расселись по местам, Фэа представил нас собравшимся. В соответствии с самоанским светским кодексом, он говорит совершеннейшую отсебятину. С жарким красноречием он приписывает нам все достоинства,

Таупоу

какие только известны человечеству. Ораторы, сидящие напротив, все отлично понимают, но тем не менее при-
чмокивают и поддакивают. Лишь Фэ закончил длин-
ный перечень наших несуществующих достоинств, раз-

горелась долгая дискуссия на тему, кто из ораторов будет приветствовать нас от лица хозяев. Эта словесная перепалка, которая называется *фаатау*, испокон веков составляет неотъемлемую часть самоанских собраний. Каждый оратор стремится убедить остальных, что только его искусство красноречия и остроумие не имеют себе равных, и поэтому только он при всем его уважении к своим выдающимся друзьям достоин представлять присутствующих.

Часто заранее известно, кто будет ведущим оратором. Но *фаатау* происходит все равно, чтобы дать возможность всем присутствующим продемонстрировать свое мастерство. Настоящая ожесточенная словесная борьба разгорается только в тех случаях, когда ставится на карту престиж или от гостей ожидаются ценные дары. Главному тулафале достается тогда львиная доля.

Мы с интересом наблюдаем за сложным ритуалом жестов. Небольшой фуэ в правой руке оратора весьма красноречивый реквизит. Он становится живым, как дирижерская палочка. Перед началом выступления оратор перекидывает фуэ через левое плечо, потом через правое, затем он вытягивает его перед собой на длину руки, притягивает к ногам, хватает обеими руками и кладет на пол перед собой. Левым локтем оратор опирается о колено, ладонь правой руки остается на полу. Время от времени оратор как бы нехотя отрывает руку от пола и гладит ею фуэ. Это ласкательное движение подчеркивает, акцентирует внимание на определенном месте его плавной речи. В конце торжественного выступления оратор снова хватается бич: рукоятку правой рукой, «хвост» левой.

Мне показалось, что время остановилось — может быть, сегодня, может быть, пятьсот лет назад... Шум моря то усиливается, то замирает по мере того, как волны разбиваются о рифы и умирают в лагуне. Жара забивает все поры тела и утяжеляет веки. Жарко! Фа спрятала лицо в ладонях. Из-под туинги стекают капли пота. Я смотрю на нее. Она молодая и красивая, хоть и по европейским стандартам немного тяжеловата. Церемониальная дева...

Я думаю, долго ли еще будут существовать таупоу в самоанских деревнях. В наше время ее акции сильно

обесценились, а ведь всего несколько десятков лет назад она была самой почитаемой девушкой в деревне. Специальная группа женщин сопровождала ее и прислуживала ей. Ночь она проводила в специальном фале, окруженном свитой девушек, а расторопная матрона, обычно вдова вождя, следила за ее сном и — девственностью.

Замужество церемониальной девы являлось событием большого политического значения. Естественным кандидатом в мужья мог быть манаиа, молодой холостяк с высоким социальным положением, выполняющий в деревенском обществе обязанности, аналогичные обязанностям таупоу. Во время сватовства он вместе со своим оратором и юношами из ауманги отправлялся с официальным визитом к таупоу и нес ей различные лакомства. Окруженная стайкой девушек, она вежливо принимала его и любезно выслушивала речь тулафале гостей, а затем своего оратора. После первого визита следовал второй, который отличался от первого количеством даров и продолжительностью речей. Обычно в этот визит таупоу принимала предложение. Тогда юноша возвращался в деревню, но оставлял у своей избранницы двух или трех ораторов и сватов, которые с этого момента не покидали ее ни на минуту, даже спали с ней в одном фале и длинными рассказами о красоте, доблести и прочих достоинствах нареченного старались возбудить в будущей жене чувство горячей любви.

Поэтому в такой ситуации свадьба означала освобождение невесты. Но прежде чем оно могло произойти, семья таупоу должна была собрать приданое: циновки, сиапо, ароматное кокосовое масло... Если у нас приданое предназначается молодым, то у самоанцев в большинстве случаев его получает семья будущего мужа, которая со своей стороны отвечает за угощение и главное за поставку большого количества свиней к свадебной церемонии.

Свадьбу празднуют шумно и торжественно. Произносят речи, пляшут и поют. Баллада, *тини*, о красивом манаиу, который женился на прекрасной таупоу, красной нитью проходит через всю церемонию. В прежние времена кульминационным моментом свадьбы была дефлорация невесты. Эту операцию выполнял обычно оратор самого высокого ранга из семьи мужа, который

Церемония приготовления кавы в деревне Фагалоа

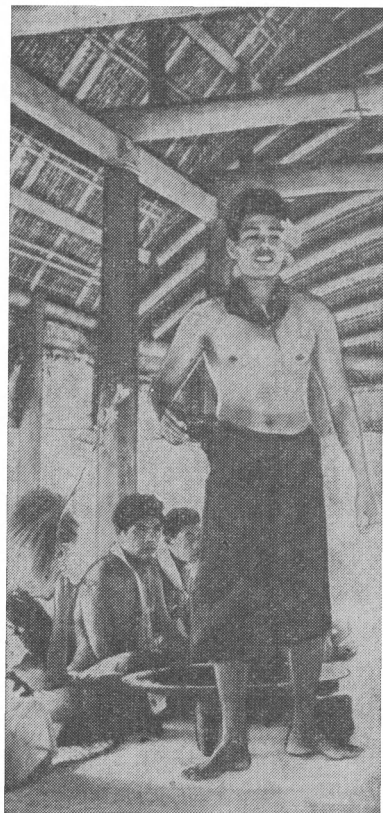
пользовался при этом куском белой ткани сиапо. Однако, как известно, на Самоа господствует сексуальная свобода. Поэтому для того, чтобы не скомпрометировать девушку, кровь из якобы прорванной девственной плевы зачастую была... куриной.

Большинство этих церемоний отошло в прошлое, но титул таупоу остался, сохранив и свои традиционные функции. К ним относятся приготовление кавы для вождей, особенно последняя, ритуальная часть этого процесса. Представители более низких ступеней социальной лестницы выкапывают корни, режут их и сушат на солнце. Раньше в обязанности таупоу входило измельчение или, точнее говоря, разжевывание корней. Если напиток требовалось много, ей помогала группа юношей со здоровыми зубами и крепкими челюстями. Тщательно пережеванную массу они выплевывали в чашу, а таупоу перемешивала ее с водой.

Времена изменились. Рассказы о микробах дошли до самых мелких островов Тихого океана, и зубы княжны заменили парой камней.

— Жаль,— вздыхают старые вожди.— Уже не тот аромат, не тот вкус...

Еще звучат речи, а таупоу уже готовит напиток. Она тщательно прикрывает горсть порошка на дне чаши фильтром из коры дерева фау, а затем дает знак наливальщику. Тот скорлупой кокосового ореха зачерпывает немного воды из ведра и выливает в чашу. Фа погружает руки в жидкость и отжимает фильтр вместе с содержимым. Вода становится мутноватой, цвета глины, и несколько кусочков корня всплывают на поверхность. Тогда таупоу вынимает фильтр и, не оборачиваясь, бросает его за спину вытрясателю, стоящему во дворе. Тот с большой ловкостью ловит его и вытряхивает ненужный порошок. Делает это вытрясатель с энтузиазмом начинающего актера, который получил свою первую большую роль. Пустой фильтр он бросает таупоу. Она собирает с помощью фильтра остатки порошка и снова бросает фильтр вытрясателю. Эта операция повторяется несколько раз до тех пор, пока напиток полностью не очистится. Вытрясатель с явно выраженным неудовольствием на лице удаляется в тень, а таупоу в знак того, что кава готова, поднимает вверх фильтр, наполненный жидкостью. Мутная жидкость течет между пальцев, по рукам и предплечьям в чашу. Приятного аппетита!

Разносчик подает чашу с кавой

Конец приготовления кавы становится сигналом к

новой, на этот раз более короткой дискуссии. Необходимо выбрать вождя с мелодичным и звучным голосом для исполнения обязанности глашатая. Побеждает матаи, голос которого по звучанию и силе напоминает сигнальную сирену. Ведущий под ритмичные аплодисменты передает первую порцию кавы Джону. Украшенный цветами разносчик подносит ему полную скорлупу.

— *Мануиа!* (На здоровье!) — говорит Джон, стряхивает несколько капель на циновку и залпом выпивает напиток до дна.

— Ну как? — спрашиваю я его шепотом. Джон делает вид, словно он всю жизнь пил каву с вождями.

— Пить можно. Ничего в ней такого нет, — отвечает он.

Юноша, подающий каву, обладает приятной наружностью и быстрой реакцией. Он превосходно знает титулы и порядок подчинения присутствующих матаи. Молодой человек двигается грациозно, в точности соблюдая предписанные ритуалом движения. Как и любой самоанец, он внимателен и полон уважения к матаи, но без малейшей тени самоунижения. Наверное, в недалеком будущем он сам получит титул.

После Джона Педерсена звучит имя вождя самого высокого ранга. Тот хлопает себя несколько раз по бедрам, показывая тем самым, где находится. Разносчик наполняет скорлупу, поднимает ее на высоту лба и направляется к нему окружным, самым длинным путем. Он вручает вождю напиток в глубоком поклоне таким точным и плавным движением, что в тот момент, когда скорлупа находится у земли, подающая рука обращена ладонью к сановнику. Затем, слегка согнувшись, он пятится назад к чаше.

Каву для главного оратора разносчик держит уже на уровне груди. Сначала он делает несколько шагов в направлении, противоположном тому месту, где сидит лицо, названное глашатаем. Потом юноша возвращается, пересекает комнату и подает скорлупу таким образом, что тыльная сторона ладони подающей руки обращена вперед. Затем он возвращается к чаше. Скорлупа быстро переходит от одного матаи к другому. Я смотрю на нее с растущим беспокойством. К неуверенности, выпью ли я этот божественный напиток, присоединя-

ется опасение. Ведь я не знаю, после кого буду пить. В тот момент, когда я украдкой запикиваю себе в рот две таблетки тетрациклина, надо мной склоняется улыбающийся разносчик.

— *Мануа*, — бормочу я, давясь горьким лекарством и запивая его горькой жидкостью.

Уф... проглотила. Теперь мне не грозит внезапная смерть из-за невыпитой кавы! Делаю несколько глубоких вдохов, мои глаза наполняются слезами, и мне кажется, что вожди смотрят на меня немного насмешливо. Известное дело — папаланги, да к тому же баба... После меня каву подносят несколькими матаи низшего ранга. Церемония закончена. Фэа изящно благодарит от нашего имени за гостеприимство и делит привезенные нами консервы.

Таупоу со свитой потихоньку уходит из фале и через минуту возвращается с традиционными дарами — *таалоло*. К нам приближается небольшая процессия. Первой идет Фа. Она несет открытый кокосовый орех, тяжелый от прохладного молока. За ней юноша с румяным поросенком на подносе из пальмовых листьев. Последним шагает мужчина с развернутой и переброшенной через плечо красивейшей старой *тапой*. Во многих местах она протерта и порвана, но от этого стала еще ценней. Ее в соответствии с традицией получает Фэа за ораторские услуги. Потом он сам подарит ее на свадьбу, на похороны, крещение или на другое торжество, которыми так богата фаасамоа.

Таалоло заканчивает официальную часть визита в Фагалоа. Потом подали угощение, началась фиафиа — песни, танцы... Сива, полная достоинства, сива фривольная, сива гротескная, сива элегантная. Самоанский танец сивасива...

Между тем солнце коснулось крыш, зажгло верхушки пальм и затянуло фиолетовой дымкой скалы Фагалоа. Кончился день. Мы возвращаемся до того, как ночь выгонит из леса на пустую дорогу призраки и духи погибших.

— *Тофа соифуа!* (Прощай, Фагалоа!)

Лов палоло

Самоанская весна жаркая, душная, мучительная. После жарких дней приходят душные ночи. Человек, одуревший от дневной борьбы с парализующей вялостью, тщетно пытается найти кусочек прохладной простыни. Неподвижный воздух облепляет тело влажным кожухом, а во всех порах и складках кожи собираются маленькие озерки пота, которые соединяются в потоки и стекают на постель. Иногда внезапно приходят ливни, или много дней подряд сеет мелкий дождик, но он не несет облегчения. Воздух становится еще более влажным. Весна приходится на октябрь и ноябрь. Потом, в декабре, все еще жарко и душно, но частые грозы с молниями и очень сильные ветры дают возможность прийти в себя.

Именно на весну приходится брачный сезон палоло. Это длинный и тонкий съедобный морской червь, который живет в коралловых рифах у берегов некоторых островов Тихого океана. Его жизненный цикл определяют фазы луны. На Самоанских островах он появляется в октябре — ноябре, как раз тогда, когда луна находится в последней четверти. В это время гонадные участки червей отделяются от головы, которую черви засовывают в коралловые расщелины, поднимаются на короткое время на поверхность моря, а затем исчезают. Самоанцы могут с большой точностью определить день, час и место их появления. Вероятно, палоло становится все меньше. Раньше на Уполу существовало несколько мест лова. Сегодня их только два — Алеипата и Саламуму. Они расположены далеко от Апиа и совсем недоступны для легковых автомобилей.

— Мне бы хотелось съездить на лов палоло, — ска-

зала я как-то в присутствии священника Гюто, нашего хорошего знакомого, который провел на Самоа двадцать два года.

Несколько месяцев спустя, в октябре, священник Гюто позвонил нам.

— Вы хотите поехать? Да? Прекрасно! Я приеду за вами послезавтра в час ночи.

Погода обещала быть хорошей. Море было гладким, без единой морщинки. Пунктуально, как и было обещано, появился священник Гюто на своем «Лендровере». На этом старом и мощном, как танк, автомобиле мы уже объездили весь остров.

Нас было четверо: Гюто, шофер Том, муж и я. Ночь безветренная. Рыбаки уже вышли в море. В лагуне и на рифах мерцали светлые пятнышки факелов. Сначала мы ехали вдоль берега на запад, в сторону аэродрома Фалеоло. От деревни Леулумоэга повернули в глубь острова на так называемую «The Marines' Way»¹, неровная поверхность которой удивительно напоминала высохшее русло горного потока. Тут мы почувствовали, что в машине ужасно пахнет бензином, и убедились, что канистра, которую мы наполнили в Апия, наполовину пуста. Бензин залил пол, просочился в корзину с одеждой и едой, разъел пластмассовые корпуса термосов. А Том все это время курил сигареты... Мы привели все в порядок, насколько это было возможно, и затряслись дальше по американской дороге.

— Том, ты помнишь, когда строили эту дорогу?

— Да, в тысяча девятьсот сороковом году приехали американские маринес. У них были машины. За несколько месяцев моряки очистили это место от кустарника и построили шоссе от Леулумоэга до Лефага. Они пробыли у нас почти всю войну, и уже казалось, что так и останутся здесь в полной безопасности до самого конца войны. Но их перебросили в район Соломоновых островов, и там маринес почти все погибли. После них осталась целая куча блондинистых детей *афа малини*² и эта дорога. Но она уже испорчена.

¹ Дорога американской морской пехоты (англ.).

² А ф а м а л и н и — наполовину маринес.— Прим. авт.

Дорога действительно становилась все хуже. Луна спряталась за тучи, и начал моросить мелкий дождик.

— Здесь все время моросит,— сказал священник Гюто.— Когда я жил в Сафата, то иногда ходил через горы в Апиа. В определенном месте можно было обозначить границу дождя — в Апиа светило солнце, а на южном побережье лил дождь.

Отец Уто, как называли самоанцы Гюто, провел в небольшой деревеньке в джунглях одиннадцать лет. Он приехал туда прямо из Франции молодым, энергичным, но едва знающим самоанский язык. Священнику пришлось пережить немало тяжелых минут, прежде чем он привык к местным обычаям, людям, наблюдавшим за ним, одновременно доверчивым и подозрительным, и к великому одиночеству. Целые мили бездорожья отделяли его от ближайших поселений европейцев.

— У меня, конечно, не было ни автомобиля, ни даже велосипеда. К тому же он был бы бесполезен в лесу, через который с трудом может пройти человек. Я ходил к прихожанам пешком или, если удавалось, ездил на лошади. Мой конь был красивым и умным животным и очень ко мне привязался. Каждый день утром, во время завтрака, он просовывал морду в комнату и толкал меня в плечо, требуя сахара. Но у него был один недостаток — быстрая смена настроения. Он мог понести безо всякой причины, и нужно было хорошо знать его, чтобы в этот момент не потерять управления. Как-то приехал в Сафата один священник из Апиа, очень приятный, но из тех людей, которые все знают и все умеют. Ему захотелось прокатиться на лошади. Я его предупреждал, просил, чтобы он был осторожен. Все без толку. Я как раз был на богослужении, когда услышал крики, призывы на помощь и топот ног. Произошло несчастье — конь понес, священник свалился на землю и сломал ногу в двух местах. а в окрестностях ни больницы, ни врача, ни даже санитарки. Нужно было как можно быстрее перевезти больного в Апиа. Сначала я подумал везти его на лошади, но испугался, что как бы еще чего-нибудь не случилось. Да он бы и не вытерпел боли при такой тряске. Можно было идти пешком прямо через горы, однако чрезвычайно трудно нести тяжелого, взрослого мужчину столько миль. Оставалось море. Я положил больного в каноэ,

и вместе с верным самоанцем мы поплыли в Лефага. Никогда не забуду этой поездки. Священник каждую минуту терял сознание. Казалось, я не доведу его живым. В Лефага удалось достать автомобиль, и все кончилось благополучно.

На дороге появились люди. Все больше темных фигур семеняло по обочине шоссе на юг, в сторону Саламуму. Некоторые несли на плечах самоанские каноэ, которые называются паопао. Том крикнул что-то группе мужчин, которых мы обгоняли. Священник остановил автомобиль, и к нам мгновенно вскочило восемь человек, а трое вскарабкались на крышу. Стало тесно, как в варшавском трамвае в часы пик. Мы тронулись дальше.

— Как шли дела вчера? — спросил Том одного из пассажиров. — Много показалось палоло?

— Было немного, но сегодня должно быть больше.

— В первый день на поверхность всплывает немного червей, — рассказывал Том. — Только на вторую ночь начинается настоящий лов. Поэтому столько людей и направляется в Саламуму.

Саламуму приветствовало нас проливным дождем. Наши пассажиры оказались бесценными проводниками, так как места лова находились далеко за деревней. Дорога кончилась, и мы въехали в тропический лес, который, по крайней мере для меня, с любой стороны выглядит одинаково. Тучи закрыли звезды, а шум моря полностью заглушил шум дождя, стучавшего по крыше кабины. Я не смогла бы даже определить стороны света. «Лендровер» каким-то чудом все же ехал и находил в чаще дорогу, спускался в глубокие овраги, подскакивал на камнях, разрывал спутанные ветви, переваливался с боку на бок, как ванька-встанька, возвращался снова в вертикальное положение. Самоанцы, сидевшие на крыше, протиснулись внутрь автомобиля и, высматривая что-то в темноте, покрикивали:

— *Тауматау, тауангавале, лума!* (Направо, налево, прямо!)

После получаса такой езды мы оказались вдруг на небольшой полянке. За деревьями в свете фар поблескивало море. На пляже сидели, лежали, прохажива-

лись толпы людей. Некоторые спали на песке, прикрывшись уголками лавалава. Дождь моросил беспрерывно.

— Это хорошо, палоло любит дождь,— сказал священник Гюто.

Я застучала зубами и почувствовала глубокое отращение к этим капризным червям. Мы сели на влажный песок. Моя лавалава тотчас же промокла, и вода холодными струйками начала стекать по спине. Том бродил по морю и высматривал первых червяков. Было темно — хоть глаз выколи. Только ежеминутно вспыхивали огоньки электрических фонариков, так как факелы давно уже погасли на дожде. Несколько каное качалось в лагуне. Вдруг далеко на рифах раздался крик:

— Палоло!

Вся толпа кинулась в воду.

Выбраться в открытое море в Саламуму исключительно трудно. Полоса рифов проходит недалеко от берега, причудливо изрезанного и загромажденного черными скалами вулканической лавы. Скользкие валуны кольцом окружают маленькие озера морской воды и далеко выступают в океан.

Вооружившись необходимым реквизитом для ловли палоло, мы бросились в воду. «Бросились», разумеется, в переносном смысле, так как стоило нам пробежать несколько метров по песку, как дальше мы (то есть священник Гюто, муж и я) должны были уже ползти. Том и остальные самоанцы мчались по скалам, перескакивая с камня на камень, иногда соскальзывая в кипящую воду, будто их нес по воздуху ковер-самолет. И все-таки трудно поверить в то, что на свете существует что-либо более скользкое, чем скалы Саламуму. Альпинисты, штурмующие скалистую гору, не могли сравниться с нами, когда мы вползали на голый каменный пригорок.

На нас, наверное, смешно было смотреть: я со своей куриной слепотой ощупывала вокруг выпуклости и впадины, опираясь при этом на сито для ловли палоло как на палку, и, конечно, всякий раз попадала в неожиданно подвернувшуюся расщелину, что приводило к печальным последствиям для открытых частей тела. Падере осторожно передвигался в сидячем положении, и это благодаря утолщению фигуры в области пояса обеспечивало ему максимальную устойчивость. Збышек спра-

вился с задачей лучше нас всех, но и он заработал несколько синяков и царапин. Мы еще только доползли до воды, а Том был уже далеко на рифах. Я догнала его, не обращая уже внимания на волны. У меня было столько ушибов и синяков, что я перестала переживать за порванную лавалава, за сандалии, которые унесло море. Я хотела палоло. Много палоло. А палоло не было. Показался один, другой червяк и — конец. Сотни людей в полной тишине погружали сита под наступающую волну и при свете фонаря сосредоточенно осматривали сетки. Червей не было.

Ливень перешел в мелкий дождичек. Потом совсем перестал. И вот, когда я уже потеряла надежду, на светлом фоне сетки увидела темного, длиной в несколько сантиметров, извивающегося червяка.

— Палоло! У меня палоло! — крикнула я.

Осторожно переложила я существо, похожее на глиста, в красивую корзину, сплетенную из пальмовых листьев матерью Тома и обмотанную лавалава. Хоть я ничего там не заметила, но в ней уже лежали два червяка, пойманные священником Гюто, и три — Томом. Снова я почувствовала запах бензина, но не стала задушиваться над этим. С удвоенной энергией я черпала воду ситом, но все было напрасно. Мы уже час сидели в море, когда небо на востоке порозовело.

— Уже поздно, — сказал Том, — палоло исчезает перед восходом солнца.

Озябшие, мы медленно вышли на пляж. Вместе с нами шли толпы самоанцев. Все несли пустые корзины, и, хоть некоторые из них добирались из своих дальних деревень до Саламуму много часов, никто не проявлял ни недовольства, ни усталости. Иначе это было бы не фаасамоа. А палоло всегда был и будет — через год, через сто лет.

— У нас шесть червей, — сказал священник Гюто, — можешь их законсервировать в банке со спиртом.

Это замечание заинтриговало Тома.

— Зачем? Разве поляки любят палоло в алкоголе?

Я хотела привезти палоло в Варшаву. Для этого у меня была припасена огромная банка спирта и несколько маленьких баночек для экспонатов. Так как палоло было очень мало, я отлила немного спирта и сунула руку в корзину. Но черви исчезли, испарились. Зато

остался сильный запах бензина. Лавалава воняла, как бензоколонка. Только после тщательных поисков мне удалось отыскать два жалких остатка червей: один глубокой — женский, другой бежевый в полоску — мужской. Они были крошечными, в сантиметр длиной, но еще шевелились. Я положила их в банку на память. Что ж, бензин — отличный растворитель...

Наступил серый, дождливый день. Мы собрали костюмы и лавалава, хлебнули немного горячего кофе из термоса и поехали вдоль южного побережья на запад.

Вдоль берега тянулись то плантации, то джунгли. На плантациях преобладали какао и бананы. В 50-е годы эту часть острова называли даже «банановым югом». Однако позднее стали больше сажать деревья какао, и во время нашего пребывания на Самоа площадь, занятая под какао, равнялась площади, занятой бананами. Зато здесь было меньше, чем на севере, кокосовых пальм, хотя почти в каждой деревне мы видели примитивные печи для сушки копры. Все плантации, однако, были вообще неважно ухожены, объедены вредителями, заросли сорняками, а их границы, обозначенные лавой, соседствовали с лесом.

На южном побережье Уполу есть три широкие пояса лавы, которая несколько веков назад сползла в море и оставила свободные от рифов проходы в лагуну. Эти места при строительстве окружной дороги не были оценены должным образом для прибрежного судоходства, а прилегающие к морю участки суши (скорее, скалы, покрытые низкой, спутанной растительностью) не годились для строительства жилья. Здесь нет поселков, а пейзаж с бушующим океаном, с одной стороны, и недоступными джунглями — с другой, оставляет впечатление дикого и заброшенного.

Как во времена королевы Саламасины

Перед возвращением в Апия мы хотели заехать в деревню Салани, где, если верить самоанскому мифу, провела последние годы жизни добрая королева Саламасина. В XVI в. она объединила страну под своей властью и обеспечила ей долгие годы мира и благопо-

лучия. В Салани она переселилась, тоскуя по любимому сыну Тупуманаиа, которого похитили местные ораторы, чтобы заполучить вождя с самым высоким титулом и таким образом поднять престиж своей деревни. Саламасина смирилась с судьбой. В Салани она прожила оставшиеся ей дни и почила навсегда под обломком белого коралла. Но вопреки ожиданиям мы не нашли в Салани могилы королевы. Не слышали мы и рассказов за чашей кавы о Тало и Офоиа, ораторах — похитителях детей, а также анекдотов из жизни королевы. Зато перед нами была деревня, вид которой, как и многих других самоанских деревень, ни на йоту не изменился с XVI столетия. Но люди, разумеется, были одеты в ситец вместо листьев, ели как традиционные блюда, так и консервы, ходили в церковь, читали молитвы и стихи из Библии, но, кроме этого...

В одной из хижин молодая женщина, так же как и ее прабабка много веков назад, плела напольную циновку из лыка. Она сидела, низко согнувшись, скрестив ноги, а ее пальцы исполняли быстрый извечный танец на волокне пандануса. Женщина на минуту подняла голову и поздоровалась с нами.

С другого конца деревни доносился глухой шум. Мы подъехали к круглому фале для гостей, в котором группа пожилых женщин пряла ткань *сиано*. Рядом с домом лежали длинные и тонкие ветки тутового дерева. Самые толстые из них не превышали нескольких сантиметров в диаметре.

Женщины пригласили нас в дом. Папаланги хотят увидеть, как они работают? Они весело рассмеялись. Ничего особенного. Одна из женщин хлопнула в ладоши; тут же появилась молодая девушка и показала нам, как надо снимать с веток мягкую молодую кору. Одно движение ножа, резкий рывок, и кора снимается, как бальная лайковая перчатка! Кору разворачивают и острой раковиной соскребавают твердый внутренний слой. Белое лыко поливают водой, собирают в пучки и по нескольку раз расстилают на деревянной наковальне. Банг, банг — с глухим стуком бьет молот по белой коже. Она расплющивается, расползается так, что узкие полоски превращаются в широкие листы неодинаковой толщины. Кое-где виднеются дыры. Затем листы штукуют, склеивают клеем из сока хлебного де-

рева, дыры заделывают. Эту часть работы можно назвать ремеслом. Потом начинается искусство.

Старуха вытащила пыльную доску, большую и темную. На ней вырезаны декоративные цветы.

— Это матрица для окрашивания сиапо. Ее изготавливают из ствола хлебного дерева и вырезают на ней орнамент. Наши матери после использования немедленно их сжигали, чтобы никто не смог скопировать узор. Мы редко так делаем,— рассмеялась старуха.— Не много бы мы заработали для нашей деревни, если бы матрица служила нам только один раз!

Матрицу подкладывают под тапу и тряпочкой, смоченной в красителе, проводят по ее поверхности. Все выпуклости резьбы отчетливо отпечатываются на ней, а интенсивность рисунка зависит от степени прилегания матрицы. Самые выпуклые места доски дают на поверхности тапы наиболее темный узор.

— Затем мы делаем так...— женщина взяла оранжевые семена пандануса и очинила их, как карандаши. Получилась тонкая кисточка. Женщина окунула ее в краситель и обвела контуры цветов гибискуса и листьев хлебного дерева, из которых состоял орнамент.

— Черную краску мы добываем из обугленных орехов *лама*, а все оттенки красного и коричневого — из измельченного в порошок и растворенного в древесном соке красного камня,— пояснила она, не прерывая работы.

— Эти камни мы находим в горах. Но их все труднее становится искать. Тина-а-а-а!— крикнула вдруг женщина, подняв голову.— Принеси красный камень для папаланги!

Прибежала запыхавшаяся маленькая девочка и подала мне кусочек минерала, который напоминал кирпич довольно плотной консистенции.

— Возьми — это тебе!— сказала женщина, когда я хотела отложить его в сторону.— Это тоже тебе,— добавила она, подняв с земли и вручив мне только что изготовленную красивую тапу...

— Не отказывайся, ты должна принять,— шепнул отец Гюто, увидев, что я покраснела и начала лепетать что-то невпопад.

Мы начали прощаться, потому что, хоть дождь еще лил, было видно, что солнце клонится к закату.

— Жаль, что вы не можете у нас остаться,— сказала та же матрона.— Приезжайте опять! А мы вас навестим, когда повезем в магазин Апия наши изделия.

— Когда вы собираетесь в город?

— Через несколько недель. Нашему женскому комитету необходимы деньги перед рождеством.

В этом и заключается принципиальная разница между старой и новой самоанской деревней. Теперь предметы местного производства готовят на продажу. Добывают копру, выращивают бананы и какао мужчины. Корзины, циновки сиапо, ожерелья и другие традиционные и новомодные мелочи изготавливают женщины. Сам метод работы принципиально не изменился, хотя ассортимент товаров расширился. Сегодня, как и прежде, женщины работают под руководством жены вождя самого высокого ранга. Организационные формы остались очень близкими к традиционным, только прежнее объединение жен матаи и нетитулованных женщин заменили женским комитетом. Кроме того, если раньше изделия предназначались исключительно для нужд деревни или для обмена дарами во время маланги, теперь этим целям служат деньги, полученные от продажи изделий.

Растущая потребность в деньгах побуждает к действиям. Самоанцы ищут новую, более привлекательную продукцию и более быстрые, упрощенные формы труда. Например, обаятельная восьмидесятилетняя Атуа предложила окрашивать полотняные и бумажные ткани тем же способом, что и тапу. Получается очень красивый материал с благородным традиционным рисунком. Но...

— Ужасно жадными стали люди! — сокрушается Атуа, которая при всей своей предприимчивости не отступила бы от традиции ни за какие деньги.— Представьте себе, они вырезают шаблоны из фанеры, накладывают их на ситец и закрашивают открытые места. На что это похоже!

— Хорошо, что эти упрощенные способы не достигли еще Салани! — вздохнула я, осматривая свою красивую тапу. Тут меня стали мучить угрызения совести.

— Не знаю, вправе ли я была принять такой подарок!

— Ты не могла отказаться,— отец Гюто снял руки с баранки автомобиля и начал с романской живостью жестикулировать.— Это, по самоанским понятиям, было

бы самым ужасным оскорблением. Разумеется, по фаа-самоа, ты их должна отблагодарить. Лучше всего пошли им что-нибудь из продуктов. То, что они покупают в магазине за деньги: консервы, сахар, керосин или сигареты. Только помни — стоимость твоей посылки должна быть равна рыночной цене циновки! Или, если хочешь, подожди, пока они сами не приедут. Но это рискованно.

Конечно, такие долги лучше всего оплачивать немедленно. Уже после короткого пребывания на Самоа узнаешь, что самоанцы одаривают своих гостей щедро и от души, но и от них ждут той же самой готовности дарить. Кажется, что ничего сложного в этом нет, и тем не менее... Возьмем, например, укоренившуюся у нас, европейцев, манеру поведения в обществе. Мы приглашены в самоанский дом. Видим красиво сплетенную корзинку.

— Ах, какая красивая! — восклицаем мы, не подозревая, что те восторженные оценки предметов, находящихся в доме, которые с удовольствием воспринимают хозяева в Европе, на Самоа — искушение судьбы. В разговорах мы забываем о корзине и, уже прощаясь, сталкиваемся с неожиданным сюрпризом. Понравившуюся корзину нам суют в руки, а у хозяйки, если она даже получила ее в подарок от единственной любимой дочери, такое выражение лица, словно она специально сплела ее для нас. Потом проходят дни, недели и та же женщина навещает вас. Она может прийти в восторг при виде нового транзисторного приемника, и, разумеется, ждет от нас, как от хорошо воспитанных людей, что мы расстанемся с ним с беззаботным видом. Если же мы сделаем вид, что не понимаем, в чем дело, она не будет настаивать, но придет к выводу, что мы невоспитанные люди и не умеем вести себя в обществе.

Нарисованная выше картина, конечно, несколько преувеличена. Однако, откладывая изъявление своей благодарности, можно попасть в неприятное положение. Этой науке мы стали обязаны своему садовнику, который был родом с Тонга. Он работал у нас недолго, приходил только раз в неделю, но очень взволновал меня, когда за день до нашего отъезда в отпуск на родину принес в подарок красивую напольную циновку. Я подумала, что таким образом он хочет отблагодарить

нас за рубашку и брюки, которые получил от мужа. И еще больше утвердилась в своем мнении, когда он мимоходом упомянул, что его жена очень любит шить.

— Что за деликатный и приятный человек,— сказала я Збышеку.— Он дал нам понять, что его жена легко может переделать для него твою одежду.

Когда после отпуска мы вернулись в Апиа, то узнали, что садовник уже несколько раз интересовался датой нашего приезда. Он не заставил себя долго ждать. Уже на следующий день явился с радостным выражением на лице, расспрашивал, хорошо ли мы съездили, здорова ли аинга на родине, а когда тема для разговоров была исчерпана, просто сидел и глядел вокруг с растущим беспокойством. Какое-то время мы старались его развлечь. Потом воцарилась тишина.

— А где швейная машина? — спросил он наконец. Мы не могли понять, о чем речь.

— Швейная машина! Я же говорил вам, что моя жена любит шить!

Действительно, мы не привезли из Европы швейную машину. Нашу нетактичность можно было оправдать лишь недолгим пребыванием на Самоа и незнанием местных обычаев. Тем не менее садовник вежливо с нами попрощался, но больше к нам не приходил.

Образование и подзатыльники

Самоанцы искренне верят в то, что цель брака — рождение детей. Новомодная наука о контроле над рождаемостью и планировании семьи не нашла здесь отклика ни в широких массах населения, ни в отделе здравоохранения. Только изредка какая-нибудь сторонница эмансипации, утомленная бесконечными родами, идет под большим секретом к своей приятельнице папаланги в консультацию при больнице и просит противозачаточные средства.

На Самоа легко вступить в брак и относительно легко его расторгнуть. Официальные свадьбы с пастором, белым платьем, цветами и угощением для всей деревни — предприятие необыкновенно дорогое. Поэтому многие пары сочетаются фаасамоа, то есть, попросту говоря, живут вместе и считаются мужем и женой. Узаконивают такую связь дети. Их ждут с нетерпением, и если они не появляются в течение нескольких лет совместной жизни, мужчина и женщина расходятся по обоюдному согласию. Она возвращается к родителям и ждет следующего мужа, он ищет очередную жену. Если брак был заключен официально, жена возвращается к родителям и только спустя три года подает вместе с мужем в суд заявление о разводе.

Самоанцы глубоко убеждены в том, что бесплодие обусловлено сверхъестественными силами. Эта вера, ведущая свое происхождение с языческих времен и одобренная христианством, решающим образом влияет на тот печальный факт, что на Самоа один из самых высоких коэффициентов прироста населения, который превышает 3,3%.

Самоанские дети... смуглые и черноглазые, живые,

как искорки, выплескивающиеся из маленьких комнатенок, не уместяющиеся в приемных больниц. Они необыкновенно подвижны и одновременно очень дисциплинированы. Они умеют развлекаться так бурно, что своей энергией, кажется, превосходят олимпийских чемпионов, а могут и часами сидеть на циновке, скрестив ноги, тихие, серьезные и такие неподвижные, что если бы не блестящие глаза, то можно было бы принять их за бронзовые фигурки. Но прежде всего обращает на себя внимание то, что их много, даже больше, чем в таких странах с огромным приростом населения, как Индия или Индонезия. Дети в возрасте до пятнадцати лет составляют на Самоа 53,6% населения, в то время как аналогичный возраст для Индии — 41,0; для Индонезии — 42,4; для Англии — 22,8%.

Самоанские дети помогают взрослым во всех хозяйственных работах. Часто на них взваливают те обязанности, которые не хотят брать на себя взрослые. Питаются же они чаще плохо, чем хорошо. Но их любят и им знакома, быть может, более счастливая и свободная жизнь, чем выхолоненным и избалованным детям в европейских странах.

Поражает на Самоа отсутствие тесной связи детей с родителями. Здесь нет даже однозначного понятия «мать» и «отец». Вспоминаю, например, случай, который произошел в начале моей работы в больнице в Апия. Одна из санитарок попросила у меня денег в займы, так как у нее умерла мать. Она подробно рассказала о ее болезни, дороговизне похорон, горе осиротевшей семьи... Прошло три месяца, и та же самая девушка пришла ко мне с очередной просьбой дать ей денег в займы, так как у нее умерла мать. Я была вне себя от возмущения. Я посчитала ее просьбу за наивный способ выманить деньги, да еще под предлогом, который свидетельствует о ее жестокости и бессердечии. А между тем — ничего подобного! Понятие *тина* — мать — означает на самоанском языке всех женщин в семье в возрасте матери, *тама* — отец — всех мужчин в возрасте отца, но прежде всего это слово означает главу семьи или вождя, независимо от степени родства. Как-то один из наших знакомых пережил в связи с этим один неприятный момент. Раз он пригласил на обед своего шефа, который прибыл из-за границы,

и несколько других особ. Атмосфера была весьма натянутой, и уважаемый гость, чтобы разбить лед молчания, вступил в разговор с симпатичной маленькой девчушкой, которая помогала матери убирать тарелки. Ее мать была домработницей в семье наших знакомых. Девочка говорила немного по-английски и охотно отвечала на вопросы. Выяснилось, что ее зовут Сина, что она живет в этом доме и ее мать хлопочет на кухне. И вот тогда был задан фатальный вопрос:

— А где твой папа, детка?

Сина лучезарно улыбнулась и без колебания указала на хозяина дома. Девочка и не пыталась лгать. Просто для нее отцом был глава дома, в котором она жила. Но наш бедный знакомый должен был объяснять своему начальнику обычаи фаасамоа.

Вернемся, однако, к случаю с санитаркой. Как мы догадались позднее, ее настоящая мать была жива и здорова, а умерли... тетка и бабка.

Обычаи, впрочем, тоже понемногу меняются. Не в такие уж отдаленные времена, когда первые миссионеры селились на островах, рождение ребенка в доме матаи высшего ранга оглашалось громкими криками ораторов. Пятикратным пронзительным *у-у-у-у-у*, если на свет появился мальчик, и троекратным — если девочка. Сами роды происходили публично. Оратор стоял на пороге фале, у изголовья роженицы сидел муж, за ним — брат, у ног — мать и сестра. Перед порогом всегда толпились вездесущие и любопытные дети. Сразу же после рождения ребенок переходил в руки самой старшей в семье женщины, которая мыла его, удаляла слизь из носа и бамбуковым ножом перерезала пуповину. У мальчика пуповину иногда перерезали острой военной палицей, чтобы был мужественным, а у девочки — краем матрицы для печатания тапы, чтобы она была работающей.

Первые дни новорожденного кормили кокосовым кремом. Приготовляла его пожилая опытная женщина по рецепту, который в то время считался самым лучшим. Старательно пережеванная мякоть кокосового ореха выплевывалась на кусок чистой, некрашеной сиапо и закладывалась ребенку в рот. Этот способ кормления применялся до тех пор, пока мудрая «деревенская бабка» не выдавала своего разрешения кормить ребенка

грудью. Ее согласие зависело от результатов «исследования» пищи. Она размешивала в скорлупе кокосового ореха материнское молоко с водой и бросала туда два раскаленных камешка. Если молоко свертывалось, оно признавалось горьким и неподходящим для кормления ребенка. Предполагают, что в свое время на Самоа очень много детей погибло из-за того, что бабки долго не давали матерям кормить их грудью. Может быть, таким способом регулировали прирост населения и заранее обрекали некоторых детей на смерть?

Наиболее торжественным днем в жизни ребенка был день, когда отпадала пуповина. По этому поводу устраивался большой семейный пир, включавший обмен дарами между семьями отца и матери. Пуповину не выбрасывали. Существовало поверье, что если ее съедят крысы, то у ребенка может быть трудная судьба. Поэтому специальными манипуляциями над пуповиной старались обеспечить ребенку определенное будущее. Например, считалось, что пуповина мальчика, брошенная в море, даст ему возможность в будущем стать отличным рыбаком, а закопанная под таро — хорошим земледельцем. По тем же причинам пуповину девочки закапывали у подножия тутового дерева, что должно было обеспечить ей ловкость при плетении циновок и ткани *сиапо*. Христианство принесло еще одно суеверие: если кусок пуповины попал в щель пола церкви, то ребенок вырастет очень набожным человеком...

Уже в первые недели жизни ребенка его подвергали различным косметическим операциям, которые должны были обеспечить младенцу здоровье и красоту. Часто его обмывали соком дикого апельсина и натирали кокосовым маслом или желтым красителем *ленга*. Проявляли также заботу о формировании черепа. С этой целью новорожденный спал на «подушке» из плоского вулканического камня. По бокам головы и на лоб клали по одному камню. Через какое-то время получалась желаемая плоская голова. Несколько десятков лет назад самоанцы относились с сочувствием к людям с продолговатым черепом и большим носом.

— Ах, какая клинообразная голова! Разве у бедняги не было матери, которая сформировала бы ему голову?! — вздыхали в таком случае дамы с изящно сплюснутыми головами и носами.

Операции и церемонии, связанные с родами и первыми месяцами жизни ребенка, в последнее время сильно упрощены или забыты. Однако ненамного изменилось отношение взрослых к детям. Мальчик близок с матерью только во время кормления грудью. Этот период занимает год или два, обычно он заканчивается с появлением очередного ребенка в семье. Тогда несколько подросший малыш переходит под опеку старших детей или двоюродных братьев и сестер. Взрослых он обычно не интересуется до достижения зрелости. Матерей заменяют десятилетние девочки.

Самоанские дети прекрасно приспособлены к общественной жизни. Ее принципы они осваивают с младенчества. Одно из основных правил, которое они запоминают раз и навсегда,— это обязанность слушаться и уважать старших. Причем не только взрослых, но и братьев и сестер, которые ненамного их старше. С возрастом они поднимаются все выше и выше по иерархической лестнице своей группы. Появляется все больше детей моложе их, которые обязаны их слушаться. Очередность соблюдается во всем, даже во время еды. Первыми получают еду матаи. Потом старшие мужчины и женщины. Затем молодежь, а позже всех дети. За ними стоят постоянно голодные куры, собаки и кошки. Точно так же распределяются и подзатыльники. Если двухлетний Иосепо набезобразничает, взрослая Тина бьет по голове десятилетнюю Салинуу, недосмотревшую за ребенком, а та уже дает тумака провинившемуся. Такая система предоставляет широкие возможности избежать неприятных обязанностей, перекладывая их на плечи младшего.

Девочки опекают братьев и сестер до той минуты, пока они не станут настолько сильны, что могут носить тяжелые корзины с бананами и таро, ведра с водой и выполнять работы по хозяйству, требующие большой физической силы. Нянчить теперь могут дети помоложе, а бывшие няньки вступают в более интересный период жизни, свободный от непрерывной тирании малышей.

Самоанка на этом этапе своей жизни становится девочкой на побегушках. Она бегает с поручениями, приносит воду, дрова для уму, помогает готовить еду. Она может плести из пальмовых листьев простые корзины для переноски овощей с плантации. Когда она

немного подрастет, то отправляется с женщинами на рифы и учится извлекать из ловушек осьминогов, называть на веревку из коры гибискуса розовых медуз, отличать съедобных рыб от ядовитых и от тех, которые опасны только в определенное время года. Они усваивают также ряд предрассудков. Например, считается, что нельзя ловить осьминогов моложе года, а то на ловца падет несчастье...

В доме девушка учится традиционным женским обязанностям — прежде всего плести корзины и занавески, а потом — более сложные напольные циновки. Девушки с ловкими пальцами быстро овладевают искусством изготовления постельных циновок более тонкого плетения, а также красивых поделок, предназначенных для дома или на продажу. Для производства всех этих предметов используется универсальное сырье — листья пандануса. Из самых заурядных листьев, так называемых *лауфале*, они плетут напольные циновки и более «грубые» изделия. Другой вид, *лаупаунго*, меньший по размерам, но с большими листьями, служит для изготовления изящных, светло-золотистых постельных циновок. Самый ценный панданус — *лауие*, листья которого представляют прекрасный материал для изготовления великолепных шелковистых тонганских циновок *иетонга*. Эти последние считаются вершиной самоанского рукодельного искусства. Их производство исключительно кропотливо и трудоемко. Прежде всего листья пандануса очищают от колючек, сушат на солнце, сворачивают в рулоны и подвергают воздействию пара в земляной печи уму. После пропаривания острой раковиной соскребают твердый наружный слой и несут к лагуне. Там придавленные камнями листья отбеливаются в течение четырнадцати дней. Затем они еще раз просушиваются на солнце и с них удаляют остатки оболочки. Оставшиеся волокна осторожно разделяют на полоски толщиной в один-два миллиметра. Чем белее и тоньше волокно, тем красивее циновка, которая напоминает мягкую блестящую ткань.

Чем старше циновка *иетонга* и чем больше она потерта, тем выше ее стоимость, так как искусство их изготовления пришло сейчас в упадок и все меньшее количество циновок находится в обороте. Они имеют теперь скорее символическое, чем потребительское зна-

чение. В стране, где денежная система была неизвестна, они на протяжении веков выполняли роль церемониальной валюты.

Я долго искала такую циновку для этнографического музея в Варшаве и подозревала, что столкнусь с трудностями при получении разрешения на вывоз этого экспоната, но мне и в голову не приходило, что тонганскую циновку вообще невозможно купить. Сначала, преисполненная энтузиазма, я обратилась к Лопати, известному строителю. Он умел, как древние самоанские мастера, построить великолепное фале из дерева и пальмовых ветвей, не используя при этом ни одного гвоздя. У него была обширная клиентура, а свой гонорар он обычно получал натурой — продуктами и циновками. Лопати постоянно жаловался на отсутствие наличных денег, а я со своей европейской близорукостью полагала, что он охотно обменяет какую-нибудь иетонга на самоанские фунты. Однако мастер не проявил ожидаемого энтузиазма.

— У меня нет ни одной, — ответил он на мое предложение.

— Почему? Что ты с ними делаешь?

— Фаалавалаве, конечно.

Конечно! Фаалавалаве — магическое слово, которое вмещает в себя все трудности самоанской жизни, все хлопоты и торжества — свадьбы, похороны, крестины, шумные события, требующие богатых даров, угощения и фиафия. Тонганские циновки переходят из рук в руки, протираются, рвутся и приобретают долгожданный потрепанный вид. Каждый очередной обладатель относится к циновке как к ценному залому, предмету обмена, а не купле и продажи. Правда, из-за них не ведут кровавых войн, как это нередко бывало раньше, а относятся с благоговением и поклонением, и самые старые, самые красивые циновки имеют даже собственные имена. В прошлом каждая молодая особа, перед тем как создать семью, должна была показать свое искусство изготовления тонганской циновки. Начинала она ее ткать в возрасте тринадцати-четырнадцати лет, но часто так и не доводила работу до конца. В этом не было никакой необходимости. Циновку могла закончить ее дочь, сдав тем самым собственный экзамен на зрелость.

Маленьких мальчиков раньше девочек допускают к интересным, сугубо «мужским» делам. Они помогают мужчинам ловить рыбу, работать на плантации, учатся строить дома и лодки. Каждый из них хочет выделиться ловкостью, стремится быть лучше брата или кузена, чтобы в будущем именно ему выпала честь представлять семью на деревенском фоне. Потом они вступают в ряды ауманги, и жизнь их начинает подчиняться строжайшей дисциплине и иерархии.

Дети на Самоа работают много, но почти никогда не бывают в тяжелом или безвыходном положении. Несмотря на то, что семьи очень разветвлены и живут в разных концах деревни или даже в разных деревнях, ни один дом, принадлежащий одному и тому же роду, не откажет им в крыше над головой и защите. Они даже могут жить у родственников, если им неволею оставаться в собственном доме. И случается, что таулеалеа, у которого попросил убежища ребенок матаи, отказывается выдать вождю маленького беглеца. Конечно, он это делает не прямо, а завуалированно, избегая отрицательных форм, которые ни один самоанец не употребит в общении с матаи. Таулеалеа уговаривает вождя, чтобы тот вернулся в свой достойный уважения дом и оставался там до тех пор, пока его достойный уважения гнев на достойного уважения ребенка не остынет.

Точно так же выглядит на Самоа положение внебрачных, брошенных или усыновленных детей. Усыновление — явление весьма частое и не требующее никаких правовых формальностей. Малыш вообще не переживает большого потрясения от смены окружения. Он становится членом нового детского коллектива, подчиняется его правилам и дисциплине. То же самое относится к детям внебрачным или брошенным, чьи родители перебрались в поисках лучшей жизни в другую деревню, в Апия или вообще эмигрировали за границу. Впрочем, здесь трудно говорить о том, что они бросили ребенка в полном смысле этого слова, так как аинга о таких детях никогда не забывает. Образ их жизни не меняется в зависимости от того, есть у них мать и отец или нет. Трагедия может наступить только в том случае, если мать оставит грудного ребенка, а в округе нет кормящей женщины, которая бы его выкормила.

Бабушки и тети, хотя и из лучших побуждений, обычно кормят ребенка неправильно. Поэтому ничего нет удивительного в том, что дело доходит до различных заболеваний.

Мои самые трагические воспоминания о Самоа как раз связаны с такими маленькими скелетиками. С лицами старичков, обтянутыми сухой сморщенной кожей. Их приносили в консультацию отчаявшиеся бабушки, которые никак не могли взять в толк, чего им не хватает.

— Я его кормлю хорошо, а он все худеет и худеет... — неизменно твердили они.

В то же время в углу полного мух фале у них стояла открытая несколько дней назад почерневшая банка со сладким сгущенным молоком, которая для ребенка опаснее неразорвавшегося снаряда...

Вообще с питанием детей на Самоа дела обстоят плохо. Это идет не от злой воли, а от закоренелой традиции, которая ставит детей на последнее место в очереди к кастрюле, а также из-за отсутствия знаний о рациональном питании. Еда, которую получают дети, обычно обильна и удовлетворяет их потребности, но слишком бедна белком, железом и витаминами. После того как детей отнимают от груди, они почти не видят молока, а другие продукты, содержащие много белка, такие, как мясо, птица, рыба, молочные продукты и яйца, получают в недостаточном количестве. Родители недооценивают даже роль свежих фруктов. Поэтому на Самоа, в стране, где круглый год созревают богатые витаминами фрукты, встречаются парадоксальные случаи авитаминоза.

Иногда дети сами пытаются восполнить недостаток пищи. Один знакомый учитель из маленькой деревеньки на Савайи рассказывал мне, что неоднократно видел, как маленькие мальчики жадно ели живых рыбок, пойманных ими в лагуне. Они не стали их жарить, так как боялись, что кто-нибудь из старших заметит их «преступление» и потребует отдать рыбу в общий семейный котел...

После урагана 1966 г. Самоа получило от новозеландского Общества Красного Креста порошковое молоко, благодаря чему отдел здравоохранения смог начать давно запланированное мероприятие: «Стакан молока в школе для каждого ученика». К сожалению, че-

рез несколько дней выяснилось, что всем детям молока не хватит и нужно отобрать тех, кто больше всего в нем нуждается. Выбрали самых заморенных с большими головами и вздувшимися животами. С сжавшимся сердцем я не раз наблюдала, как они дисциплинированно выстраивались в очередь к ведру, в котором учительница длинным черпаком размешивала в воде порошок. Большинству из них был незнаком вкус молока. Прошло уже пять-шесть лет после того, как младшие братья и сестры оттеснили их от материнской груди, и с того времени они понятия о нем не имели. С выражением исключительной сосредоточенности дети подносили ко рту полную чашу из скорлупы кокосового ореха и медленно пили. Минуту они смаковали молоко, как тонкие знатоки спиртного смакуют неизвестный им тип коньяка, и затем передавали пустую чашу следующему.

Мне всегда было интересно узнать, что они в действительности думают об этом «экзотическом» напитке, но так ничего и не сумела из них вытянуть, кроме слова *лелеи* — хорошо. Самоанцы обычно не обсуждают с детьми вкусовых качеств продукта, а дети никогда не сомневаются в правильности указаний взрослых. Все, что дети получают от взрослых, — хорошо.

Очень редко можно встретить на Самоа детей голодных и запущенных, таких, вид которых свидетельствовал бы уже не о беспечности, а о злой воле опекунов. Вот, например, Иоане. Я встретила его во время посещения одной из школ неподалеку от Апия. Уже с первого взгляда он невыгодно отличался от своих сверстников. Держался в стороне, не участвовал в общих играх и, в отличие от других детей, подошел ко мне с недоверием. Он не хотел, чтобы я его осматривала. Из списка учеников я узнала, что ему восемь лет, но по весу и по росту мальчик соответствовал нормам четырехлетних детей. Он был очень бледен. Его руки и ноги покрывала пестрая смесь из фиолетовой горечавки, ртутного хрома и йода, которыми школьные санитарки упорно и безрезультатно лечат все кожные заболевания.

Кроме вшей, чесотки и чирьев, Иоане имел красноречивые красные рубцы: один — на лице, другой — на голове, под волосами. Ребенок находился в ужасном

состоянии. Мышцы лица поминутно сокращались. Худенькие ручки и ножки производили произвольные движения, как будто они жили собственной независимой жизнью. Учительница ничего определенного не могла мне о нем рассказать.

— Он *валеа*, ну, знаете,— глупый. Ничему в школе не научился. От детей бегаёт, потому что они его на переменах бьют камнями.

Я вызвала мать. Она рассказала мне трагическую историю мальчика. Иоане родился шестым из ее десяти детей. Развивался он нормально, и, когда ребенку исполнилось четыре года, его усыновила одна семья с острова Манано. Три года родители не имели о нем никаких известий. Первая весточка о ребенке пришла к ним из больницы, где ему лечили раны на голове, которые Иоане получил в результате столкновения с реальной жизнью. У новой семьи было мало земли и мало еды. Остатков, которые получал мальчик, хватало только на то, чтобы не умереть с голоду. Кроме того, его регулярно били с пристрастием по голове. Может быть, он не сумел приспособиться к своеобразным законам, по которым живет мирок самоанских детей, или слишком сильно кричал и его нужно было успокоить сильными ударами, или же был впечатлительным по сравнению с другими и иначе реагировал на обычную взбучку.

Что я могла сделать для этого ребенка? Моя роль ограничилась лечением его от кишечных паразитов, малокровия и чесотки. А изменения в психике ребенка... Что ж, сомнительно, чтобы его психика пришла в норму без сложного специального лечения, которое недоступно для самоанцев.

Иоане был исключением. Среди многих тысяч маленьких жителей острова я встретила только одного такого, как он. Вообще без преувеличения можно сказать, что самоанские методы воспитания дают отличные результаты. Дети рано начинают учиться работать, но, вопреки мнимой занятости, у них достаточно времени для игр. Они живые, веселые и сообразительные. В отличие от своих европейских ровесников — дисциплинированы и послушны. Как врачу мне никогда не приходилось иметь дело с более рассудительными и милыми пациентами.

Азбука, а что дальше?

В одной сельской школе на Саваии я увидела на стене портрет вице-президента США того времени Хэмпфри. Портрет вырезали из обложки иллюстрированного журнала. Государственный деятель был погружен в меланхолическую задумчивость. Внизу неумелая детская рука написала по-английски: «Почему он грустный? Он грустный потому, что голоден».

Как нетрудно догадаться, это не было преднамеренной сатирой. Наоборот, портрет служил «наглядным пособием» по изучению английского языка. Пособий подобного типа можно отыскать в самоанских школах великое множество. Их поставляют американские цветные периодические издания, наполненные рекламой и фоторепортажами из жизни высших сфер общества. Благодаря им у молодых приверженцев трудного искусства чтения и письма по-английски складывается мнение, что жизнь в Соединенных Штатах Америки представляет собой сплошную полосу интимных вечеринок в обществе кинозвезд, прерываемых изредка короткими эпизодами стрельбы с бедра с подбрасыванием револьвера. Благодаря английским традициям, перенесенным на самоанскую почву через Новую Зеландию, здесь укоренилось убеждение, что европейцы с удовольствием проводят время за различного рода чаепитиями. И нередко к туристу в деревне подходит самоанский малыш и вежливо приглашает его зайти в фале на *morning*, *afternoon* или *evening tea*¹ в зависимости от времени дня. Эта смесь гостеприимства островитян с консервативной английской номенклатурой производит забавное впечатление. Припоминаю, что как то раз поздним вечером я вышла из больницы в Апия, где навещала подругу после родов. На газоне перед родильным отделением сидела самоанская семья. Самоанцы разложили на циновках еду: таро, бананы и куски рыбы. Увидев меня, тотчас же поднялась какая-то солидная матрона и плавным движением пригласила занять место рядом с собой.

— Не выпьете ли вы с нами вечернего чая?

Изучение английского языка на фоне общих школь-

¹ Утренний, дневной, вечерний чай (англ.).

ных проблем, вероятно, после системы матаи наиболее острая проблема на Самоа. Знание этого языка для самоанца представляет собой несколько большее, чем просто снобизм. Очень редко, но все же встречаются и такие самоанцы, которые считают, что английский язык — это патент «благородства», волшебный ключик к почести и должностям. Поэтому они охотно пользуются им даже в кругу земляков. Большинство же попросту понимает, что хочешь или не хочешь, но без знания английского языка невозможно получить образование и сделать карьеру. Это проявляется уже на уровне начальной школы. Ребенок начинает учиться в шесть лет. Первое время он не пользуется учебниками, а учится только тому, что показывает и пишет учитель на доске. Сразу же обращает на себя внимание существенная разница в уровне обучения языку между сельскими школами и столичными, в которых английский язык вводится уже в первых классах начальной школы как один из изучаемых предметов или как язык, на котором ведется обучение.

Если сельский ребенок желает в будущем получить среднее или университетское образование, — а в деревне живет две трети детей, — то он должен быть исключительно талантлив, чтобы конкурировать с одной третью городских детей. В течение года только сорок самых способных маленьких жителей деревень имеют шанс поступить в так называемую *intermediate school* — переходную школу в Апиа, где за десять месяцев напряженного труда в классе ускоренного обучения они осваивают уровень знаний выпускников столичных начальных школ. Затем деревенские и городские дети учатся вместе. Из них будут отбирать кандидатов в общеобразовательные лицеи, учительские лицеи, Техническую школу и Школу тропического земледелия, которые готовят местную интеллигенцию и различных специалистов. Постепенно они заменят европейских экспертов и высших государственных чиновников.

Знание английского языка необходимо уже в средней школе, так как из-за отсутствия самоанских учебников дети вынуждены пользоваться американскими или английскими. Из маленькой горсточки самоанцев, достаточно подготовленных к поступлению в университет, большинство государственных стипендиатов направля-

лось в Новую Зеландию, часть поступила в Медицинскую школу на Фиджи, а часть пользуется стипендией различных агентств ООН в Австралии, Новой Зеландии, на Гавайях... Обязательным условием для претендента на стипендию является его беглое знание английского языка.

В отношении целесообразности ускоренного обучения английскому языку, в ущерб родному, на Самоа обозначались два крайних течения и множество промежуточных, поддерживающих в большей или меньшей степени то или иное направление.

— Самоанский язык обречен на вымирание,— говорят сторонники «трезвого курса», очень популярного и представленного главным образом европейцами.— Его возможности ограничены. Даже с тонганцами самоанцы объясняются с трудом, не говоря уже о жителях других полинезийских архипелагов, с которыми они вынуждены объясняться через переводчиков. Более того, недостаточно просто перевести тексты с языков более развитых на самоанский. Переводить можно только слова простые и конкретные: мокрый, голодный, солнце, ветер... Но как передать абстрактные понятия? И даже если бы группа экспертов разработала новый словарь и общество приняло бы его, то все равно из соображений чисто технических невозможно было бы издавать школьные учебники, специальную литературу и беллетристику на самоанском языке. Насколько огромной была бы стоимость перевода, издания и систематического обновления книг, предназначенных исключительно для страны с населением, едва достигающим 132 тыс. человек.

Сторонники новых порядков говорят:

— Не будем сентиментальны! Быстро вытесним самоанский язык из школ и учреждений и введем там английский. Кроме того, хотим мы того или не хотим, когда фирма «Потлач» утвердится на Савайи, американизация страны произойдет в таком же быстром темпе, как на Восточном Самоа, и дискуссия будет беспредметной.

Сторонники старых порядков приводят следующие аргументы:

— Нам не нужны ни иностранцы, ни их язык. Самоа существовало без них столько столетий, просуществует

и дальше. Мы создали собственную культуру и общественную систему, которая исключает несправедливость и бесправие. Посмотрите, что может нам предложить западная культура! Безработицу, деморализацию, неуважение к традициям. Наша сила в традициях. Мы устояли перед волной германизации во времена немецкой оккупации, сохранили извечные формы общественной жизни под новозеландским протекторатом. Разве нам следует отказываться от них сейчас на пороге независимости? Мы не хотим европейской культуры и цивилизации. Если самоанский язык был достаточно хорош для наших предков, то он хорош и для нас.

Конечно, Самоа не может оставаться таким, как тысячу лет назад, и даже таким, как двадцать лет назад, и молодые самоанцы, точно так же как и жители других малых стран мира, должны знать языки с большим словарным запасом. Даже в самых фантастических мечтах нельзя себе представить, чтобы такое государство, как Самоа, не имея больших перспектив развития, могло бы стать экономически независимым в области высшего образования и подготовки специалистов. Даже когда осуществится проект создания на Фиджи Центрального университета для стран южной части Тихого океана, языком, на котором будет вестись преподавание, будет английский, так как многочисленные полинезийские и меланезийские наречия не могут служить базой для всеобщего понимания.

Поэтому пользу изучения английского языка в самоанских школах оспаривать нельзя. Но это не означает, что следует отказаться от родного, самоанского, и похоронить многовековые достижения культуры. Например, ораторское искусство всегда высоко ценилось на островах. Говорят даже о трех разновидностях языка: будничном, вежливом и ораторском... прекрасном, цветистом, изобилующем сложными метафорами и поговорками, непонятными для непосвященных...

С развитием и распространением образования увеличивается потребность выражения на самоанском языке новых понятий. Поэтому самоанский язык постоянно развивается, и развивается он стихийно и порой довольно забавным образом. Мне кажется, что господствую-

Школа в Апия

шая в этой области радость творчества доведет самоанских пуристов до нервного расстройства.

Чаще всего пользуются легким переименованием английских выражений по фаасамое. Например, время — *таими*, нож — *наифи*, полдоллара — *афатала* и т. д. Некоторые слова появились благодаря деятельности миссионеров: *апосетоло* — апостол, *попатисо* — крест. Встречаются слова с латинским или греческим корнем. Поэтому они имеют научный характер. Например, *ауро* — золото, *эпикопо* — епископ.

Несмотря на финансовые трудности и нехватку кадров, самоанское правительство прилагает все усилия, чтобы сделать образование общедоступным. Ежегодно оно выделяет из своего бюджета около пятисот тысяч фунтов на нужды образования. Часть из них, около ста тысяч, поступает в виде помощи из Новой Зеландии. Эти деньги предназначаются главным образом для вознаграждения многочисленных новозеландских учителей и высших чиновников отдела просвещения, работающих на Самоа. Помощь оказывает также ООН, главным образом посылая специалистов, работающих в системе народного образования.

Самоа предпринимает большие усилия для обеспечения всеобщего начального обучения. Правительство действует по следующему принципу: как можно больше знаний для как можно большего количества детей и как можно раньше. Почти 90% детей посещают начальную школу. Из них только одна пятая доходит до переходной школы и одна девятая до общеобразовательной школы типа лицея или профучилища, соответствующего нашему техникуму.

Часть детей заканчивают свое образование в первых классах начальной школы. Практически это означает, что они умеют читать псалмы из молитвенников, стихи из Библии и, возможно, немного писать и считать. Этим детям предстоит впоследствии представлять костяк самоанской деревни. Они станут земледельцами, рыбаками или же, в соответствии с родовой традицией, может быть, станут строителями лодок и домов. Самую большую группу составляют дети, которые закончили начальную сельскую школу и не имеют возможности продолжить образование. Они также останутся в деревне, но уже будут представлять более просвещенную прослойку, которая может способствовать некоторым изменениям и модернизации земледелия. Талантливые и более удачливые выпускники школ, проучившиеся год или два в средней школе, станут в шеренгу мелких чиновников, продавцов и продавщиц... Некоторые из них пойдут дальше, выучатся на каких-либо специалистов или закончат профессиональные курсы. Полное среднее образование получит только очень небольшая группа детей.

Сельские школы представляют собой начальный и самый важный комплекс учебных заведений, на которые ложится ответственность за общий уровень образования в стране. Они дают образование среднему гражданину Самоа.

Что представляют собой сельские школы?

Уже после нескольких месяцев пребывания на островах можно понять, что уровень их далеко не одинаков. Есть деревни богатые, есть бедные. Деревенские советы той или иной деревни более или менее заинтересованы в развитии образования. А от деревенского совета зависит очень многое, так как совет приглашает и оплачивает учителей, отвечает за строительство школы и сле-

дит за ее состоянием, а также отвечает за приобретение пособий. Последняя обязанность носит чисто номинальный характер, так как учебники для начальных школ Самоа практически недоступны.

Школьные здания отличаются по внешнему виду от тех, что мы привыкли видеть. Никаких лавок, парт, кабинетов, классов нет. В легких деревянных бараках, разделенных на комнаты временными стенами, учатся свыше двадцати шести тысяч детей. Сидят они на панданусовых циновках, босоногие и серьезные, гордые своими разноцветными мундирами. Они любят школу. Может быть, потому, что привыкли к дисциплине и послушанию, или потому, что на несколько часов по утрам освобождены от хозяйственных забот. Кроме того, именно в школе к ним проявляют интерес и заботятся о них. Здесь дети освобождаются от обслуживания своих младших братьев и сестер и выполнения тех работ, которые надоели взрослым.

Сколько лет Миле?

Обучение в школе на Самоа необязательно. Поэтому некоторые родители оставляют детей дома, не желая терять ценную рабочую силу, какую представляет собой даже шестилетний ребенок. Только спустя несколько лет они решаются отдать ребенка в школу. Но в это время он уже выходит за рамки соответствующего возраста. До чего доходит человеческая изобретательность! Самоанцы не помнят скрупулезно дат рождения, а в семье всегда найдется несколько шестилетних детей, которые могут одолжить старшему ребенку свои метрики. Да и, кроме того, кто бы стал углубляться в установление возраста такой маловажной личности, как ребенок... Поэтому двенадцатилетний Лони является в первый класс в качестве шестилетнего Пепи, и никто не будет удивляться его росту. Но... но, к сожалению, в школу может прийти несносная *фомаи* (врач) и вдобавок палланги.

По списку, в который включено десять имен, она вызывает по очереди детей для осмотра. Остальные сидят по-турецки на циновке и смотрят на меня выжидательно с благочестивым страхом. Называю первое имя:

— Мила Лети!

Поднимается угрюмый подросток, которого я сначала приняла за опекуна группы. Смотрю в список — не может быть! Черным по белому написано: Мила Лети, шесть лет.

Пытаюсь с ним говорить:

— Ты Мила Лети?

— *Ои!* (Да!)

— Сколько тебе лет?

— *Ои.*

— Сколько, четырнадцать?

— *Ои.*

Я вздыхаю с облегчением от того, что сразу же угадала его возраст. Но во мне просыпается недоверие. Я на Самоа не первый день.

— А может быть, тебе шесть лет?

— *Ои,*— вежливо соглашается Мила Лети. Он согласится со всем, что я скажу. Взрослым возражать нельзя. Однако я настаиваю на своем.

— Мила, сколько тебе лет — десять, двенадцать, четырнадцать?

Я вижу, как в глазах Милы растет удивление. Еще минута — и он задаст стрекача, только я его и видела.

— *Ои,*— отвечает он ломающимся голосом.

Я заканчиваю с ним беседу и на карточке Милы в рубрике «возраст» ставлю красным карандашом большой вопросительный знак. Еще одна загадка поджидает меня в той же самой группе. Я вызываю маленького заморыша, который скромно сидит на краю циновки.

— Как тебя зовут?

— Соли.

Ищу в списке — Соли в списке нет.

— Как зовут твоего отца?

— Тоотоо.

В списке ясно написано: Макелита Тоотоо — Маргарет, дочь Жезла Оратора, девять лет. Ребенок же выглядит лет на пять. А может, он просто маленький?

— Открой рот!

У девочки только один зуб, нижний передний резец. Ей не может быть девять лет. Я навожу справки у учительницы. Да, это Макелита Тоотоо.

— Не может быть!

Учительница не соглашается со мной. Она сама ви-

дела метрику. А может быть, это метрика другого ребенка? Не исключено, так как родители часто подменяют метрики. Наверное, они хотели выпроводить ребенка из дома, пока он не достиг школьного возраста. И такое случается. А то, что имя не сходится,— ничего не значит.

Однако имена не давали мне покоя. И не мне первой.

— Американцы, которые были у нас здесь во время второй мировой войны,— рассказывала как-то Фанафи Ларкинс, первая женщина на Самоа, имеющая степень доктора,— имели большие неприятности при выяснении имен своих симпатий. Обычно они спрашивали девушек сразу же после знакомства, как их зовут. Американцы не знали, что у нас не принято произносить собственное имя. Сконфуженные девицы произносили первое имя, пришедшее им в голову, а потом возникали в связи с этим забавные ситуации. А между тем, согласно нашему общественному кодексу, нужно было спросить об этом третье лицо, а потом уже обращаться к девушке. Надо думать, что после этого американцы не были высокого мнения о нас.

Фанафи не сказала, что беседа протекала с трудом, так как на Самоа как огня следует избегать вопросов, требующих однозначного ответа. Хорошо воспитанный самоанец никогда не даст отрицательный ответ особе, стоящей выше его на общественной лестнице. Он будет выделывать удивительные словесные выкрутасы, чтобы избежать явно отрицательного ответа. Поэтому робкая, немного испуганная девушка будет говорить неизменное «да», независимо от смысла вопроса.

Возвращаясь к вопросу об именах, можно легко убедиться, что здесь господствует полная неразбериха. Первое имя, так же как и у нас, ребенок получает сразу же после рождения, а точнее, в момент регистрации у приходского священника. Обычно, чтобы сделать приятное духовной особе, родители выбирают имя какого-нибудь святого покровителя, но очень быстро о нем забывают. Случается, что они выбирают просто красиво звучащее слово. Однако чаще всего малыша, который еще ничего собой не представляет и ничего не имеет, кроме громкого голоса и хорошего аппетита, называют просто Пепи — Малыш, как и всех маленьких поросят, крутя-

щихся во дворе. Только со временем из безымянной массы Пеги начинают выделяться отдельные индивидуальности — с именем, полученным при рождении, или с кличкой, «заработанной» по случаю какого-нибудь важного или смешного события.

Так как крикетные матчи пользуются огромной популярностью и проводятся ежегодно в каждой деревне, в их честь несколько новорожденных получают красивое имя Киликити. Во время перехода самоанской валюты с фунтов на доллары (*тала*) и центы (*сене*) страну захлестнула эпидемия имен Тала и Сене. Если бы они обладали денежной стоимостью, то быстро докатились бы до инфляции.

Иногда имена бывают весьма необычные. Например, в резиденции верховного комиссара Новой Зеландии, Поля Гебитса, подавал на стол импозантный молодой самоанец. Дора Гебитс, итальянка по происхождению, сказала мне как-то за ужином:

— Ты себе не представляешь, как нелегко мне давать ему поручения.

— Да, он выглядит очень представительно. Наверное, неудобно посылать его за какой-нибудь мелочью на кухню.

Дора подвинула мне хлебницу.

— Хочешь масла? Муссолини, подай, пожалуйста, госпоже масло!

Муссолини имел счастье или несчастье родиться во время абиссинской кампании. Его родители читали местную прессу. Не знаю, кто в данном случае проявил политическую неосведомленность — отец Муссолини или газетный комментатор...

Славу своему потомству обеспечил также один работник аптеки в Апия. Зачарованный магией химии, он выбирал имена своему многочисленному потомству по... таблице Менделеева и по списку лекарств. В его семье можно было встретить Окисене (кислород), Аспирини (аспирин), Иотини (йод). Одиннадцатый ребенок доставил ему, однако, много хлопот. На какое-то время его оставила изобретательность. Но так как наука всесильна, через десяток дней появился на свет маленький Сиоту, в котором каждый, кто знаком с английским алфавитом, узнал бы без труда CO_2 .

Только достигнув школьного возраста, ребенок обя-

зан вернуться к имени, записанному в метриках. Вместо фамилии к нему добавляют имя отца, и с этой минуты каждый маленький Пеппи становится уже особой, четко определенной. То есть должен быть таковым. К сожалению, здесь мы подошли к самой сути хлопот педагогов. Единственным доказательством того, что свидетельство о рождении, предъявляемое руководству школы, принадлежит именно этому ребенку, а не какому-либо другому, является утверждение его родителей. А те не привыкли уделять чрезмерное внимание бумаге. Кто обязан при таком количестве детей помнить, кто родился раньше, а кто позже? Иногда эта амнезия создает впечатление небольшого надувательства, мелкого мошенничества...

Джордж Ирвин, который много лет был директором лицея в Апиа, рассказывал такой случай.

Ежегодно новозеландская администрация присуждает нескольким самоанским детям в возрасте двенадцати-четырнадцати лет стипендии в одной из своих средних школ. Как-то в конкурсных экзаменах принял участие мальчик по имени Савили. Он занял второе место, и казалось, что стипендия у него в кармане. Но, несмотря на малый рост, Савили по внешнему виду и манере держаться казался старше своего возраста. Тем не менее родители, учитель, а также пастор из его деревни упорно твердили, что Савили двенадцать лет и ни годом больше. В доказательство он предъявил документ, в котором было черным по белому написано, что Савили, мальчику из Савайи, двенадцать лет.

«Пусть слово возьмет самый объективный арбитр — наука», — решила комиссия. Савили сделали рентгеновские снимки зубов и убедились, что у него хоть и немного, но все же прорезались зубы мудрости.

— Ему, по крайней мере, восемнадцать лет, — сказал дантист.

— Савили двенадцать лет и ни годом больше! — упорно повторяли родители, пастор и учитель.

Сделали рентгеновские снимки его скелета и отослали в Новую Зеландию.

— Мальчику не меньше восемнадцати лет! — ответил врач.

— Двенадцать лет и не годом больше! — упорствовали непоколебимые адвокаты Савили.

Теперь уже затрагивалась их честь. Мальчик должен был иметь двенадцать лет. Савили не стал стипендиатом, но его адвокаты вернулись домой с таким объяснением случившегося, что это позволило им сохранить достоинство.

— Руководитель отдела здравоохранения,— говорили они,— отказался выдать справку о состоянии здоровья, так как Савили развит не по возрасту.

Джордж Ирвин год спустя после описанных событий посетил школу в той деревне, откуда был родом несостоявшийся стипендиат. Там он встретил тринадцатилетнего Неви, брата не по возрасту развитого Савили. На этот факт вряд ли стоило обращать внимание, если бы его имя, записанное в классном журнале, не звучало бы... Савили.

Недалеко от нашего дома расположилась деревня Магиаги. Она входила в Апия, но лежала немного в стороне. К ней вела полуразрушенная дорога, которая кончалась сразу же за деревней. Сюда редко заглядывали европейцы.

Дети в Магиаги были исключительно запущенными. Редко случалось мне обнаружить в одной школе такой большой процент недоедающих, больных хроническими гнойными инфекциями среднего уха, с плохим слухом, с паразитами в кишечнике и целой гаммой разнообразнейших кожных заболеваний. Одних только чесоточных было около 70%! Кроме того, мое внимание привлек тот факт, что много детей было просто грязных. Наконец, я нашла объяснение этому. Оказалось, что в школе нет воды, а точнее, водосборника, в который можно было бы собирать текущую по водопроводу тоненькую струйку воды.

— Вода идет только ночью, а днем вообще перестает капать. Если бы у меня был большой бак, я наполняла бы его ночью, а днем у нас была бы вода,— объяснила мне директор школы.

— Вы должны поставить вопрос о покупке бака на деревенском совете.

— Я уже несколько раз просила, но мне отвечали, что нет денег. А такой бак стоит несколько фунтов. На

другие расходы деньги находятся — и на церковь и на фиафия, а школа у них на последнем месте.

В тот же день мне представился случай познакомиться с одним из самых высокопоставленных ораторов Магиаги. Он пришел в помещение, где я осматривала детей, сел в углу на циновку и с интересом за мной наблюдал. Иногда он смеялся и от удовольствия похлопывал себя по бедрам.

— Я хочу, чтобы фомаи осмотрела моего сына, — сказал он, когда я закончила осмотр.

— С удовольствием. Приведите его сюда.

— Сын больной, лежит в фале.

Оратор был уважаемым членом деревенского совета, и я посчитала, что наступил подходящий момент напомнить ему о баке для воды.

— Состояние здоровья ваших детей хуже, чем во всех остальных деревнях на северном побережье. Школа находится в ужасных санитарных условиях, и если не удастся решить вопрос с водой, то я выступлю в отделе здравоохранения с предложением закрыть школу.

Оратор на какое-то время приуныл, но вскоре просиял и начал витиеватую речь о нуждах деревни, о делах более важных, чем прозаическая чесотка, о необходимости удовлетворить религиозные потребности и возрастающие расходы на нужды миссии... Если бы я не знала, что вожди Магиаги даже по самоанским стандартам чересчур увлекаются дорогими фиафия и обильными обедами из импортного писупо, я могла бы еще поверить, что передо мной сидит одухотворенный аскет, который ест только коренья и пьет воду из ручья.

Так как разговор о баке не клеился, я вернулась к его сыну.

— Сколько лет больному ребенку?

— Двадцать четыре.

Я хотела уже порекомендовать сыночку пойти на своих двоих в ближайшую больницу в Апия, но совесть врача в последнюю минуту не позволила мне это сделать.

Сын лежал на циновках в отличном настроении. От него разлило самоанским пивом фаамафу, отличительный признак которого состоит в том, что им, хоть и нелегально, можно напиться быстро, эффективно и дешево. Сыночка мучил «самоанский живот», к тому же он силь-

но страдал от безделья. Папочка внимательно наблюдал за осмотром и о чем-то шептался с санитаркой. Та в какой-то момент прыснула от смеха и быстро прикрыла рот ладонью.

— Он спросил, есть ли у вас муж,— сказала она по дороге в больницу.— Он сказал, что с удовольствием займел бы в доме невестку, которая умеет лечить!

Миссия против миссии

Значительный процент школ на Самоа остается в руках миссий: протестантских, католических, методистских, мормонских, адвентистских... Они руководят как начальными (на 127 государственных школ приходится 30 миссионерских), так и средними школами (в стране их семь государственных и 11 миссионерских). Особенно большую активность проявляют мормоны. В отличие от большинства миссионеров они располагают собственными значительными средствами и способностью к саморекламе. Они создали на Уполу и Савайи сеть школ, которые по своей типовой архитектуре похожи друг на друга, как близнецы. Однако эти школы представляют для самоанцев определенную притягательную силу из-за относительно высокого уровня обучения и хорошего оснащения учебными пособиями. Но, разумеется, самая главная приманка — возможность выехать на учебу или на работу в столицу мормонов, золотоносный Солт-Лейк-Сити, в Соединенных Штатах Америки.

Мормоны на Самоа хорошо организованы, уверены в себе и... нахальны. Они ходят от одного дома к другому, опрятные, улыбающиеся, выглядящие уж очень по-американски в своих белых рубашках и отутюженных брюках. Они все время носят с собой плоские папки. Апостолы по профессии, мормоны продают свою религию методами провинциальных коммивояжеров. Являются они всегда по двое.

— Хэлло, как поживаете! Мы хотим поговорить с вами о священном писании! — кричат они весело с порога.

Гостеприимство — первая заповедь общественной жизни на Самоа. Агенты светлой памяти Джозефа Смита уверены, что их не выставят за дверь, а отличаются

они небывалым упорством и решительностью. Пришли они как-то и к нам.

— Мы хотим рассказать вам о преподобном Джозефе Смите и истинах, открывшихся ему.

К сожалению, мы уже знали о преподобном Джозефе, золотых таблицах, архангелах и перевоплощении. Знали даже всех жен набожного пророка и «князя мормонов». Апостолы разочарованы и смотрят на нас с неудовольствием. Они выпивают без особого приглашения томатный сок со льдом и начинают копаться в своих папках. Затем вынимают из них рекламные листовки.

— Вот самая прекрасная в мире архитектура — собор мормонов в Солт-Лейк-Сити. В нем находится...

Я прошу прощения и выхожу в соседнюю комнату. Муж посылает мне вдогонку многозначительный взгляд. Он жалеет, что не ему первому пришла в голову такая мысль. Через неплотно прикрытую дверь я слышу монолог о штате Юта и странствиях паствы. Однако на таком расстоянии слова сливаются в безопасный шум и не мешают мне читать книгу. Я возвращаюсь только при звуках отодвигаемых стульев. Я застаю апостолов у открытых дверей в сад. Муж из последних сил старается сохранить любезное выражение лица. Зато апостолы не скрывают плохого настроения. Они обращаются ко мне и говорят вызывающе:

— Ваш муж сказал, чтобы мы больше здесь не появлялись.

Это был удар ниже пояса.

— Вы меня не поняли,— говорит муж, и я вижу, как у него дрожат от сдерживаемой ярости мышцы лица.— Мы всегда вас рады видеть. Но мы не подготовлены к диспуту на религиозные темы. Мы могли бы поговорить о погоде или международном положении. О Джозефе Смите и золотых таблицах мы не можем разговаривать!

Они уходят, не попрощавшись.

Наш хороший приятель, католический священник, который до того, как обнаружил у себя миссионерскую жилку, был лектором по теологии в одном из духовных семинаров во Франции, рассмеялся, когда мы рассказали ему о наших перипетиях.

— Не огорчайтесь! — говорит он.— Меня тоже обращали и хотели объяснить мне священное писание. Когда

же я им доказал, что они не имеют о нем ни малейшего понятия, то ушли смертельно обиженными.

Мормоны вообще не пользуются симпатией на Самоа. Священники других сект обвиняют их в нахальных способах обращения или, вернее, в подкупе душ верующих, состоящих членами других братств. Нормальных людей раздражает их агрессивность. Мормоны не без основания жалуются на трудности, которые они испытывают с язычниками, так как самоанцы примерно с 1830 г. исповедуют христианство. Винить в этом следует преподобного Джона Уильямса. Он прибыл на Самоанские острова на несколько десятков лет раньше мормонов и испортил им всю работу. Уильямс приплыл в 1830 г. на ларуснике, который, как гласит общинное предание, птицей с небес опустился на Савайи.

— Папаланги! (Пришельцы с неба!) — воскликнули аборигены и за одну ночь под влиянием чудесного явления приняли христианство.

В действительности дело обстояло несколько иначе. Вся страна обратилась в новую веру в рекордно короткий срок, но причины этого миссионерского успеха были сложными. Самоанцы имели постоянные контакты с островами Фиджи и Тонга, где миссионеры осели несколькими годами раньше. Религия белых пользовалась там всеобщим уважением, благодаря материальным выгодам, которые она предоставляла.

Перед тем как на Самоа прибыл Уильямс, там был убит ненавистный жрец из Маноно. Великий вождь Малиетоа Ваинупо использовал это убийство для того, чтобы начать войну за политическую гегемонию и титул короля всего Самоа. Именно в тот момент, когда он нуждался в поддержке, на острове высадился Джон Уильямс с великолепными дарами и безграничным престижем новой веры. Он прекрасно умел вести себя среди титулованных особ и сам не распространялся о своих делах. Для этого он привез с собой оратора, молодого самоанца с Тонга, который знал язык и обычаи. Так как же здесь не верить небесному знаменю!

Малиетоа сразу понял, что присутствие миссионеров поднимет его авторитет и облегчит борьбу за власть. Поэтому он принял их как настоящих папаланги, обещал им свою помощь, гарантировал безопасность и быстро позволил себя окрестить. Вслед за ним приняли хри-

стианство наиболее влиятельные вожди. Своим авторитетом и угрозой изгнания они принудили принять христианство остальное население. Малиетоа не ошибся. Он стал Тупу Самоа и на утеху своей старости (ему тогда было шестьдесят) приобрел за подарки миссионеров новую молодую жену.

На китобойцах и других кораблях, плавающих в Тихом океане, быстро узнали о том, что на Самоа живут христианские учителя, а местные жители дружелюбно относятся к европейцам. Все больше авантюристов и искателей приключений прибывало на архипелаг и оседало среди местного населения, часто выдавая себя за проповедников новой веры. Самоанцы их охотно принимали, так как обладание собственным «жрецом рода» поднимало их престиж.

Джордж Тернер, один из первых миссионеров на Уполу, записал в своих воспоминаниях² подлинный рассказ одного самоанца о том, как матрос-дезертир обратил его в христианство. «Новая религия распространялась в нашей деревне. Люди один за другим принимали новую веру, съедали воплощения духов и ничего плохого с ними не случалось. Поэтому и я решил попробовать. Морской угорь и осьминог были воплощением богов, почитаемых в нашей семье. Я раздобыл их, а потом отослал с вопросом, должен ли их съесть или сначала принять новую религию? Мне ответили, чтобы я сначала принял новую веру. Я тут же пошел к дому белого человека. Я сказал ему, что исповедую его религию и буду прославлять только одного бога. После этого я приготовил угря и осьминога и съел кусочек каждого из них. Пришла ночь. Я ждал — заболею или нет? Ночь прошла, наступил день, затем прошел следующий день. Я чувствовал себя хорошо и поэтому решил, что бог белого человека могущественнее самоанских богов».

За протестантами прибыли методисты, католики, мормоны, свидетели Иеговы... Нет, вероятно, на свете такой секты или группы христиан, которая не имела бы своих приверженцев на Самоа. Ничего нет удивительного в том, что в борьбе за души между миссиями быстро дошло до не брезгующей никакими средствами

² George Turner. Nineteen years in Polinesia. London, 1861.—
Прим. авт.

конкуренции. Начало ей положило Лондонское миссионерское общество, которое в 1845 г. уговорило вождей из Апиа не допустить, чтобы к берегу причалила лодка с католическими миссионерами. Когда же католики все-таки сошли на берег (правда, на несколько миль дальше предполагаемого места высадки), протестантские священники, не примирившись с этим, различными способами старались подорвать авторитет папистов.

До конфликта дело дошло в 1926 г. В тот год на Уполу заседал синод. Один из пасторов обратил внимание его участников на статью, появившуюся в американской прессе. В статье сообщалось, что в Ватикане есть глубокий колодец, куда бросают детей священников и монахинь. Пастор предложил опубликовать этот факт в самоанской прессе, чтобы он послужил предостережением всем желающим перейти в католицизм. Этого не сделали, но так как официального запрещения тоже не было, сплетня быстро разошлась по островам. В католических кругах наступило смятение. Одни паписты путем рукоприкладства пытались доказать превосходство своей веры, другие, глубоко потрясенные дискредитирующей вестью, покидали церковь. Самоанская католическая газета в пылу полемики только подлила масла в огонь, когда на ее страницах появились фразы такого содержания: «клеветники — это грязные саламандры, похожие на собак, которые пренебрегают хорошей пищей и пожирают отбросы на пляже».

Этого только и ждали протестанты. Они немедленно поместили в своей прессе статью, полную сожалений по поводу грязного языка папистов. В заключение было подчеркнуто, что от таких людей, разумеется, всего можно ожидать... Католический епископ решил передать дело в суд. Однако до скандала дело так и не дошло благодаря вмешательству новозеландского администратора. После «конференции за круглым столом» с участием представителей от противоборствующих миссий скандал удалось замять. Сегодня, кроме случаев личной неприязни, борьба между миссиями во многом утратила свою первоначальную остроту. Она превратилась скорее в соперничество за количество и качество воздвигнутых святынь и резиденций пастырей.

Если бы меня спросили, какое у самоанцев национальное хобби, я бы не колеблясь ответила — строи-

Каменные церкви в деревнях — причудливый контраст с простыми фале самоанцев

тельство церквей. Протестантских, католических, адвентистских и каких только душа пожелает! Новые церкви растут, как грибы после дождя. На одном только участке побережья между Апия и аэродромом Фелеоле длиной в двадцать две мили я насчитала их... тридцать четыре! Эта страсть, к сожалению, не распространяется на консервацию уже существующих зданий. Самоанцы, вероятно, действуют по принципу: то, что должно развалиться, пусть разваливается. И рядом с «руинами» античного типа, выстроенными пятнадцать лет назад, они ставят новую святыню.

И какие церкви! Часто они напоминают знаменитые европейские соборы, этакие «нотрдамы», возвышающиеся среди крытых соломой крыш самоанских деревень, или же византийские базилики с коническими крышами...

Как-то раз мы отправились со знакомым священником на другую сторону острова. Мы искали для варшавского Этнографического музея традиционный самоанский крючок, на который ловят тунцов. Наш приятель обещал достать такой крючок вместе с блесной в деревне Сафата.

— Я знаю, у кого он есть. У вождя, которому несколько лет назад я оказал одну любезность. Он не сможет мне отказать.

Наш знакомый — приходский священник в Сафата. Так как ему была присуща большая доза здравого смысла, к тому же он пользовался большим авторитетом среди местного населения, ему удавалось несколько раз предотвратить неприятности, вызванные старыми родовыми спорами. Священник сумел довести их до любовной развязки таким образом, что ни одна из сторон не почувствовала себя ущемленной. Благодаря ему мирно закончились раздоры между двумя вождями с очень высокими в самоанской иерархии титулами. История эта словно позаимствована у Шекспира. В Сафата точь-в-точь повторилась драма Ромео и Джульетты. Самоанский Ромео сбежал в лес с доморощенной Джульетой, и разъяренные аинги собирались уже сводить кровавые счета. Наш приятель скромно умолчал, какие макиавеливы трюки ему пришлось применить, чтобы умиловить жаждущих мести патрициев. Достаточно сказать, что молодая пара рука об руку вошла на брачную циновку в местной церкви, а их семьи вместо того, чтобы убивать друг друга и уничтожать имущество, дружно поделили поросенка на свадебном пиру.

Через несколько лет пришло время расплаты. И теперь ни один самоанец из деревни не может отказать священнику.

— Мне нужен твой крючок с блесной для ловли тунцов, — сказал падре дяде экс-Джульетты.

Мы наблюдали за ними с некоторого расстояния. Понятно, что вождь был не в восторге от просьбы, но вошел в фале и через минуту принес на ладони небольшой предмет. Попрощавшись, священник возвратился к нам с крючком из прекрасно отполированного перламутра. Такие примитивные приспособления для рыбной ловли, раньше очень популярные на Самоа и других островах Океании, сегодня имеют музейную ценность. Только очень немногие рыбаки пользуются ими при рыбной ловле. Их с благоговением хранят, как и любые другие старые традиционные вещи. Впрочем, они всегда высоко ценились, и вожди самого высокого ранга считали делом чести иметь у себя собственную богатую коллек-

цию. О выдающемся матаи даже льстиво говорили, что он словно «знаменитая блесна для ловли тунцов».

Самоанцы не относятся к людям, которые охотно расстаются за деньги или вещи, порой очень ценные, с предметами, унаследованными от предков. Они привыкли передавать их в семье из поколения в поколение. Это, прежде всего, относится к ценным циновкам иетонга и тканям снапо, молотилам, украшениям из зубов дикого кабана. У них есть прекрасная черта характера: самоанцу легче подарить ценные предметы в доказательство дружбы или благодарности, чем их продать. Поэтому нас мучили угрызения совести. Ведь мы присвоили себе то, чего хозяин наверняка не лишился бы без морального нажима.

— Не печальтесь,— утешил нас священник,— такие крючки еще кое-где встречаются на Самоа, но при нынешнем половодье туристов, наверное, скоро исчезнут. Хорошо, что этот экземпляр попадет в музей, а не к частному коллекционеру, который не в состоянии ни оценить его стоимость, ни сберечь от уничтожения... А что касается меня... я уверен, что мой друг-вождь вскоре заявится в приход и скажет, что ему нужна моя самая лучшая циновка. И тогда я, в свою очередь, не смогу ему отказать.

Наверное, так оно и случилось.

Около Сафата, у деревенского малаэ, стоит церковь. Издалека и в полумраке она похожа на памятник трудно определяемой эпохи, перенесенный ради нелепой шутки к самоанским хижинам. Толстые, некогда белые стены поросли сейчас коричневым мхом и потрескались вдоль грязных подтеков. Маленькие оборонительные оконца, скопированные с романских храмов, деформированные, преувеличенные в масштабе колонны, и уродливая ни то башня, ни то горб с неуклюжим рельефным крестом. На стене дата — 1956...

Как и десятки других церквей на Самоа, верующие воздвигли ее в порыве душевного подъема и честолюбия, желая «себя показать», продемонстрировать, что они не хуже протестантов или адвентистов, построивших свою церковь рядом... Без расчетов и планов, благодаря усилиям всей деревни появилось на свет это незаконно-

рожденное детище неумения и энтузиазма. Целыми днями носили молодые мужчины с далеких рифов осколки кораллов и ночами выжигали из них на пляже белую известь... Они выкапывали из земли тяжелые камни и возводили стены святыни. После нескольких месяцев изнурительного труда и самопожертвования церковь построили. Но уже через десять лет новый приходский священник стал жаловаться на неудачное покрытие, плохую акустику и ошибки в конструкции. В ближайшее время он собирается построить новую церковь.

В стране, вечно борющейся с огромными финансовыми трудностями, где нет средств на строительство дорог, больниц, школ, канализационной сети и водопровода, всегда найдутся деньги на миссионерские цели. Как это делается? Откуда берутся наличные, когда потратить несколько шиллингов на лекарство ребенку для большинства людей невыполнимая задача?

— Мы делаем это фаасамое, старым способом дохристианских времен. Вождь накладывает на какое-то время *са*, табу на плантацию бананов или копры. Деньги, вырученные за продажу урожая, предназначаются на миссионерские цели,— информировал меня вождь со степенью магистра философии Новозеландского университета.

— Табу?! И люди его придерживаются?

— Конечно! Это самый лучший способ уберечь плантацию от воров.

— А как это делается?

— Есть много способов, но самый популярный — талисман крысы. Наверняка ты его не раз видела. Это такая маленькая корзиночка из пальмовых листьев, в которую кладут сорняки. Ее вешают на дерево охраняемой плантации. Если кто осмелится сорвать плоды с этих деревьев, то все знают, что крысы съедят у него циновки и одежду.

— А какие есть другие способы?

— Можно на тропинке, ведущей к плантации, закопать десять маленьких кокосовых орехов. Тело того, кто украдет или уничтожит деревья, покроется нарывами и язвами.

На Самоа священники всех сект и их семьи находятся на полном иждивении верующих. Священники занимают высокое положение в общественной жизни.

Практически они равны матаи высокого ранга. Они заседают на почетных местах в деревенском совете фоно и вместе с вождями родов получают самых вкусных кур, свиней и свежую рыбу. Богатый дом приходского священника — часто единственный в «европейском» сгиле на целую округу — дело престижа для деревни и представляемой ею секты. Пасторы, как и все люди, бывают разные. Часто они полны доброй воли, но, поднятые на пьедестал и наделенные властью, утрачивают чувство меры. Случаются также, сейчас, правда, уже редко, случаи злоупотребления религиозным влиянием миссии. Такой инцидент, завершившийся в суде, произошел перед нашим приездом на Самоа³.

Во время синода одной религиозной секты оратор с Савайи по имени Таутала подарил сто акров земли миссии для постройки на ней школы. Оратор объявил всем, что таким даром он хочет обеспечить себе место в раю. Его слова были встречены овацией присутствующих. Однако руководитель секты обратился в суд с просьбой утвердить право миссии на использование тысячи акров земли. Каким образом сто акров превратились в тысячу, никто сказать не мог. Руководитель секты в письме секретарю по самоанским делам высказал даже пожелание произвести обмер земли. Чтобы оказать жертвователям финансовую помощь, он готов был даже понести... половину расходов. В том же письме священник открыто заявлял, что желает включить в границы своей территории горный источник Сина, который был единственным для нескольких деревень, расположенных ниже.

Дело пошло в суд. Во время осмотра местности оказалось, что на землях, так щедро пожертвованных миссии (заметим — лучших на Савайи), находились также плантации других деревень, которые совсем не торопились занять лучшие места на том свете. На вопрос, откуда люди, лишенные земли, получают средства существования, Таугала охотно ответил, что... миссия, если она останется довольна, даст им, наверное, немного еды.

— А что станет с членами других религиозных групп? Они тоже будут получать еду со своих собственных плантаций?

³ Факт приведен на основе доклада: С. С. Marsack. *Samoa* Medley. London, 1961.— *Прим. авт.*

— Не знаю,— коротко ответил оратор.— Решать будет миссия. Наверное, им можно будет помочь, если они примут нашу веру...

Суд, правда, отверг петицию. Но дело на этом не кончилось. Члены рода Таутала, жаждущие мести за торпедирование их благочестивых намерений, подожгли два дома, которые стояли на плантации. И вот вам самая большая несправедливость в этом мире — вместо рая оратор Таутала попал в тюрьму.

Краковянка в Апия

Самоа готовилось праздновать пятилетие независимости. Все деревни и учреждения Апия соревновались в идеях, как лучше отметить памятную дату. Правда, дата приходилась на первое января, а формальное празднование традиционно проводилось в первые дни июня. В этом году праздник должен был затмить все, что Самоа видело до сих пор.

— Будет парад флутов¹, — сказала Аделаида Хиксон на собрании «женщин ООН», как обычно называли жен представителей этой организации. — Есть предложение, чтобы наше бюро тоже выступило со своим флутом, и я уже продумала, как он должен выглядеть.

Идея не встретила возражений. На украшенном цветами автомобиле с эмблемами различных агентств ООН должна была ехать наша детвора в национальных костюмах, держа в руках флажки различных стран.

— Они получат корзины с цветами и будут бросать цветы в толпу и на трибуну, — решили мы.

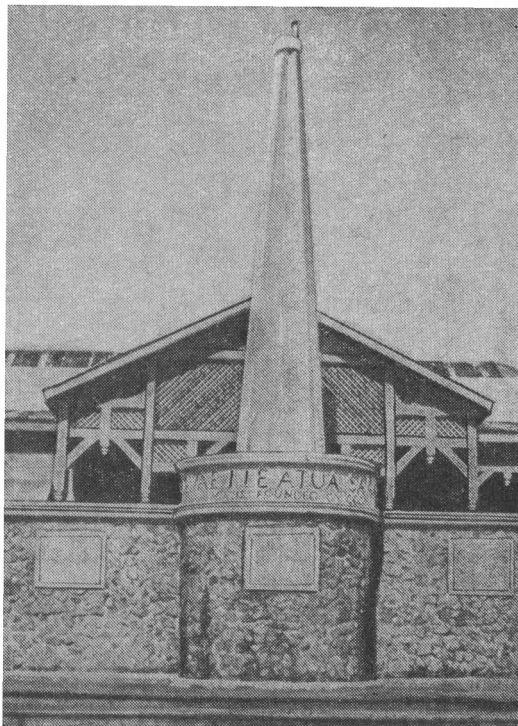
Когда приготовления далеко продвинулись вперед, мне позвонила Аделаида и сообщила:

— Женщины боятся отпускать детей одних. Неизвестно, сколько времени будет длиться шествие. Может быть, им придется сидеть на платформе несколько часов. Ты ведь знаешь, как это бывает. С ними должен быть кто-то из взрослых, чтобы в случае чего им помочь. Мы решили, что поедешь с ними ты.

— Почему я?

— Потому что ты врач. Чтобы не бросаться в глаза, наденешь какой-нибудь польский национальный костюм.

¹ Флуот — платформа, украшенная цветами, которую обычно везут на автомобиле. — *Прим. авт.*

Памятник в честь принятия Декларации независимости Западного Самоа

У меня екнуло сердце. Я закрыла глаза и представила себе ужасную картину: я сижу на украшенном цветами автомобиле, на моей голове венок с пучком лент, на спине расшитый сердак², одной рукой я щедро осыпаю цветами зевак, а другой — потрясаю букетом разноцветных флажков. К моим ногам льнет детвора: маленький санкюлот из Франции, китайский мандарин и самоанский матаи в миниатюре... Играет оркестр, толпа выкрикивает приветствия. Эй! Вот краковянка! Я содрогнулась.

— Я предпочитаю бежать за флуотом. Я возьму

¹ Расшитая безрукавка карпатских горцев.

сумку с какими-нибудь напитками и лекарствами, а дети пусть едут одни.

Но тут возникла еще одна проблема. Во что одеть Магду? У всех мам были какие-нибудь фольклорные наряды, или они что-нибудь сами сшили своим детям. Маленькая Анита Реди выглядела как салатное привидение в своем индийском сари, украшенном блестящей бижутерией. Джойта — сын руководителя бюро ООН — в набедренной повязке сиапо и в ожерелье из зерен пандануса был настоящей копией самоанского матаи. Большеглазый Жан Франсуа в полосатых трусиках и красном фригийском колпачке больше напоминал прелестную Марианну, чем грозного санкюлота. А Магда? Что делать с Магдой?

— Послушай, мне ничего не остается, как сшить Магде краковский костюм.

— Кто тебе его здесь сошьет?

— Я сама!

Збышек отнесся к моей идее недоверчиво и без энтузиазма. До сих пор моим единственным достижением в области кройки и шитья была рубашка, которая безуспешно претендовала на положительную оценку в гимназии. Так как моя семья и подруги, которым я демонстрировала этот экземпляр, спрашивали не без злорадства, не собираюсь ли я стать святым отшельником, я забросила все попытки продвинуться в этой области, но в душе сохранила убеждение, что меня несправедливо обидели, и если бы я только захотела, то ого-го!

Я немедленно приступила к работе. Взяла кусок черного сукна на сердак, старое платье с цветочками, белые кружева, цветную бумагу и ленты. Из всего этого я должна была создать наряд краковянки. Две недели я кроила и метала, обливаясь потом, и недосыпала. Я уже израсходовала столько черного сукна, что половину Самоа можно было облачить в расшитые сердачки, а тот один-единственный все еще не хотел выглядеть так, как следовало.

— Хватит! — рассердился Збышек, когда до праздника независимости оставался один день. — Я не буду писать прошение президенту, чтобы он отложил празднование из-за сердачка Магды. Пусть будет такой, какой есть.

Нас выручила цветная бумага. Збышек купил клей,

склеивающий буквально все, и на черном материале появились блестящие звезды, листья и цветы. К этому мы добавили красные ленты, бусы. Теперь начало получаться уже что-то похожее на национальный костюм.

Но что надеть на голову? Обычный венок казался нам мало интересным.

— У меня есть идея,— сказал Збышек.— Принеси-ка мне старую метлу, которой метут газон.

За пятнадцать минут мы соорудили высокие строительные леса в форме короны. На следующий день утром до начала парада прикрыли их свежими гибискусами — красными сверху, белыми — у основания. Затем прицепили к нашей конструкции пучок бело-красных лент.

— Это корона невесты из краковского района,— объясняли мы скромно тем, кого удивляло великолепие головного убора Магды.

Несколько слов о моде

Во время июньского праздника костюмы и моды на короткое время оказались в центре внимания общественности. Этот интерес спровоцировал большой показ полинезийской моды в Апия, организованный за несколько дней до начала конференции по случаю международного года туризма. На нее съехались делегаты заинтересованных районов Тихого океана, представители больших и малых туристических агентств, в том числе и от Соединенных Штатов Америки. Показ прошел успешно. Модели, которые в качестве исходного образца брали платья, пропагандируемые в свое время на островах Тихого океана миссионерами, выросли из возраста благочестивой скромности и перешли в пору утонченной простоты. Вопреки первоначальным замыслам аскетов, они годились теперь выполнять более значительную роль, нежели просто прикрывать нескромные округлости.

В прошлом, до того как европейские моряки завезли сюда ситцы и стеклянные бусы, а миссионеры заклеямили наготу, самоанцы в будни носили *тити* — набедренные повязки из листьев ти. Носили их как женщины, так и мужчины, причем последние ограничивались часто фартучком из листьев, оставляя покрытые искусной та-

туировкой ягодицы открытыми. По случаю свадьбы, приема гостей или другого праздника вместо тити они использовали кусок ткани сиапо или циновки иетонга, которые обматывали вокруг бедер.

Много заботы островитяне уделяли прическе. У самоанцев очень красивые волосы — густые, блестящие, цвета воронова крыла. Встречаются волосы более светлые, даже рыжевато-коричневые. Обычно они немного волнистые и только у лиц с примесью меланезийской крови — волнистые или курчавые. Женщины, благодаря усилиям миссионеров (которые причисляли короткие волосы наряду с татуировкой, тити, ночными танцами, многоженством, обнаженным бюстом и мытьем по воскресеньям к козням дьявола), носят, как правило, длинные волосы, собранные в тяжелый пучок на затылке.

Однако сто лет назад все было иначе. По традиции замужние женщины обрезали волосы, но девушки в зависимости от вкуса вообще могли брить головы, для чего им служили зубы акулы, или оставить легкомысленные длинные прядки на одном или двух висках. Могли они также кокетливо выбрить полоску между лбом и затылком, позволяя волосам свободно расти по бокам. Такими же возможностями обладали и мужчины. Одни ходили с длинными, свободно распущенными волосами, у других они были собраны на затылке и искусно завиты, у третьих — заколоты вокруг головы наподобие шапки и окрашены в желтый цвет. Иногда их укладывали локонами и красили в красный цвет.

К ежедневным косметическим операциям у самоанцев относилось натираение тела различными маслами. Некоторыми они пользуются и по сей день. Это, например, кокосовое масло *лоло*, которое не имеет никакого запаха. Отжимали масло на примитивных прессах. Масло защищает кожу мужчин, отправляющихся на рыбную ловлю или работающих на плантации, от воздействия солнца и морской воды. Им натираются перед работой.

Относительно скромное развитие получило на Самоа искусство изготовления украшений и бижутерии. Богатство цветов и листьев, из которых плели красивые венки и ожерелья, ограничивало потребность в ремесле такого рода. Кроме ожерельев и браслетов из зубов нижней челюсти кита и менее ценных, но более доступных клыков кабана, самоанцы изготавливали ожерелья и головные

уборы, украшенные ракушками. Один из видов, моллюск наутилус, считался особенно ценным. Он не встречается на Самоа, и его привозили для вождей высокого ранга с архипелага Тонга.

Ценились также в декоративном искусстве перья тропических попугаев — местного «сенга самоа» и привозного с Фиджи «сенга фити». «Сенга самоа» — редкая птица. К тому же красные перья образовывали оригинальный маленький пучочек на его груди. Поэтому, несмотря на то что на этих птиц было наложено табу, а украшения из их перьев могли носить матаи только самого высокого ранга, эти попугаи были почти полностью истреблены еще в прошлом веке. Они погибли не столько для удовлетворения личного, сколько родового тщеславия, так как большинство перьев этих птиц пошло на красивую бахрому тонганских циновок. Сейчас меньше внимания уделяется ценности предмета, поэтому вместо перьев уникальных попугаев используются заменители, которые представляют собой крашенные перья кур или уток или же просто красную шерсть.

Очень интересными тропическими птицами являются фаэтоны, белые перья которых использовались в народном декоративном искусстве, а также шли на приманку при рыбной ловле. Самоанцы считают их олицетворением верности и семейной привязанности. Эти черты птиц используются при охоте на них. Обычно отыскивают гнезда и найденным в них птенцам протаскивают сквозь ноздри тоненькую ниточку, которую завязывают вокруг горла. Птенец может пищать, но не глотать. Обеспokoенные родители возвращаются к гнезду. Здесь их настолько сбивает с толку состояние птенца, что птиц можно без труда поймать. Самоанцы утверждают, что если птиц в таком положении предоставить самим себе, то они умрут с голода, но не оставят птенцов.

Времена изменились. Изменилась и мода. *Пулетаси* из одежды, навязанной чужеземцами, превратилось в такое же распространенное самоанское понятие, как писупо. Самоанки, наделенные от природы умом и хорошим вкусом, преобразили его в идеальную модель для своих несколько буйных форм.

Пулетаси состоит из слегка приталенной длинной блузки и достигающей щиколоток, не зашитой на боку юбки, обматываемой вокруг талии, у которой достаточно

широкая подшивка, чтобы можно было садиться по-турецки, не обнажая ног. В зависимости от фактуры, качества материала и его цвета одна и та же модель может быть использована как вечернее и повседневное платье, как униформа и купальный костюм. Да-да, именно купальный костюм, потому что во время рыбной ловли и сбора крабов на рифах у самоанок всегда прикрыты бедра — места, которые с их точки зрения следует закрывать раньше всего. Когда они купаются в общественных деревенских бассейнах, то, не задумываясь, обнажаются по пояс, но никогда не сбрасывают лавалава с бедер. Впрочем, обычай прикрывать бюст характерен в принципе только для европейских женщин. Самоанки беспечно купаются полуобнаженными в смешанном обществе, не вызывая ни у кого возмущения, и только при виде приближающихся иностранцев быстро подтягивают лавалава.

Мода на короткие юбки прививается на Самоа медленно и с трудом. В школах введены, правда, мундирчики европейского покроя, и молодые девушки охотно носят коротенькие платьица, но только до поры до времени. Вместе со зрелостью к ним приходят полнота, новые обязанности и — пулетаси. Да и кто в состоянии часами сидеть по-турецки на циновке и обсуждать с женским комитетом дела деревни, когда узкое платье жмет, а комары немилосердно кусают голые икры!

Нам нравилось наблюдать, как местные жители высыпают из ворот церквей в воскресный полдень. За женщинами в белых пулетаси и в смешных плоских шляпках, сплетенных из пальмового лыка и украшенных цветами, за мужчинами в изысканных лавалава и пиджаках. Все они в галстуках, у каждого в руках Библия и зонтик... Все высокие и полные, наделенные какой-то врожденной элегантностью и грацией, которым нельзя научиться. При своей безукоризненной элегантности они почти все шли босиком. Более того, мы часто видели на официальных приемах босоногих государственных деятелей, одетых в темные костюмы в самоанском исполнении или в лавалава вместо брюк. А если подумать, то почему бы им не ходить босиком? Почему самоанцы должны втискивать свои широкие и мощные ступни, привыкшие к раскаленному песку и острым коралловым рифам, в европейские ботинки?

Разве не могут они из заморской цивилизации взять себе только то, что им удобно? Почему босая комиссия в лавалава и с цветами за ушами должна быть менее компетентной, чем одетая в лакированную обувь? Действительно, почему?

В Апиа можно часто встретить подростков с соседнего Паго-Паго. В отличие от земляков из Апиа, они в большей степени подверглись американизации. Разумеется, американизации поверхностной, выражающейся больше в форме поведения, чем в уровне образования и жизни. Главнейший реквизит этой золотой молодежи с острова Тутуила — ковбойские ботинки. Жалко было смотреть на этих ребят, как они беспомощно прихрамывают и морщатся от боли, пройдя несколько сотен метров. Ведь высокие голенища и каблуки подвергают весьма тяжелому испытанию ноги, сотворенные для ходьбы босиком.

Странное впечатление производит Восточное Самоа, где американцы хозяйничают на протяжении десятилетий. В Паго-Паго есть аэродром и отель, ориентирующийся на туристов. В отеле есть купальный бассейн, отличный бар, ночной ресторан, а все действительно саманское отошло на второй план. Бедные деревни, заброшенные фале, сады, заросшие сорняками, запущенные плантации...

Таро и бананы ввозятся с Западного Самоа, так как Восточное не в состоянии покрыть свои потребности в этих элементарнейших пищевых продуктах. Среди молодежи в устрашающем темпе растет преступность, а любимый спорт таких же самых ребяташек, которые на Уполу и Савайи выбегают на дорогу, чтобы поздороваться с проезжающими туристами,— метание камней в автомобили папаланги...

На Западном Самоа поражает забота о сохранении древних традиций даже в мелких, казалось бы, несущественных деталях. Вернемся, например, к демонстрации мод. Все там было очень космополитично. Манекенщицы выходили на эстраду, покрытую банановой циновкой, прохаживались по ней с минуту, грациозно покачивая бедрами. Затем выходили другие, и так до тех пор, пока все модели не были продемонстрированы и все девушки, представлявшие цвет местного «общества», не продемонстрировали свои прелести.

Самоанцы остались, однако, не в восторге от этого показа и через несколько дней в большом сарае на Прибрежной улице организовали свой. Можно даже сказать антипоказ. Организовали его женские комитеты всех самоанских деревень с целью сбора средств на строительство своего помещения в Апиа. Дом был нужен и для размещения администрации, и для проведения собраний, и под общежитие для делегатов из глубинных районов острова, и для детской консультации. Чего только не планировали разместить в этом доме. Однако средства комитета оказались весьма скромными. Европейцам казалось, что женщины берутся за непосильное для них дело. Были куплены только самые необходимые материалы. Рабочая сила была бесплатная, да и все работы производились без оплаты. Специалисты со своими бригадами каждое утро принимались за работу, и все новые группы женщин приходили им на помощь, заботились о еде и напитках (безалкогольных!), подбадривали песнями. Когда же деньги были абсолютно необходимы, то организовывались какие-нибудь мероприятия и все поступления шли на латание дырок в бюджете. То же самое было и на этот раз.

Входные билеты не имели определенной стоимости. У дверей, ведущих в зал, сидела Саламасина Малиетоа, сестра президента, которая по самоанским традициям занимала пост председателя женского комитета. Она принимала от гостей пожертвования, размер которых тщательно записывала в специальном блокноте. Зал был украшен свежими листьями и цветами. Эстрада со стороны, обращенной к публике, была так густо усыпана цветами, что они образовали настоящий гобелен. От запаха цветов и пахучих масел, которыми были натерты тела женщин, кружилась голова.

Началась демонстрация. На эстраду одна за другой выходили группы женщин из отдельных деревенских комитетов. Молодые девушки и старухи проходили по авансцене, пели и танцевали сиву. Все по очереди оказывались в центре внимания публики; на них направляли свет прожекторов, и они, не переставая танцевать, отступали к колышущейся разноцветной группе на втором плане. Иногда какая-нибудь девушка, может быть, таупоу в своей деревне, а может быть, дочь какого-нибудь великого вождя, задерживала на более длительное

время внимание зала. Она танцевала с кротким обаянием, улыбающаяся и спокойная. Вокруг нее прыгали и покрикивали старухи с перекошенными лицами. Они старались, создавая определенный контраст, обратить особое внимание присутствующих на красоту девушки. Впрочем, старухи танцевали, пожалуй, лучше других. Они не только образовывали фон для молодости. Наоборот, несмотря на дородность и сморщенные лица, танцевали легко, движения их были чрезвычайно точны, а каждый жест, каждый изгиб пальца и ладони сам по себе был произведением искусства.

Платья этих необычных манекенщиц, сотканые из листьев и свежих цветов разноцветных гибискусов, удивительных темно-лиловых лепестков банана, красного и розового имбиря, белых цветов китайской розы, были необыкновенны и неповторимы. Сухая многослойная, как луковая кожура, кора банановой пальмы послужила материалом для создания изысканных юбок, увядшие листья деревьев и кустов пошли на чудесные юбочки, лифчики, венки и короны.

Реакция зрительного зала была бурной. Когда же на эстраду выскочил строитель и в окружении своих подмастерьев сплясал сиву, из зала на авансцену посыпались монеты достоинством в несколько шиллингов. Но энтузиазм достиг своего апогея в тот момент, когда на фоне танцующих манекенщиц выступили по очереди все *масифо*, жены «королевских сыновей», женщины, по традиции занимающие высокое положение, представлявшие тем самым президиум правления женского комитета. Танцевала Масиофу Фетауи, жена премьер-министра Матаафа; Масиофо Телеиса Малиетоа, жена президента, и, наконец, самая достойная среди них, обожаемая всеми самоанцами, первая дама страны, седовласая Саламасина Малиетоа. Не мать и не жена самого великого вождя удостоивается чести, подобной королевской в монархических странах, а самая старшая сестра правителя.

С легендарных времен редко кто пользовался такой популярностью и уважением, как Саламасина. Когда она начала танцевать сиву (последний танец этого вечера) и отвесила изысканный поклон собравшейся публике, к ее ногам посыпался дождь монет. Ежеминутно поднималась какая-нибудь женщина и в ритме мелодии приближалась к эстраде. Она покрикивала, похлопыва-

ла себя по бедрам, плечам, лицу и, высоко держа над головой однофунтовый банкнот, размахивала им, как знаменем. Каждый должен был его увидеть и оценить по достоинству. Потом его положили к ногам танцующей среди других банкнотов и серебряных монет. После представления деньги аккуратно собрали, пересчитали и отложили на покупку необходимого инвентаря для только что построенного центра. Так выглядел «антипоказ» моды, и так самоанские женщины фаасамое строили новое здание для своего комитета.

Большой парад

Какие еще мероприятия проводятся по случаю праздника независимости? Ежегодно устраиваются гонки длинных весельных лодок, конные скачки, ну и, разумеется, гвоздем программы является большой парад у мыса Малинуи. Сразу после появления на трибуне главы государства и исполнения государственного гимна раздается громкая артиллерийская пальба, и синий дым окутывает толпу. Прежде чем ветер развеет запах пороха, духовой оркестр начинает играть вальс, и президент приступает к смотру участников войны.

Ритмично и грациозно идет Малиетоа вдоль вытянувшихся по стойке смирно самоанцев, новозеландцев, американцев и... немцев. Этот самоанский либерализм по отношению к солдатам бывшей третьей империи кажется нам немного гротескным. Разумеется, они были далеко от адского котла, кипевшего в Европе. Это были «свои» немцы, женившиеся на самоанках, дети которых ехали в Германию, чтобы получить диплом и пообтесаться в свете.

Хотя наши местные приятели слышали об ужасах войны в Европе и были потрясены фотографиями в нашем альбоме «Не забудем», но... не видели ничего порочного в том, чтобы сыновья немца и самоанки, Франц или Ганс, воевавшие в рядах вермахта, стояли теперь плечом к плечу с Жаном или Джоном, бывшими солдатами его королевского величества короля Георга.

После смотра участников войны президент вместе с премьером становится на возвышение, и начинается парад. За ними, в фале фоно, толпится местная и иностранная знать с женами в шляпках и перчатках. Про-

ходят подразделения столичной полиции в серых лавалава и шлемах, деревенские полицейские в белых лавалава, делегации деревенских женских комитетов, скауты, школьники... Оркестр играет ритмично, хоть и фальшиво, марши и вальсы. Голые плечи премьеры Матаафы, натертые кокосовым маслом, блестят от пота, а на спине серого пиджака президента расплывается большое мокрое пятно... Группа иностранцев задыхается в фале, окруженном толпой, и с облегчением приветствует начало парада. Президент садится в «кадиллак». За ним в «шевроле» едет премьер Матаафа. На нем красивая набедренная повязка из традиционной сиапо и ожерелье из оранжевых панданусов. Потом трибуну по очереди покидают: верховный комиссар Новой Зеландии, президент-представитель ООН и группа крупных и мелких савонников. Но толпа не расходится. Люди садятся на траву и ждут начала большого народного гуляния, которое проводится каждый год.

На малаэ перед парламентом далеко за полночь танцуют и поют школьные коллективы, девушки и юноши из различных деревень и островов архипелага, молодые люди и старики. Они выбивают ритмы на свернутых в рулоны циновках, стучат бамбуковыми палками, имитируют движением тела рыбную ловлю, вспашку земли и битвы древних самоанских воинов. Танец *саса* захватывает и танцоров и зрителей. С разгоряченными, блестящими от пота и масел телами, с красными и черными полосами на лицах, они выбрасывают в такт быстрого ритма мускулистые руки, сгибают спины, как это делают гребцы, притоптывают ногами. Среди танцующих всегда найдется вожак, который придаст индивидуальность всему коллективу. Несравненный танцор и мим, он выбегает вперед, жонглирует бамбуковыми палочками, подпрыгивает на своих упругих ногах. Часто такие вожаки — настоящие великие народные артисты, для которых танец — средство выражения настроения и мысли, общественной жизни деревни, вечерней рыбной ловли, утренней работы на плантации и ночных встреч с девушками на краю леса.

На следующий день на площади остаются лишь увядшие лепестки цветов имбиря, выпавшие из корсетов девушек, да пожелтевшие венки, издающие острый запах умирающих цветов.

Гавайки

Это слово всегда меня очаровывало. Неизвестная земля, в неизвестной части света, колыбель величайших мореходов в истории человечества. Через тысячи миль и десятки столетий пронесли они волшебное слово — Гавайки. Мореходы не знают, откуда они пришли и когда. Родили ли их скалистые горы, пески пустыни или трясина илистых рек. Все, что у них осталось, это название туманной страны, которую нельзя найти на картах. Они пришли, расселились по островам полинезийского треугольника и там и остались. Но, может быть, еще в атавистичных видениях им грезилась пейзажи родины предков, может быть, посредством святого слова они хотели снискать милость богов в новом доме.

Поэтому некоторые острова архипелага, отстоящие друг от друга на многие сотни миль, они назвали одним и тем же мифологическим словом — Гавайки.

От Новой Зеландии на юге и до Гавайских островов на севере повторяется это традиционное название сказочной страны. Оно появляется, исчезает и вновь появляется в старых записках миссионеров под названиями Авайки, Гавайки, а то и Геаваи, Оваии, Геавийе, меняясь по мере того, как преобразовывался и изменялся праязык.

В 1769 г. капитан Джеймс Кук на корабле «Индевер» приплыл на архипелаг Общества. Там он встретил вождя по имени Тупиа, начертившего по просьбе Кука карту, на которой обозначил семьдесят четыре острова, известные жителям Таити. Затем карту дополнил естествоиспытатель Иоганн Форстер, участник второй экспедиции Кука, который почерпнул для этого сведения у других местных жителей. В результате возник уникальный

документ, дающий представление о знаниях островитян об окружающем их мире. На карте были обозначены три острова, неизвестные в то время европейцам, которые таитяне называли Оупороо, Охеаваи и Тутуила. Позднее, когда знания европейцев о Полинезии расширились, выяснилось, что имелись в виду далекие Самоанские острова.

Жители Таити никогда, на своей памяти, не плавали на Самоа. Самоанцы же никогда не бывали на Таити. Название этих трех островов и их весьма точное местоположение жители Таити знали... из древних мифов. Охеаваи (Савайи) они называли «отцом всех островов». В древней песне с Раиатеа¹ говорится о нем, как о «месте рождения суши»... Более того, ряд данных указывает на то, что в древние времена полинезийцы прибыли на острова Общества именно с запада. Это подтверждает название группы малых островов на западной оконечности архипелага Фенуаара — Дорога Народов. Не является ли Савайи мифологической Гавайкой, откуда полинезийцы расселились по другим районам Тихого океана? Не это ли первый здесь колонизированный остров, напоминающий древним полинезийцам их легендарную родину?

Самоанцы так давно живут на своем архипелаге, что в противоположность большинству других полинезийских народов утратили воспоминания о какой-нибудь миграции. Если спросить вождя или оратора, хорошо знающего легенды, откуда происходит население Самоа, он ответит — «с неба» или «ниоткуда». Самоанцы всегда были здесь. Они или родились на этих островах, или приплыли сюда прямо из мира богов. Ни о чем другом аборигены и слышать не хотят. Миграция хороша для тонганцев или маори, но не для них. Зато тонганцы и не думают отрицать свое самоанское происхождение. Даже в их древней легенде говорится о том, что полинезийский божок Мауи поднял со дна моря Тонгатапу — самый крупный из атоллов архипелага — самоанским крючком для ловли рыбы.

Ряд научных данных, в том числе сравнительного языкознания, также указывает на то, что Самоанские острова были если не первыми, то одними из самых

¹ Раиатеа — один из островов Общества.— *Прим. авт.*

ранних центров полинезийской колонизации. А может быть, самоанский остров Савайи и есть мифическая Гаваика? Сегодня было бы напрасно искать там следы далекого прошлого. Самые древние находки — это остатки оборонительных стен, которые относятся к периоду тонганских войн или к 950—1250 гг. нашей эры. Материальных признаков, свидетельствующих о том, что Савайи является недостающим звеном в маршруте миграции полинезийцев, так и не удалось отыскать. Этот самый большой остров Самоа, с которым теперь связывают надежды на лучшее будущее страны, в прошлом столетии не очень жаловали. Первенство в политической и экономической жизни, в развитии школьного обучения и сети службы здоровья признавалось за меньшим островом — Уполу. Савайи во всех отношениях развивался медленнее, а число его жителей прогрессивно уменьшалось². Много способных и гордых людей переселилось в Апиа в поисках лучшего заработка и возможности получить образование или же эмигрировало в Новую Зеландию. Но Савайи обладает большим хозяйственным потенциалом. Поэтому в 60-х годах начали громко говорить о необходимости интенсивного развития острова, так как на Уполу растут трудности с обеспечением все увеличивающегося населения работой и продуктами питания. И вот в связи с проектом фирмы «Потлач» Савайи оказался в центре внимания всей страны.

Поездка в деревню Палаули

Ранним утром я плыву на Савайи или на Гаваики. Время перед восходом солнца — самая лучшая пора для поездки с одного острова на другой. Океан, бурный за рифами даже в погожие дни, в это время гладкий, как зеркало.

На пристани в Мулифануа я была в два часа утра. Маленький грязный катерок, воняющий бензином и гнилью, колыхался у набережной. Группа пассажиров с автобуса взобралась на палубу, и судно отчалило.

² В 1900 г. на Савайи жило 42% населения Самоа, в 1966 г. — 27%. — *Прим. авт.*

Было совсем темно. С трудом можно было разглядеть фигуры лежащих людей. Они завернулись с головой в узорчатые тряпки, чтобы защитить себя от холода и воды, плещущей через борт. Пассажиры похожи на огромных гусениц, завернутых в черно-белые коконы. Монотонно стучит мотор. Меня охватывает приятная дремота.

— Ты откуда?

Матрона, сидящая рядом на крышке трюма, будит меня.

— Из Польши.

Я вижу, что это ей ни о чем не говорит, и поэтому добавляю:

— Из Европы.

— Он-и?! Это дальше, чем Новая Зеландия! — удивляется она и минуту спустя добавляет, чтобы поддержать разговор:

— Там очень холодно.

Я киваю головой и смотрю на небо, которое уже розовеет на востоке. Соседка на этом не успокаивается.

— Сколько у тебя детей?

— Один ребенок, — признаюсь я смущенно.

— Он-и?! — Из мрака на меня смотрят полные сочувствия глаза. Мне кажется, что еще немного, и я начну сочувствовать сама себе, поэтому предупреждаю следующий вопрос на тему о моем семейном положении.

— А у тебя сколько?

Соседка просияла. У нее восемь детей. Пять сыночек и три дочери. Их было больше, но не все выжили.

— Куда едешь? — спрашивает она. — Может быть, в Асау?

В Асау продолжались работы по строительству нового порта, и там всегда крутилось несколько европейцев из министерства общественных работ.

— Нет, в Палаули.

— Ои... хорошая деревня.

— Я еду туда в первый раз.

— А где будешь жить?

— У санитарки округа.

Соседка, конечно, знает эту семью. Муж санитарки — вождь, имеет титул очень высокого ранга.

— Ты легко найдешь их дом. Он самый высокий в деревне!

— Это понятно. У самого уважаемого вождя самое высокое фале.

Катер подошел к Салелолога. Наши попутчики встают, сворачивают циновки и кладут их в маленькие потертые чемоданчики. На набережной стоит несколько человек. Мы пришвартовываемся к другому, как две капли воды похожему на наш, катеру и выходим на берег. Наши места занимают другие пассажиры. Через минуту они отплывут на Уполу.

Садимся с моей новой подругой у обочины дороги и ждем автобус. Солнце начинает припекать. Я облокачиваюсь на мешок с порошковым молоком, которое везу в Палаули, и закрываю глаза. Уф, как жарко...

— Видишь ту лодку у набережной? — доносится до меня сквозь липкий воздух трескотня соседки.

Я киваю головой, не открывая глаз. Под веками у меня скопились тонны колючего песка.

— Сломалась два дня назад, когда я уезжала на Уполу. Вот был скандал!

Я проявляю весьма прохладный интерес к случившемуся, но соседку это не смущает, и она продолжает. Позавчера она ожидала с большой группой людей катер в Салелолога. Судно пришло, пассажиры расположились на палубе. Капитан запустил двигатель, катер — ни с места. Обычная вещь. Не в первый и не в последний раз. Капитан копался в моторе, люди, как всегда на Самоа, спокойно ждали, но когда прошло несколько часов, а посудина все еще стояла на месте, начали проявлять признаки беспокойства. Тут приплыл другой катер. Пассажиры стали собирать вещи и переносить на его палубу, не обращая внимания на протесты своего капитана. Как и следовало ожидать, возникла горячая дискуссия между капитанами обоих катеров, посыпались замечания, свидетельствующие как об их технических способностях, так и о личной культуре. Раздался один голос из толпы, затем второй, в ход пошли кулаки, камни. Завязалась такая драка, какую редко можно увидеть в этой стране.

На пристани в это время оказался полицейский. Он спокойно и скромно стоял в стороне и, не пытаясь вмешаться, записывал в блокнот имена самых активных скандалистов. Парень был местный и всех хорошо знал. Это заметила какая-то женщина, участвующая во все-

общей свалке. Она бросилась к нему отбирать блокнот. Но парень был высокий, а женщина низенькая. Поэтому она никак не могла дотянуться до блокнота. Полицейский поднял руку вверх, а она, прицелившись, подпрыгивала. Но все было напрасно. Тут женщина скосила глаза, постояла в нерешительности какое-то мгновение, протянула руку и... цап! схватила полицейского за должностную лавалава. Нужно сказать, что у полицейского под лавалава ровным счетом ничего не было. Он был одет только в коротенькую рубашку, шлем и сандалии. Парень совершенно потерял голову. Вместо того, чтобы держать блокнот и женщину, он опустил руки вниз и прикрылся ими. Этого той только и надо было. Она схватила блокнот — и была такова!

У меня появилось подозрение, не была ли моя попутчица той самой женщиной. Но у меня не было времени ждать, так как подошел автобус. Мы сердечно распрощались. Я втащила мешок, коробку с лекарствами и продукты.

Палаули расположена у широкого голубого залива. Деревня опрятная, чистая, хорошо организованная. Фале по традиции стоят полукругом у покрытой травой центральной площади, которая полого сбегает к самому пляжу. Школа расположена несколько выше. Она, как и большинство учебных заведений на Самоа, построена по типу простого, крытого листовым железом барака.

Автобус остановился. Я вытаскиваю свои мешки и озираюсь вокруг. Вижу, что меня уже ждут. Это вожди и полный мужчина в белой лавалава, представившийся как директор школы. Он что-то быстро говорит двум мальчишкам лет восьми, которые стоят рядом и с интересом меня разглядывают. Из всей его тирады я поняла только имя санитарки.

— Они проводят вас до дома и отнесут мешок.

Порошковое молоко весит почти пятьдесят килограммов, и дети буквально шатаются под его тяжестью. Мне это не нравится, даже на Самоа.

— Этот мешок слишком тяжел для детей.

— Не беспокойтесь, они справятся.

Нехорошо восстанавливать против себя вождя сразу

же после приезда, но, кроме явных возражений, мне как-то ничего не приходит в голову.

— Дайте мне это! — говорю я мальчишкам и хватаю мешок. Минуту мы дергаем его в разные стороны. В конце концов мне удается преодолеть сопротивление, и я с триумфом тащу мешок в сторону самого высокого дома в деревне.

— Оставьте мешок, ребята его отнесут сами! — кричит директор. Я делаю вид, что не слышу. Пот заливаает мне глаза, и я предпочитаю не оборачиваться. Представляю себе улыбающиеся лица вождей! Конечно, ни один из них и не подумал мне помочь... Немного испуганные, дети прыгали вокруг, как собачонки, пытаюсь вырвать у меня яблоко раздора. Один тянул в одну сторону, второй — в другую, я — в третью. Для них приказ старейшин был очевиден — отнести мешок в фале санитарки. Они никак не могли понять, почему папаланги протестует и что хочет этим сказать. Наверное, они думают обо мне что-нибудь очень плохое. В конце концов, рассердившись на вождей, на ни в чем не повинных детей и, прежде всего, на саму себя, я громко кричу:

— *Иа алу!* (Отойдите!)

Наверное, я выгляжу при этом, как разгневанная фурия, потому что дети тотчас отскакивают от меня, и по их лицам я вижу, что еще немного и они заревут. Стараясь сохранить собственное достоинство, я тащу мешок по ухабистой дороге. То и дело спотыкаюсь, а ноги мои позорно заплетаются. Но это ничего! Только бы подальше от вождей. На мое счастье меня догоняют несколько подростков, которым я отдаю свою ношу без всякого сопротивления.

После такого эффектного появления в деревне я с облегчением скрываюсь в доме санитарки. Трехэтажный, прямоугольный, со стенами, он отличается от остальных хижин деревни. Здесь были не только кровати, стол и стулья, но даже туалет во дворе.

Семья санитарки встретила меня дружески. В этот же день с другого конца Савайи приехала Маргарет Нив, педиатр из Новой Зеландии. Она уже ждет меня за столом, накрытом к завтраку. К такому, к какому, по мнению самоанцев, привыкли папаланги. На столе — миска овсяной каши с сахаром, кусок свинины, кон-

сервированная говядина, жареная курица, рыба, торо, сгущенное молоко, плоды хлебного дерева и дрожжевое тесто. Столько всякого добра! Мы поспешно глотаем по кусочку теста, пьем напиток из терпких мандаринов и оправдываемся перед хозяевами, которым отсутствие у нас аппетита доставляет столько огорчения.

Мы должны осмотреть «в две руки» всех окрестных детей. Маргарет в фале для гостей, временно переоборудованном во врачебный кабинет, займется грудными детьми, я буду осматривать старших в одном из классов школы. Молодая учительница выполняет роль переводчицы и организатора.

В деревнях, отдаленных на несколько десятков километров от больницы, куда врач заглядывает раз в несколько лет и где профилактика неизвестна, при массовых осмотрах выявляется большой процент больных детей.

В начальный период работы меня, пожалуй, больше всего удивляло необычайно большое количество детей, страдающих от одно- или двухсторонней глухоты. Их барабанные перепонки выглядели так, словно ребята покинули поле боя. Из истории болезни я узнавала о больных в течение нескольких лет ушах, выделениях из них, горячке и... типичных терапевтических операциях, которые заключались в том, что при появлении болей или гнойных выделений в ухо пациента вливали горячее кокосовое масло. Через несколько дней боль становилась невыносимой, и лимфатические узлы около уха набухали до размеров кулака. Тогда ребенка посылали к врачу, если таковой был поблизости. Тот в зависимости от потребности назначал лечение антибиотиками. Если боль утихала, врачебное наблюдение и лечение прекращалось. Если спустя некоторое время снова появлялись выделения, ухо затыкали ватным тампоном и ждали, пока оно не пройдет само.

Вина родителей? Только частичная. Наверное, за детьми не досмотрели, и болезнь не захватили вовремя, когда лечить ее легче и... дешевле, так как все дело в стоимости лечения. Правда, врачебные консультации на Самоа бесплатны, что следует считать громадным достижением, но лекарства дороги. В бедных семьях, где доход работающего не превышает нескольких долларов

в месяц, отдать всю зарплату на лекарство для ребенка не представляется возможным.

Кроме некомпетентного и непоследовательного лечения, большой вред больным приносят деревенские «мудрые бабки», или попросту знахарки. Используемые ими «микстуры» из трав для лечения ушибов и ран способствуют лишь необычайно высокому проценту заболеваний столбняком среди местного населения. Я неоднократно убеждалась в том, что на Самоа нельзя оставлять без контроля даже профессионально выполненную перевязку, так как под белым бинтом можно найти все, начиная с листьев, перепачканных землей, и кончая клоками собачьей шерсти. Поэтому результатом каждого выезда врача «на периферию» является длинный список детей, которых под руководством окружной санитарки будут лечить по месту жительства готовыми лекарствами, привезенными из Апия, и список лекарств, которые необходимо привезти ближайшим катером или автобусом. Выявляют также больных, которых необходимо направить в больницу.

Так было и на этот раз. Маленькие пациенты сменяют один другого. Время летит бешеным темпом. Ужасно жарко и душно. Платье прилипло к спине, и я с завистью думаю о Маргарет, которая работает в фале, открытом холодному бризу. Стены определенно не годятся для такого климата. К трем часам от усталости и жары у меня в глазах начинают кружиться красные птицы, и слова с трудом вылетают из пересохшей гортани. Я прерываю работу и сажусь на пороге школы. Учительница посылает какого-то мальчугана за кокосовыми орехами. Худенький десятилетний мальчик аккуратно затыкает за пояс лавалава, чтобы она не болталась между ногами, берет в зубы огромный нож и с обезьяньим проворством взбирается по стволу пальмы. Он крепко обвивает его щуплыми бедрами, потом обхватывает руками, подтягивает ноги и в мгновение ока оказывается под развесистой кроной. Затем освобождает одну руку, берет ею нож, крепко прижимается к стволу и рубит плодоножку. Банг! — глухо ударяет в землю первый орех. Он рубит вторую. Банг, банг — сыпятся на траву тяжелые шары!

— *Лава!* (Достаточно!) — кричит учительница, и мальчик молниеносно сползает на землю.

Он смотрит на меня радостным взглядом. Редко можно увидеть испуганное лицо папаланги! Он собирает раскатившиеся по земле орехи и с помощью острого колышка, вбитого в землю, моментально очищает их от наружной оболочки. В руках остаются прохладные влажные шары, пушистые и тяжелые. Теперь достаточно ударить тупой стороной ножа по верхушке, отмеченной тремя темными пятнами, чтобы отскочило плоское дно, обнажив перламутровую внутренность, полную прохладной жидкости.

Я подношу ко рту шероховатую чашу и жадно пью. Нет ничего вкуснее сладковато-терпкого кокосового молока в жаркий самоанский полдень. Когда я отнимаю ото рта пустую скорлупу, мир кажется мне более прекрасным, а цвет травы, цветов и моря уже не дразнит своей яркостью. Я беру другой кокос, слегка трясу его и чувствую, как внутри колыхнется жидкость. Смотрю на его лохматую скорлупу. Она твердая и в то же время нежная, цвета миндаля. Такого же цвета кожа полинезийцев. Три темных углубления в верхней части ореха напоминают глаза и губы человека.

— Это голова короля Туифити с островов Фиджи, — говорит учительница.

Я слышала эту древнюю легенду. В ней говорится о тех временах, когда граница между миром реальным и сказочным была словно узенький ручеек, который можно перейти с помощью магического заклинания. В легенде говорится о любви королевича, превращенного волшебником в угря, к прекрасной Сине с Самоа, о его страданиях и смерти; о том, как, умирая, он сказал любимой: «Отрежь мою голову и закопай ее у порога своего дома. Из нее вырастет дерево. Его листья принесут тебе прохладу в жаркие дни, его плоды утолят твою жажду. Срывай и пей их, прекрасная Сина, и всякий раз, как ты это будешь делать, будешь целовать меня». Сина выполнила просьбу, и из головы принца выросло дерево с высоким и тонким стволом и листьями, шевелящимися на ветру, как человеческие руки. Так появилась на Самоа первая кокосовая пальма.

Солнце тем временем переместилось за контуры гор на горизонте. Я заканчиваю осмотр и иду в фале для гостей. Маргарет еще работает. Я сажусь в сторонку и наблюдаю за ее быстрыми и ловкими руками. Слипшие-

ся от пота седые волосы падают на лоб, глаза помутнели от усталости. Я думаю о том, как повезло маленьким самоанцам, что к ним приехала такая женщина, как Маргарет Нив из Новой Зеландии. Это одна из немногих педиатров-общественников, у которых любовь к профессии сочетается с глубокими знаниями. Она обладает неистощимым запасом сил и энергии. Маргарет руководит отделом педиатрии и амбулаторией при больнице в Апия, организует массовые осмотры детей и кампании по пропаганде медицинских знаний. У нее всегда найдется время для больного и никогда — для себя. Она немолода и не очень здорова, но стойко переносит тяготы дороги при поездках в самые отдаленные деревни и многочасовую работу в адской жаре. И все это без какого-то ни было вознаграждения.

А когда ты станешь мужчиной...

На закате мы прогуливались по дороге, которая протянулась вдоль залива. После жаркого дня установилась долгожданная прохлада. Ветер с моря разносит по деревне розовые дымы костров. В маленьких шалашах на задворках домов молодые мужчины жарят рыбу и таро на ужин. Девушки идут по дороге с полными ведрами воды и перебрасываются шуточками с парнями, обрезающими большими ножами траву на площади. Старики сидят у домов и ждут ужина. Они здороваются с нами. На окраине деревни мы повстречали Тину. Молодая, веселая, она говорит по-английски. Тина хочет показать нам что-то интересное.

— Вы уже видели, как делают татуировку? У нас сегодня в деревне *туфунга тататау*³. Он приехал на несколько дней из Уполу и сейчас находится в фале для гостей.

Мастер отдыхает после многочасовой работы. В соседнем фале лежат на циновках страдающие клиенты. У некоторых еще течет кровь, и они постанывают. Эти парни достигли мужского возраста. Татуировка прибавит им привлекательности в глазах девушек и придаст авторитет в глазах зрелых мужчин. Раньше татуировка

³ Мастер татуировки (самоан.).— Прим. авт.

была чем-то вроде болезненного испытания на зрелость. Ей добровольно подвергались молодые мужчины в возрасте 18—25 лет. Татуировке здесь не придавали магического значения, как во многих других районах Океании, но относились к ней как к ценному украшению, как к своеобразному искусству.

Классическая самоанская татуировка начинается от бедер, спускается до колен, а сзади поднимается настолько, чтобы ее можно было видеть над краем лавалава. Ниже, в области крестца, татуировка имеет форму треугольника, одна из вершин которого направлена вниз. Второй пояс татуировки, от которого отходят в бок лучи, заканчивается на животе над тазобедренной чашей. Пovyше лобка часто татуируют равноотстоящие полосы, а вокруг пупка — небольшой квадрат. Бедра обильно украшают узорами в виде треугольников и полос. Если на такую татуировку смотреть сзади, то она сильно напоминает короткие кружевные штаны.

Впрочем, здесь нет строгих правил, и последнее слово всегда остается за мастером, который в зависимости от своей фантазии вычерчивает на коже кусочком листа кокосовой пальмы, смоченным в краске, тот или иной рисунок. Сама операция проводится с помощью набора вилок из панциря черепахи и комплекта молоточков различного размера. Вилочки макают в жидкую краску, прикладывают к намеченному контуру и ударами молоточка загоняют острые зубья под кожу.

— Раньше мы пользовались краской, которую готовляли из сажи, образующейся при сжигании орехов лама, — любезно поясняет нам мастер из Палаули, демонстрируя свои приспособления. — Сейчас используются современные методы. Применяем сажу, образовавшуюся после сжигания керосина, — мастер показал на закопченный примус, стоящий в углу фале.

Меня охватила дрожь при одной мысли о том, сколько канцерогенных веществ и какой букет бактерий вводится при этом под кожу.

— У вас не бывает неприятностей после операций? Ваши клиенты не болевают?

Сказав это, я тотчас же почувствовала, что мой вопрос, мягко говоря, был нетактичен. Мастер не перестает улыбаться, но атмосфера стала прохладнее. Он принялся заворачивать свои приспособления в тряпицу.

— Нет, никогда не заболевают. Все очень довольны.

И это, наверное, действительно так, потому что у мастера отличная репутация, и он имеет клиентуру на всех островах.

— А женщинам вы делаете татуировку?

— О, очень редко. Иногда какая-нибудь девушка пожелает иметь красивый орнамент под коленями или на руках, чтобы они выглядели более эффектно в танце. Но, в принципе, женская татуировка — это не фаа-самоа.

— Почему?

Мастер добродушно смеется, но разъяснять не хочет.

— Таков древний обычай, — обрывает он разговор.

Позже я узнала происхождение этого обычая. Его приписывают рассеянности богинь татуировки, сиамских близнецов Тиуула, которые привезли с островов Фиджи на Самоа первые инструменты, необходимые для этой операции. По дороге они перефразировали лозунг: «Татуируй женщин, а не мужчин!» на «Татуируй мужчин, а не женщин!» Поэтому на Самоа, в противоположность Фиджи, женщины не носят татуировку.

Обычай татуировать мужчин пережил своих патронесс, пережил времена богов и богинь. Он сохранялся в первые годы христианства, когда вместе с танцами и мытьем по воскресеньям был возведен в ранг языческих предрассудков. И вот он доживает свои последние дни в эпоху антибиотиков.

Все меньше остается мастеров, искушенных в искусстве татуировки, и все меньше становится желающих подвергнуться этой болезненной операции. Даже матаи, дело раньше неслыханное, не все имеют татуировку. Где те времена, когда девушки пели: «Друг, перестань стоять и жаловаться. Это не боль болезни — это боль невечка». Они старались облегчить матаи те минуты, когда «падает молоточек, острый гребень пробивает кожу, где краска должна остаться навсегда. Кровь течет, как вода».

Девушки утешали его словами древней песни:

Ты плачешь, а я пою.
Женщины должны рожать детей,
Мужчины — испытать муки татуировки.
Мастера несет вихрь вдохновения.
Отдохни, вождь.

Ожерелье рвется и рассыпается —
Татуировка остается до самой смерти.
Ты будешь носить ее до могилы...

А после благоговейно исполненной церемонии татуирования манаиа ученики мастера набрасывались на менее почтенных кандидатов на операцию, которые не имели ни положения, ни титула... В этом случае они уже не тратили время на предварительные рисунки. Страшные стоны и вопли неслись над деревней, перемешиваясь с издевками девушек. Кровь текла ручьями.

Раньше вообще не дезинфицировали орудий татуировки, но тем не менее случаи серьезных заболеваний были весьма редкими. Возможно, клиентств охраняло от них не столько мастерство исполнения, передаваемое из поколения в поколение, сколько вера в сверхъестественную силу мастера. Однако не вера творила чудеса. Думаю, что причина была более прозаической. Мастер накладывал на своих клиентов табу, которое обязывало их жить в изоляции до того момента, как затянутся раны и как будут сняты чары опрыскиванием кокосовым молоком. После операции клиенты жили в специальном фале. Они не принимали участия ни в каких работах в деревне и были неприкасаемыми для односельчан.

Зато в наше время различные осложнения, связанные с татуировкой, встречаются довольно часто. Иногда это инфекция, иногда сильное кровотечение, при котором необходимо применение кровоостанавливающих средств. Искусство татуировки на Самоа пользуется признанием у довольно широкого круга энтузиастов, но их количество из года в год уменьшается. Может быть, со временем татуировка разделит участь других традиционных обрядов, которые за последние десятилетия были полностью забыты.

Возьмем хотя бы технику мумификации трупов. О ней вспоминают в своих записках первые миссионеры. Мумификацией занимались два великих самоанских рода: Матаафа и Летуфунга. Но за ее творцов считают прекрасных братьев Алеи и Пата. Тщеславие натолкнуло их на мысль быть похороненными после смерти в стоячем положении с открытыми лицами... Еще в 1841 г. Дж. Б. Стейр⁴ нашел в округе Алеипата не-

⁴ T. B. Stair. Old Samoa London, 1897.— *Прим. авт.*

сколько мумий, а Джордж Тернер, один из первых миссионеров на Самоа, вспоминает, что около 1860 г. видел четыре мумии. Все они были в превосходном состоянии и хранились свыше тридцати лет.

Бальзамированием трупов занимались женщины. Применялся следующий способ: сначала вынимали внутренности и тело многократно натирали ароматическими маслами. Тканевую жидкость удаляли многочисленными проколами с помощью тонкой иглы. Стрательно удаляли все волосы, а после бальзамирования снова приклеивали их смолой. Спустя два-три месяца процесс высыхания заканчивался. Брюшную полость набивали тканью из коры, и мумию выставляли на всеобщее обозрение в специально построенном для этой цели фале-святыне. Мумии покоились на платформе, воздвигнутой на спаренных каноэ. Местное население относилось к ним с большим почтением и называло их богами, «высушенными солнцем».

Самоанцы не сохранили искусство бальзамирования трупов, но до нашего времени еще дошли некоторые реликты прошедших эпох, которые время от времени дают о себе знать работникам здравоохранения. Так, например, если не углубляться в дела материальные, такие, как прозаический филариоз, туберкулез и дизентерия, то следует сказать, что отдел здравоохранения время от времени ведет борьбу с... духами. Да, да, на Самоа и по сей день бродят *аиту* — духи мертвых и страшные вампиры, которые имеют отвратительный обычай вмешиваться в земные дела. Но самые страшные — это те, что родились в виде сгустков крови... Мертворожденные младенцы положили начало образам наиболее известных божеств и самых заядлых вампиров в самоанской мифологии. Не уступают им и бродящие по свету души людей, умерших далеко от дома, а также утопленников, всех тех, тела которых не удалось найти и похоронить в родной земле. Такие души не могут обрести покой в подземном мире Пулоту. Поэтому они крутятся среди родных и пугают их своими земными лицами. Они могут вызвать смерть, помешательство и болезни не только отдельных людей, но и целых семей!

Хорошо еще, что нет больше войн, в которых головы воинов падали на землю, как колосья, срезанные сер-

пом. Духи умерших естественной смертью спокойнее. Они покорно отправлялись на запад, но души тех, кто умер насильственной смертью, или тех, кому отрубили голову, это уже... Но о них лучше не говорить — мурашки побегут по коже! Поэтому семьи не жалели сил на поиски голов погибших, чтобы похоронить их вместе с телом. Только так можно было задобрить разозленных духов.

Придумали, как бороться и с духами людей, утонувших в море. На пляже, как можно ближе к месту несчастного случая, расстилали кусок белой ткани сиапо и внимательно наблюдали за тем, когда на него заползет что-либо живое. Нужно было быть при этом очень внимательным, так как только первое существо воплощало утопленника. Это мог быть краб, муравей или муха. Их хватали, заворачивали в ткань, как в саван, и с великими почестями хоронили в родной деревне. Но, к сожалению, такая борьба не всегда приносила желаемые результаты.

Излюбленной формой преследования духами с того света живых была *маи аиту* — болезнь, вызванная вампирами. Для нее характерна высокая температура, озноб и беспокойные движения. Болезнь лечили заклинаниями и натиранием тела больного специальными травами. Особенно «подвержен» этой эпидемии Савайи. Здесь в глубине гор есть грот, который часто «навещают» духи. Время от времени на песчаном полу пещеры появляются следы маленьких ступней, таких маленьких, что они не могут принадлежать ребенку. Духи пещеры по своей природе добродушны. Если их не дразнить, они никому не сделают ничего плохого. Но пусть только неосторожный путник засмеется или повысит голос в этой заколдованной пещере. Его тут же постигнет жестокая кара.

Вампиры любят бездорожье и лес. Любят они пустыри, ветреные пляжи и скалистое побережье Савайи. Привыкнули ли они к новому облику острова, шумному порту, автомобилям и туристам?

Как купить остров?

Предвестником лучшего будущего Савайи должно было стать строительство порта в Асау, на северо-западном побережье. Там простираются пустынные поля,

напоминающие застывшую лаву. Они возникли в 1905—1911 гг. в результате очередного извержения вулкана Матавану, который залил жидким огнем многолюдные деревни и сто тринадцать квадратных миль возделанной земли. Лава плыла двумя языками: более узким — с востока и широким, в форме неправильного треугольника, обращенного основанием в сторону моря, — с запада. Эта часть острова напоминает морщинистую черную пустыню. Местами лава потрескалась, местами посерела, и там, где разрушилась, уже виднеются молодые пальмовые побеги. По лавовому полю проложена дорога до Асау. Едешь по ней, как по бурному морю, преодолевая колдобины и проваливаясь в глубокие ямы. Идти еще хуже. Ноги покрываются черной пылью, а ступни проваливаются в расщелины. Не знаю почему, но мне всегда казалось, что лава застывает в виде отдельных гладких камней. Но на Савайи она пористая и напоминает черную пемзу, только еще более шершавую и колючую.

Асау, вундеркинд самоанской экономики, лежит к западу от второго лавового поля. Это ребенок не только многообещающий, но и дорогостоящий. Его запланировали как второй крупнейший город и международный морской порт Самоа, и ввод его в строй должен был обеспечить экономическую активность всему острову. Это становится понятным, если учесть хотя бы расходы на перевозку сельскохозяйственных продуктов. Например, стоимость каждого ящика бананов, экспортированного с Савайи за границу, на четыре шиллинга выше точно такого же ящика, вывезенного с Уполу.

Вначале строительство порта казалось делом несложным. Географическое положение и очертания побережья Асау говорили о том, что это единственное подходящее место для намеченной цели на всем Савайи. Залив шириной в полторы и длиной в четверть мили, закрытый от ветров и большой волны, был идеальным естественным бассейном. Более того, территория, на которой должны были в будущем строиться город и порт, принадлежала государству. Однако в проекте было одно маленькое «но» — слишком узкий и мелкий проход в рифах, окружающих залив. Нужно было его расширить и углубить, чтобы океанские корабли могли свободно заходить в акваторию порта.

Препятствие, как полагали, пустяковое. Создали комиссию из специалистов, которые после ознакомления с поставленной перед нами задачей сказали, что минимальные расходы на превращение залива Асау в океанский порт составят около полутора миллионов новозеландских фунтов, из которых на углубление канала в рифах уйдет около миллиона. Это мнение не разделяли другие, более оптимистически настроенные эксперты, которые считали, что полная стоимость расходов, связанных с расширением самым простым способом прохода в рифах, не будет превышать 150 тыс. фунтов.

Приступили к подготовительным работам. Получили кредит для необходимых инвестиций, выполнили проектные работы, построили склады, портовый мол и бассейн. В самом конце, когда уже предвкушали близкое открытие порта, занялись проходом между рифами, но наткнулись на неожиданные трудности. Рифы, окружающие залив в Асау, оказались твердыми и неподатливыми. Простое, на первый взгляд, дело — пробить проход, осложнилось. Уже были израсходованы все выделенные на эти работы средства, а рифы стояли на прежнем месте, будто бы к ним и не прикасались. Обратились за помощью к Новой Зеландии, но в то время она не могла справиться с собственными экономическими трудностями и была не в состоянии выделить даже минимальную сумму. Тем не менее из Новой Зеландии прибыл корабль со взрывчаткой и водолазами. Все от мала до велика ехали в Асау посмотреть, как коралловые стены взлетят на воздух. Водолазы заложили взрывчатку. На пляже толпы людей с нетерпением ожидали взрыва.

— Уже взрывают, смотрите, смотрите! — прошел по толпе шумок.

Загремело, загрохотало, забурлило, в небо поднялся столб воды, на поверхность всплыла оглушенная рыба, какие-то зеленые крошки и больше ничего. Рифы не дрогнули. Попытки взорвать их возобновляли несколько раз. Известковое кладбище микроскопических существ оказалось сильнее динамита и всех научных расчетов. Эти неразумные создания не проявили ни малейшего уважения к планам, бюджету и мнению экспертов, а Самоа так и осталось с готовым портом, в который не

могли войти корабли. В такой ситуации ничего не оставалось, как искать кредиты, еще больших кредитов, чтобы ввести порт в эксплуатацию. Инвестиция, которая должна была спасти экономику страны, стала для нее камнем на шее. А Самоа находилось в те дни в преддверии решения, которое могло отразиться на будущем страны, предопределить сохранение независимости или ее утрату. Решение заключалось в том, чтобы пустить на Савайи мощную американскую деревообрабатывающую фирму «Потлач Компани».

Дело в том, что порт Асау и фирма «Потлач Компани» тесно связаны между собой. Чтобы вывезти самоанскую древесину, «Потлач» нужны порт и хорошие дороги, по которым доски можно было бы отправлять в Асау. Кольцевая дорога по острову, построенная с большим трудом местным населением в 50-х годах, не годилась для перевозки древесины как из-за плохого состояния, так и из-за трудностей подхода к ней из глубины острова. Компания «Потлач» желала иметь современное шоссе, пересекающее остров поперек, и удобные дороги, соединяющие шоссе с плантациями и плантации друг с другом. Эти дороги она хотела строить сама. Самоанское правительство должно было обеспечить строительство главных дорог и, разумеется, всех портовых сооружений.

Удивительная история произошла с этой «Потлач», удивительная и поучительная. В 1967 г. представители фирмы прибыли на Самоа под видом филантропов.

— Наша единственная цель — оказать помощь вашей стране! — все время повторяли они во время официальных и неофициальных встреч. С делегацией прибыл в Апиа некий Гарри С., личность, хорошо известная в южной части Тихого океана. До этого он много лет жил на Самоа, занимал высокие посты в международных организациях, которые, казалось, должны были гарантировать ему независимость и нейтралитет. В конце 1966 г. он вышел на пенсию и выехал из Апиа. Гарри с большой помпой проводило правительство и население страны. Сейчас он вернулся, запасаясь кредитом доверия, добытого во время исполнения своих прежних обязанностей. Вернулся в роли, которую было трудно определить. Номинально он считался советником фирмы. Позднее оказалось, что не только советником...

В любом случае его особа должна была олицетворять кристально чистые намерения всего предприятия.

С делегацией в качестве юридического советника приехал также молодой новозеландец, связанный с Самоа уже во втором поколении. Его все любили и уважали.

Эти люди были прежде всего официальными адвокатами фирмы и обрабатывали мнение тех кругов, с которыми на Самоа больше всего считаются — членов парламента, великих вождей... Они везде имели свободный доступ, все двери для них были открыты. Они отлично знали местные обычаи и слабости. Знали, куда следует пойти в первую очередь, кого похлопать по плечу, а перед кем почтительно склонить голову. У них были на Самоа свои люди.

Общественное мнение было вначале застигнуто врасплох. Потом постепенно начали раздаваться удивленные и даже возмущенные голоса. Это касалось прежде всего Гарри, роль которого во всем мероприятии в связи с его прежним положением начала возбуждать определенные подозрения. Неужели седовласый Гарри с высоким лбом римского сенатора готовит план продажи страны вместо того, чтобы сослужить ей добрую службу?

Вопреки ожиданиям, дела фирмы «Потлач Компани» продвигались вперед черепашьями шагами. Самоанцы оказались более осторожными, чем предполагала фирма. Они задавали неожиданные вопросы, добивались того, чтобы обсуждение проекта носило публичный характер. Дело осложнялось еще и тем, что земли, которые фирма хотела получить в аренду сроком на 99 лет, занимавшие четвертую часть Савайи, нельзя было никому передавать по самоанскому обычному праву. Десятилетиями это право защищало земли от алчных вожделений европейцев и местных бизнесменов, не давая возможности недобросовестным или легковерным вождям разбазаривать их и лишать источников существования целые семьи. Сдача в аренду этих земель иностранному капиталу была бы опасным прецедентом по отношению к традиционному праву, подрезала бы корни общественной жизни Самоа. Даже в прессе появились протесты против порядка рассмотрения дела фирмы «Потлач».

«„Потлач“... должна детально изложить, какие прибыли она надеется получить от этой сделки, хоть бы это и пришлось не по вкусу американским бизнесменам. Так как они по-прежнему утверждают, что честно хотят помочь нашей стране, то представляется разумным, чтобы доброжелатели оценили, во что обойдется их бескорыстие и сколько они на нем заработают!» — писал издатель правой газеты «The Samoa Times». И далее: «Наша газета ничего не имеет против „Потлач“ и ее развития, но она не согласится на создание новой отрасли промышленности до тех пор, пока не получит полную уверенность в том, что „Потлач“ не принесет временную выгоду взамен длительного разочарования».

Переговоры и дискуссии велись три года. Дискуссии горячие, полные горьких упреков и обвинений. С одной стороны, выступала неопытность и некоторая политическая наивность, сочетающаяся с дозой трезвого рассудка и недоверчивостью, с другой — отличное знание предмета и различных способов и трюков, которыми крупный капитал пользуется десятилетиями в своей мировой экспансии. А еще где-то посередине находились те американцы, формально независимые, которые исполняли роль советников или руководителей ключевых департаментов Самоа. Несмотря на такие сильные козыри, судьба проекта фирмы «Потлач» до самой последней минуты висела на волоске. И кто знает, чем бы закончились дебаты, если бы не вмешательство премьер-министра Матаафы, который воспользовался всем своим престижем, чтобы утвердить проект. Трудно сказать, как случилось, что человек, которого считали хранителем самоанских обычаев и традиций, решительный противник развития туризма, вмешательства иностранного капитала во внутренние дела страны и всего того, что бы нарушило фаасамое, вдруг изменил свои взгляды на диаметрально противоположные.

Это не прошло без последствий. Вечерами в самоанских деревнях шептались на пороге фале и говорили в домах и клубах Апия о том, что у премьер-министра свои расчеты относительно проекта. Сплетни повторялись все громче, а после отъезда Матаафы в Сан-Франциско, куда его пригласила фирма, стали говорить об этом открыто. Но премьер, несмотря ни на что, непоколебимо стоял на стороне «Потлач».

— Неправда, что я акционер фирмы «Потлач», — возражал он официально предъявленным обвинениям.

Парламентская комиссия, созданная для рассмотрения проекта, высказала критические замечания по многим его аспектам, а ее председатель Фуимаоно Моасопе в своей речи подчеркнул, что в своих выводах комиссия целиком руководствовалась интересами Самоа.

— Горе нашей стране, если проект будет утвержден! — сказал он.

Ответ Матаафы всех удивил.

— Это уже слишком! — крикнул он, глубоко оскорбленный тем, что Фуимаоно несправедливо обвинил кабинет премьера в том, что тот якобы хочет нанести ущерб собственному народу. Матаафа пригрозил, что, если парламент утвердит внесенные комиссией поправки к проекту, он посчитает это за вотум недоверия и подаст в отставку.

Дальнейшая дискуссия протекала фаасамое. Председатель объявил краткий перерыв на молитву, которая должна была направить на путь истинный заблудших. Фуимаоно взял назад свои... оскорбительные замечания. Проект фирмы «Потлач» утвердили единогласно. Владельцы передали свои земли в аренду правительству, а то взяло на себя все дальнейшие переговоры с «Потлач». Самоанские семьи, живущие в нескольких деревнях на Савайи, уже не имели право распоряжаться землей своих предков.

Много говорили об инвестициях, которые фирма «Потлач» собиралась вложить на Савайи. Жонглировали миллионами долларов и десятками миллионов футов досок, которые должна была производить фирма на благо самоанского народа. Но это «благо» оказалось сформулировано очень общими словами: активизация, развитие, модернизация... Избегали конкретных данных и цифр. Сколько заработает на сказочных инвестициях средний гражданин, а сколько вожжи? Сколько людей получат работу в новой промышленности и чему будет равняться их заработок?

В то время, когда утверждали проект, эти вопросы остались без ответа. А ведь было известно, что «Потлач» собирается вывозить из Самоа полуфабрикаты, простые и фанерованные доски, а их более квалифицированная обработка и поэтому более высоко оплачивае-

мая должна была производиться за рубежом. Было также известно, что фирма пришлет своих специалистов, а местные рабочие будут заняты на неквалифицированных операциях. Скольким людям «Потлач» может дать работу на лесопилках и плантациях? А что станет с той огромной и быстро растущей массой самоанцев, которым скоро не хватит земли на расширение необходимых для пропитания плантаций таро, бананов и копры?

Намечается тенденция более широко распахнуть двери перед иностранным капиталом. Первые шаги на этом пути уже сделаны. Последующие ведут к полной зависимости Самоа от капиталистических стран, в первую очередь от Соединенных Штатов Америки.

В разливе лавы на северном побережье Савайи есть интересное место — могила девушки. Как оно возникло — трудно сказать. Поток лавы, сходя по склонам вулкана Матавану, раздвоился по неизвестным причинам, окружил двумя рукавами могилу, потом вновь соединился и сплыл в море. На протяжении нескольких километров могила осталась единственным местом, которое пощадил катаклизм. Повторится ли подобное чудо на Савайи и других островах Западного Самоа?

Что означает слово маланга?

Несколько дней в Новой Зеландии свирепствовал торнадо. Волны Тихого океана бились о берега Самоанских островов, поднимая над рифами высокие султаны пены. Даже в лагунах по воде бежала мелкая рябь, а в Апия, где океан не отгорожен барьером рифов, волны перекатывались через высокий парапет набережной, обрушивались на мостовую и доходили до самых дверей отеля Эгги Грей.

Как это ни парадоксально — погода была прекрасная, солнечная и безветренная. В тот день на портовом молу собралась большая толпа зевак, которая с интересом наблюдала за маневрами приближающегося парохода. При каждом ударе волны огромное судно сильно кренилось на борт, и по толпе пробегал возбужденный шумок.

— Как ты думаешь, море завтра успокоится? — спросила я мужа, когда пароход благополучно пришвартовался. — А если оно не успокоится, мы поедem или откажемся?

Мы говорили о планируемой целую неделю поездке на Аполиму, самый мелкий из обитаемых островов Западного Самоа. Он лежит всего в пяти милях к западу от Уполу, но из-за своей малолюдности — там живут около восьмидесяти человек — и труднодоступности «континент», как жители Аполимы называют Уполу, не поддерживает с ним постоянную лодочную связь. Мы должны были ехать туда завтра с группой знакомых по приглашению местного пастора.

Семья, школьники, женский комитет и почти все жители острова были втянуты в водоворот пригото-

ний к нашему приезду, и если бы мы изменили планы в последнюю минуту, то доставили бы им массу неприятностей. В то же время мы боялись выходить в открытое море на небольшой моторной лодке, тем более что по радио весь день говорили о том, что плавать в прибрежной зоне не рекомендуется. Ночью в беспокойном неглубоком сне мы слышали грохот волн, которые, казалось, сейчас сокрушат рифы и обрушатся на наш сад.

Между тем на следующий день море как будто бы успокоилось. Небо было безоблачным. Дул легкий бриз. Мы поехали. Лодка ждала нас на западном побережье Уполу. Поверхность лагуны блестела в утреннем солнце, гладкая, как зеркало озера, неправдоподобно голубая и прозрачная. Лодка была небольшая — около пяти метров в длину и двух в ширину — с навесом на жердях. Мы сели на узкую лавку и двинулись в путь. Впереди лежал плоский островок Манано. За ним виднелась темная вершина Аполимы, а далеко у горизонта маячил туманный Савайи. Маланга началась.

Маланга! Слово экзотичное и непривычное. Оно ассоциируется с соленым ветром, запахом копры и гниющих водорослей. Словари с европейской бесцеремонностью трактуют его как «путешествие». Самоанцы менее точны. Они употребляют много красивых и витиеватых слов, пускаются в лабиринты традиций и ритуалов, пока ошеломленный слушатель не поймет, что на Самоа ничего нельзя понимать дословно. С определенным упрощением можно допустить, что понятие «маланга» складывается из путешествия к какой-либо цели и обратного пути, торжественных приветствий, ритуала преподношения корня и церемонии питья кавы, традиционной раскладки принесенных даров, угощений и фиафия. Весь этот ритуал обильно нашпигован речами ораторов, которые в роли хозяев церемонии наблюдают за тем, чтобы все проходило согласно этикету, их подопечным оказывали подобающие им почести и преподносимые взаимно подарки были равноценны. Самые лучшие подношения, разумеется, получают ораторы.

В зависимости от социального состава гостей и хозяев маланга может иметь характер небольшого семейного приема или, напротив, пышного торжества в сочетании с обменом очень ценными подарками и угощени-

ем, которое может привести хозяев на край финансового краха и голода.

Особенно опустошительной формой маланги, которую по результатам можно сравнить с вражеской оккупацией, является визит жителей одной деревни к жителям другой. Предположим, что в Лефага по случаю строительства церкви, свадьбы таупоу или другого дорогостоящего и хлопотного мероприятия иссякли денежные средства, а плантации стоят заброшенными... Что в таком случае делают типичные жители типичной саманской деревни? Может быть, они дружно принимаются за работу? А может быть, ложатся под пальмы и ждут, пока созреют плоды хлебного дерева? Нет, они берут несколько циновок, сиапо или другие предметы, используемые для традиционного подношения даров, и в полном составе с ораторами, вождями, детьми, женским комитетом и почтенными старцами отправляются, например, в деревню Салани, где (о чем заранее известно) хорошо уродилось таро и жители которой живут в довольстве.

Хозяева прячут глубоко в сердце жалость к самым лучшим свиньям и с улыбкой угощают, кормят и развлекают гостей. Когда еда подходит к концу, гости с достоинством удаляются, разумеется, выразив хозяевам чувства уважения и забрав с собой корзины с остатками еды. Саланинцы стискивают зубы и ждут подходящего случая, чтобы отплатить лефаганцам тем же самым. Впрочем, маланга, если ею не злоупотреблять, имеет много плюсов. Она заменяет городские развлечения: театр и кино, сближает людей, дает возможность обмениваться новостями и установить полезные взаимоотношения. Но прежде всего она заменяет кассу взаимопомощи. Голод не угрожает никому, пока соседу есть что положить в кастрюлю. Принцип делиться с нуждающимися на Самоа соблюдается весьма твердо, а традиция жестоко мстит тем, кто проявляет чрезмерный интерес к бренным благам.

В деревне Фалелатаи жила когда-то одна женщина, которая прятала еду от родственников. Семья тщетно пыталась вылечить ее от этого порока, но когда уже стало невозможно скрывать перед деревней постыдную правду, ей отрезали палец на руке и захоронили его на мысе Усу, насыпав над ним холмик, который можно

видеть и сейчас. Поговорка «объявиться на мысе Усу» означает, что правда, как масло, всегда всплывает на поверхность.

Со своей стороны, гости тоже не должны испытывать терпение хозяев и прощаться с ними надо до того, как хозяев постигнет полный экономический крах. Тем, кто не придерживается этого принципа, деликатно намекают: *ya afu le laufale* (циновки на полу взмокли).

Маланга — основной элемент фаасамоеа. Ее не удастся искоренить без перестройки всего существа самоанской общественной системы, и она наверняка не исчезнет по указанию сверху. Такие попытки в прошлом предпринимались неоднократно, но результаты оказались ничтожными.

Когда в 1923 г. Джордж Ричардсон стал администратором подмандатной территории Новой Зеландии, он с энтузиазмом и самыми добрыми намерениями стал перекраивать самоанцев на европейский образец. Его шокировало то, что время, деньги и материальные блага расточаются здесь так непродуктивно. Поэтому он издал законы, направленные против самоанских традиций. Тем самым Ричардсон обратил против себя лично и новозеландской администрации большую часть самоанского общества и способствовал возникновению оппозиционного движения «мау». В конце концов, огорченный и обескураженный, он покинул страну, а обычаи островитян остались без изменения.

Наша маланга на Аполиму, вопреки мрачным прогнозам метеорологов, началась удачно. Вода напоминала прозрачный бледный изумруд. Когда мы приблизились к острову Маноно и из массы зелени начали выделяться отдельные пальмы и дома на белом пляже, лодка вошла в беспокойные воды над коралловыми рифами. Узкими, незаметными для нас проходами капитан вывел нас в открытое море. Там лодка заколыхалась на волнах. Качка стала неприятно сказываться на вестибулярном аппарате. Наши лица позеленели и с тоской повернулись в сторону Аполимы. Из моря вырастали его отвесные голые берега, напоминающие каменные башни. Плоская вершина замыкала кратер. С восточной стороны после небольшого уклона она образовывала площадку, на которой стоял маяк. Тут же перед ним скалу прорезала широкая неправильной формы

расщелина, а ее стены, как крылья, окружали маленькую бухточку и деревеньку с миниатюрной плантацией копры.

Когда мы на безопасном расстоянии обогнули остров, то увидели на горе прыгающие фигурки людей.

— Это дети нас заметили,— сказал капитан.— Сейчас они известят деревню о прибытии лодки.

Вскоре мы оказались прямо перед входом в залив. Он был с двух сторон зажат в каменные клещи, причем проход между ними не превышал трех метров. Через него с громким шумом и шипением перекачивались волны. Лодка пошла медленнее и почти остановилась. В тот момент, когда вода вздулась и поднялась высокой волной, лодка на полной скорости проскользнула по ее вершине, проскочила скалы и повернула налево, чтобы обогнуть риф, торчащий из воды прямо напротив прохода. Вся эта процедура заняла считанные секунды. Стоило капитану на мгновение ослабить внимание, и вместо Аполимы мы осматривали бы дворец бога осьминога в подземном мире Пулоту.

В заливе лодка остановилась. На пляже нас ожидала делегация старейшин и стайка щебечущих ребятишек. По узкой тропе через зеленую котловину нас провели к дому пастора. Он был празднично украшен гирляндами цветов; столбы, подпирающие крышу, обвивали пальмовые листья и пестрели вырезками из иллюстрированных журналов. Дорогие автомобили, улицы больших городов... Красивые девушки, запечатленные на фотографиях, протягивали заиндевевшие бокалы самоанским вождям. «Весь современный элегантный мир пьет сухое мартини!» — кричали жирные буквы на столбах хижины посреди океана.

Рукопожатия, приветствия... И вот мы уже сидим на пригостовленных циновках. Дом был обычный — открытый, продуваемый и пустой с одним-единственным предметом — большой тяжелой кроватью, которая нахально не скрывала свое европейское происхождение. Она была, как в польской деревне, высоко застелена, только вместо вышитых подушек здесь лежали стопки циновок. Я заподозрила, что они имеют чисто декоративное значение, чтобы поднять престиж пастора, так как на полке под потолком лежали свернутые спальные циновки.

Нам принесли кокосовые орехи, полные терпкого молока, и подкрепившиеся ораторы приступили к предписанным в таких случаях речам. Я слегка оперлась на край кровати. Ноги, согнутые по-турецки, немилосердно болели. Чтобы отвлечь свое внимание от истязаемых конечностей, я начала рассматривать циновки на кровати. Они свидетельствовали о богатстве дома. Самая красивая, почти белая, лежала сверху. Я пощупала ее кончиками пальцев. Мягкая и шелковистая, тонкого и искусного плетения — это была иетонга высшего качества.

— Почему сейчас не плетут циновки иетонга? — спросила я пастора, когда после окончания речей мы ожидали каву.

— Потому что у женщин на это нет времени. Раньше молодые мужчины работали на плантации, принадлежащей их семье, а женщины занимались домашними делами и рукоделием. Теперь все больше людей трудятся ради заработка. Мужчины уходят из деревни, а женщины вынуждены занять их место на плантации. Плетут они только то, что крайне необходимо, и то, что можно сделать быстро: напольные и спальные циновки, корзины, а также другие вещи, предназначенные для продажи. Еще кое-где старухи плетут иетонга, но их становится все меньше.

Подали каву. Пастор не доверял нашему знакомству с самоанскими обычаями и давал краткие пояснения и инструкции.

— Всегда выливайте несколько капель кавы на землю, — сказал он. — Раньше мы делали это ради языческих богов, а с того момента, как стали христианами, совершаем этот ритуал в честь единого бога. Мануиа! Пусть он счастливо доведет вас назад в Уполу.

Удивительно? Нет, типично. Самоанцы обладают поразительной способностью наполнять новым содержанием старые формы. В соответствии с эпохой они легко и непринужденно меняют интерпретацию древних обрядов, оставляя их внешнюю форму неизменной.

— Вы знаете доктора Гаральдсона? — продолжал пастор.

Да, мы его знали. Сикстен Гаральдсон, шведский врач, большой оригинал и общественный деятель, работал на Самоа в качестве эксперта Всемирной орга-

низации здоровья. Он много ездил по островам и знал фаасамоа так, как никто другой. Заседал с вождями на деревенских советах фоно, пил с ними каву. В конце концов, дело неслыханное — вожди острова Аполима предложили ему титул матаи. Он его принял. Следующим этапом для Гаральдсона было финансирование *саофаи* — традиционной церемонии, во время которой вновь испеченного матаи утверждает деревенский совет, и он получает первую чашу кавы уже с новым именем. Потом Сикстен устроил угощение, благодаря которому завоевал сердца всех жителей Аполимы.

— Ай, ай, что это была за *фиафия*! — чмокал от удовольствия губами пастор два года спустя, после того как Сикстен уехал из Самоа.

Гаральдсон был нетипичным матаи. Он не облагал усыновленную семью контрибуцией, не заставлял ее расплачиваться с ним ни деньгами, ни натурой, а, наоборот, поддерживал ее материально и помогал в трудную минуту. Поэтому нет ничего удивительного в том, что освободившийся после него титул вожди преподнесли другому скандинаву.

Когда чаша с кавой обошла всех собравшихся, внесли свертки с нашими подарками. Для европейцев эта часть церемонии немного неприятна. По очереди вытаскивают из ящика банку писупо, пачку сигарет, бутылку керосина и поднимают над головой, чтобы все могли видеть. Расхваливают подарки на разные лады и вручают тому лицу, которому предназначил оратор, представляющий подарки присутствующим. Точно так же поступают и с деньгами, которые охотно принимают в качестве дополнения к подаркам или их замены. Деньги передают соответствующему лицу после того, как поднимут вверх и объявят общую сумму.

Эта система имеет и положительную сторону. Она не дает возможности что-то утаить, приносит удовлетворение дарящему, если его подарки соответствующего качества и представлены в должном количестве. В то же время она заставляет мучиться от стыда тех гостей, которые хотели бы просто отделаться от своей обязанности.

После окончания этой части торжества девушки принесли на подносах из пальмовых листьев порции клейкого *фаауси* и кокосовую скорлупу со сладким супом

ваисало, особенно полезным кормящим матерям. Готовят его из мякоти и молока кокосового ореха с добавлением тапиоки. Порции были обильными. Каждая из них могла бы насытить целую палату родильного дома. Но, к счастью, фаасамое не предписывает опустошать тарелки полностью. Поданное блюдо имело характер скорее символический. Впрочем, за порогом всегда толпятся голодные ребятишки, которые в мгновение ока уничтожат все объедки со стола взрослых.

— Теперь до обеда у вас есть свободное время, — сказал пастор, когда мы отодвинули от себя скорлупу с супом и подносы из пальмовых листьев. — Вы должны ознакомиться с церковью и посмотреть реку.

Мы с восхищением качали головами, увидев величественную церковь и ручей с кристально чистой водой, который жители Аполимы с некоторым преувеличением называют рекой. Потом поднялись в гору на то место, где на выступе отвесной скалы стоял маяк. К нему сквозь заросли вела узкая тропинка.

Мы с трудом карабкались по скользким камням и даже не заметили, как Магда, опередив нас, исчезла в кустарнике. Когда перед нами предстал освещенный солнцем лысый череп Аполимы, я увидела Магду. Она стояла, повернувшись лицом к морю, на краю каменной площадки, в нескольких сантиметрах от... пропасти. Маленькая, смешная, с мышинными хвостиками косичек и мишкой Робинзоном под мышкой, она четко выделялась на фоне раскаленного неба. За ее спиной, как мне показалось, толкались смеющиеся подростки. Моя реакция была нелогичной, но типичной для такого случая. Отведя Магду в безопасное место, я ее тут же отшлепала, испытывая извращенческое удовольствие от того, что было кого бить. Сколько раз я заглядывала вниз, столько же раз мне хотелось начать лупить Магду сначала. К сожалению, я слишком поздно заметила, что за нами наблюдают удивленные коричневые мордашки. Самоанские матери иногда пугают своих детей такими словами: «Веди себя хорошо, а то тебя папаланги заберет». Хоть дети здесь и привыкли к ежедневной порции подзатыльников и шлепков, поведение женщины экзотического вида вызвало среди них панику.

На обратном пути нас сопровождала группа испу-

ганных мальчишек. Стоило нам на кого-нибудь из них посмотреть, как мальчуган с отчаянным криком убежал в кусты. Позднее наши отношения с детьми немного улучшились ценой, стыдно признаться, низкой взятки фруктами.

В деревне нас уже ждал обед, разложенный на циновках. Мы сели по-турецки; женщины — с одной, мужчины — с другой стороны, а хозяева по самоанскому обычаю сели отдельно, на другом конце фале. Одна группа девушек быстро и ловко подавала и убирала блюда, другая — стояла за нашими спинами и веерами из листьев на длинных палках отгоняла тучи мух. В этот момент налетел первый порыв ветра. Он поднялся неожиданно, сдул несколько циновок, покружил и утих. Хозяева спустили панданусовые занавески, но я успела заметить, что на море поднялись волны и вдалеке показались пенистые гребни.

Я почувствовала легкое беспокойство. Мы кончили трапезу, девушки сняли с лиственных гирлянд под толчком традиционные зеленые ула и набросили их нам на шею. Я забыла о торнадо... Не каждый же день видишь собственного мужа, увенчанного босоногими красотками.

Потом демонстрировали свои успехи дети. Первый класс показал свое знакомство с алфавитом:

— Я — это буква А. А — это Алофа. Алофа значит любовь. Любовь важнее всего на свете.

От недоедания у ребятишек худые ручки и ножки. Каменистая земля Аполимы родит очень немного кокосов и таро, которых не хватает для того, чтобы наполнить восемьдесят желудков. А число их растет. Что ж — длинные, скучные вечера, нет электричества, развлечений... Ничего нет удивительного в том, что здесь прирост населения выше, чем в других частях страны. В 1951—1956 гг. он возрос на 38%. Из-за перенаселенности острова правительство выделило на западном побережье Уполу немного земли, где построили деревню Аполима Фоу, которая дает приют излишнему населению Аполимы.

Дети покончили с алфавитом и перешли к цитатам из Библии. Пропели несколько псалмов тонкими, писклявыми голосами, а потом их глаза засверкали, босые пятки принялись выстукивать ритм, так как подошло

время сивы. Дочь пастора, полная крутобедрая девушка, заиграла на укулеле, дети же (а за ними молодые люди и взрослые) выбежали на середину фале. Они покрикивали, хлопали в ладоши и передвигались на плоско поставленных ступнях по циновке — носки внутрь, пятки наружу; пятки наружу, носки внутрь.

— Знаешь, мама, чтобы так танцевать, нужно иметь грязные ноги, — шепнула мне Магда, эксперт по сиве в нашей семье. Действительно, босые ноги с тонкой пленкой песка на подошве легко передвигаются по гладкой циновке, чистые — «цепляются» за пол, прилипают к нему, так как на них всегда имеется тонкая пленка пота.

Дети подбежали к нам и поклонились. Мы поднялись на затекшие ноги, болезненно сознавая свою неполноценность. Только Магда танцевала как самоанка. Для нее сива была тем же, что для нас в ее возрасте краковяк.

Между тем ветер разгулялся вовсю. Он поднял тучи мелкого песка на пляже, сдувал пыль с пола, поднимал панданусовые циновки и гнал между скалами большие пенистые волны. Море выглядело, как взбунтовавшееся стадо овец. Когда дочь пастора великолепно исполнила прощальную сиву, хозяин в традиционной форме намекнул нам, что пора расставаться. Тут мы поняли, что он не без причины отливал каву с пожеланием нашего счастливого возвращения на Уполу.

Могущество техники

Увешанные венками, цветами, мы боязливо спустились к лодке, которая показалась нам маленькой и ненадежной, а капитан — молодым и неопытным. Наши скандинавские друзья, хоть и были потомками викингов, высказывали те же самые сомнения.

— Не лучше ли отложить отъезд до вечера или даже до завтрашнего дня? Море очень беспокойно, — сказал Ганс Гульструп, бородатый экономист. Но жители Аполимы безгранично верили в возможности техники.

— Да, море немного волнуется, но на моторной лодке вы в полной безопасности.

Что ж, самоанцы и сейчас выплывают далеко за

рифы в маленьких каное, а их предки преодолевали расстояние между островами вплавь, держась за высушенный кокосовый орех как за спасательный круг. Нам не оставалось ничего другого, как послушно сесть в лодку и грустно помахать всем восьмидесяти жителям Аполимы, которые высыпали на берег. До нас еще доносились звуки укулеле, на котором брэнчала дочка пастора. Последнее *Фаафетаи тофа соифуа* смешалось с шумом моря, когда нос нашей лодки развернулся в сторону расщелины в скалах.

Мощная волна покатила в сторону лагуны. Как только она оказалась над проходом, мотор заворчал изо всех сил, лодка выскочила в открытое море и помчалась вперед наперекор волнам, отбрасывающим ее на скалы. С первой же минуты мы перестали видеть и слышать. Я не могу сказать, что лодку качало, бросало или с ней творилось нечто подобное. Я не буду говорить, что нас перебрасывало с одной волны на другую, так как большую часть времени мы провели не на воде, а под водой. Помню, что одной рукой я уцепилась за тонкую жердь, поддерживающую брезент, а другой стиснула плечо одетой в спасательный жилет Магды, которая буквально вползла под лавку.

Только спустя некоторое время я начала различать среди грохота волн прерывистое фырканье мотора. Потом до меня донесся голос Збышка. Со всем таким, который ему удалось мобилизовать, он экзаменовал капитана в области техники. К сожалению, слишком поздно. Оказалось, что технические познания экипажа ограничивались формулой: «хочешь ехать — залей топливо».

— А вы сумеете исправить двигатель, если он заглохнет?

— Не заглохнет.

— А если все же такое случится?

— Не заглохнет, потому что этого с ним ни разу не случилось.

Успокоенная, я воспользовалась тем, что нас на секунду выбросило на поверхность, и открыла глаза. Их тотчас же залило соленой водой, и они затуманились слезами. Но я успела заметить, что черная стена Аполимы удаляется от нас с черепашьей скоростью. В лодке не было весел, спасательных поясов, ничего такого, что хотя бы создавало видимость безопасности.

— Мама, мы не потонем? — допытывалась из-под лавки Магда.

Когда мы преодолели первые несколько сотен метров, напор волн немного ослаб. Несмотря на сильный ветер, светило солнце и обрушивающаяся на нас масса воды искрилась всей гаммой цветов. Как на сюрреалистической картине смыкались над лодкой салатого цвета раковины, глазурированные перламутровой пеной и обшитые оборками радуги. Потом снова открылось небо и осыпало нас дождем мелких брызг. Я вытерла лицо куском мокрой тряпки. Вдруг какое-то движение по правому борту привлекло мое внимание:

— Дельфины, смотрите, дельфины!

Почти в четырех-пяти метрах от лодки толстые, округлые, но поразительно ловкие тела выскакивали на гребни волн, описывали вместе с ними в воздухе широкие дуги, ныряли и исчезали под водой, снова взмывали вверх, сверкнув серебристым брюхом, и с грациозностью балерины уходили в глубину так близко от лодки, что можно было дотронуться рукой до их темных спин. Мы стали обрывать с ожерелий зеленые листья и бросать их в воду. Дельфины вели себя, как дети, скользили рядом с лодкой, выскакивали из воды и прятались под лодку. Я не знаю, сколько их было. Двигались дельфины так стремительно, что мы не могли их сосчитать. Капитан, взволнованный, как и мы, все время повторял, что если лодку сопровождают дельфины, то с ней ничего не случится. Животные доплыли с нами почти до самых рифов у Манано. Но еще раньше мы увидели косяк летающих рыбок. Маленькие рыбешки, словно бабочки, парили на распростертых плавниках-крылышках несколько десятков метров, падали, снова поднимались и пропадали под водой.

Там где-то под танцующими дельфинами и рыбками-птичками, среди кораллов и водорослей, лежали останки старой «Дакоты» DC3, той самой, на которой мы прилетели на Самоа. Под обломками серебристо-коричневых листов металла, теперь уже, наверное, поржавевших, обрели вечный покой широколицый штурман и два веселых пилота. Причина катастрофы так и осталась неустановленной. «Дакота» вылетела вечером в испытательный полет перед рейсом в Нанди, который должен был состояться на следующее утро, но так и

не вернулась. Свидетели, главным образом рыбаки, ловившие ночью рыбу, по-разному описывали катастрофу. Одни говорили, что самолет взорвался в воздухе, другие, что он падал целым и разбился только при ударе о воду. В это время в Апия находился новозеландский военный корабль. Несколько дней он вел поиски в водах, между Манано и Аполимой, но так ничего и не нашел. Созданная комиссия пришла к слабо аргументированному заключению: в полете отвалились дверцы, которые и разбили рули.

Через несколько месяцев исчезли с поверхности моря последние следы катастрофы — масляные пятна на воде и пучки цветов, брошенные женами и друзьями пилотов. Но время от времени всплывает в памяти назойливый звук: сильный гудок сигнальной сирены корабля, идущего к месту катастрофы, реквием для «Дакоты».

Мы преодолеваем рифы. Ветер усилился, волны поднялись, и капитан, несмотря на доброе предзнаменование, которое принесли дельфины, не решался плыть прямо к Уполу. Он повернул к Манано, в лагуну, закрытую островом от ветра. Обычно кто-нибудь с носа или крыши лодки высматривает проход между рифами. Но сегодня было бы невозможно удержаться там или увидеть дно сквозь кипящую воду. Мы плыли вслепую, медленно, осторожно. Бочком пройдя мимо взбесившихся волн, лодка завернула в лагуну.

Разница была настолько разительна, что некоторое время мы сидели ошеломленные. Вода здесь была тихая и гладкая, солнце улыбалось, как добрый дядя, только за нами, на рифах, стояла отвесная стена пены. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. Ну и чучела! Волосы слиплись косицами, лица выкрашены травянистой зеленью, одежда прилипла к мокрым спинам. Вода в лодке достигала голени. В ней плавали резиновые сандалии, истрепанные цветы и листья, грязные тряпки, в которых с трудом можно было распознать части нашей одежды.

Мы плыли вдоль пасторального Манано. Рядом с берегом возвышались два маленьких скалистых островка. Первый торчал из воды у самой границы рифов. На нем росли три согнувшиеся потрепанные ветром пальмы, под которыми виднелись остатки какого-то сооружения.

— Это могила вождя с Маноно. Он приказал похоронить его так, чтобы лицо было повернуто в сторону могилы его жены.

— А где находится ее могила?

— Там, на другом острове, — капитан указал пальцем на каменистый холмик, отделенный от Маноно полоской воды в несколько метров.

— Почему они просили похоронить себя так необычно?

Капитан пожал плечами. Кто их знает? Все нормальные люди спят в земле у порога родного дома, рядом со своими близкими — живыми и мертвыми. А эти? Могилы у них на отшибе, разрушаются от волн и ветра, разделены друг от друга лагуной. Это блажь вождей — вот что это такое.

Таков был конец нашей самоанской маланги.

Расставание

Приближалось время нашего отъезда с Самоа. Все быстрее проходили месяцы, недели, дни. Последняя поездка на южное побережье, последняя экскурсия в подводные коралловые сады, последняя прогулка на лодке паопао... Потом последнее рождество у маленькой пальмочки, украшенной свечками.

«And now Christmas in Poland»¹ — объявил диктор самоанского радио, и из репродукторов полились мелодии полонезов и мазурок, самые красивые и прекрасные, любимые с детства. На самоанской радиостанции осталась пластинка, которую будут каждый год прокручивать на рождество до тех пор, пока звуки ансамбля «Мазовше» не сотрутся и не охрипнут, а пластинку не сдадут в архив использованных и ненужных вещей.

За два дня до нашего отъезда с Самоа я решила съездить на Савайи тем более, что представился удобный случай. Эгги Грей организовала такую поездку для какой-то американской пары из Чикаго. Я могла к ним присоединиться без особых хлопот и оформлений. Пара оказалась чешского происхождения, но моя радость была недолгой, так как мой попутчик, заработавший на

¹ А сейчас рождество в Польше (англ.).

торговле верхней одеждой кругленькую сумму, был ко всему, что происходило «с нашей стороны Европы», настроен по меньшей мере агрессивно и не скрывал этого. Кроме того, после своего довольно скандального поведения на пути до пристани Мулифануа он нашел себе еще одну жертву в образе нашего гида.

— Что за порядки! — набросился он вдруг на нее, указав обвинительным пальцем на заглохшую моторную лодку, которая должна была доставить нас на Савайи. — Я пожалуюсь куда следует! Я потребую, чтобы мне вернули деньги!

Капитан со стоическим хладнокровием жевал мундштук сигареты и смотрел прямо перед собой каменным взглядом.

— Сейчас придет другая лодка. Нужно только немного подождать. У нас старые лодки, и они часто выходят из строя, — любезно объясняла американцу сопровождавшая нас женщина.

— Что значит — сейчас? Лодка должна была ждать нас. Если вы немедленно не дадите другую, то я сделаю из этого соответствующие выводы!

Капитан веселыми глазами обвел взглядом опустевшую пристань, пять мешков с копррой и море без единой лодки.

— Что, нет другой? Тогда я хочу вернуться в Апия.

— Машина уже ушла и вернется только вечером.

Я воспользовалась тем, что мой спутник задохнулся от возмущения, и села в отдалении. Закрыла глаза и попыталась сконцентрировать свое внимание только на дуновении влажного ветерка, несущего с берега запах тины и водорослей, на тепле солнечных лучей и убаюкивающем шуме моря. Было так хорошо и спокойно, что даже воинственный турист на время утратил свой боевой пыл. Солнце пригревало все сильнее, и над всеми запахами начал превалировать сладковатый запах копрры. Ах, всегда и везде будет он напоминать мне острова Самоа. Теперь всегда будет он для меня запахом тоски...

Через час пришла моторная лодка.

— На противоположном берегу нас будет ждать машина? — допытывался господин из Чикаго, который был неуверен, подняться ему на шаткую палубу или остаться.

— Да, водитель «Лендровера» предупрежден по телефону.

Когда мы приехали в Салелолога, то не застали на пристани ни водителя, ни «Лендровера», ничего, что хотя бы отдаленно напоминало автомобиль. Я не скажу, что это меня удивило, так как, прожив на Самоа три года, знала, в каком состоянии находятся дороги и техника. Я знала, что даже при самых добрых намерениях можно не избежать аварии. Но моему попутчику не хватало той терпимости, которую приносит общение с островитянами.

— Я плачу, и я требую! Верните мне деньги! — кричал он, сея страх среди самых маленьких жителей Салелолога. При этом он смотрел на меня такими глазами, которые ясно давали понять, что он знает, кого должен благодарить за такое оскорбительное отношение к нему, и хорошо это запомнит...

Гид зашла в один из домов на пристани, а когда через минуту оттуда вышла, сразу было видно, что у нее приятные новости.

— Сейчас придет автобус, — сказала она.

Мистер позеленел.

— Я не... — начал он прерывающимся голосом, но тут, видимо, понял, что произносить дальнейшие слова совершенно бесполезно, и умолк, не закончив фразу.

Подошел автобус. И тут оказалось, что он будет целиком в нашем распоряжении. Господин тотчас подсчитал, сколько потеряно денег из-за пустующих мест, и просиял. Все-таки его здесь оценили. А я... я втихомолку вздохнула, пожалев всех тех, кто где-то на дорогах Савайи будет тщетно ждать автобуса. Я не спросила даже, чей родственник водитель.

Мы ехали среди плантаций кокосовых пальм, через зеленые джунгли и солнечные деревни. Последний раз, последний раз, последний раз... хрипел старенький двигатель. Мы ехали по пыльным полям лавы и по песчаному пляжу.

Последний раз! — кричало море на прибрежных камнях.

Наступил день отъезда. Мы вошли по качающемуся трапу на палубу парохода «Матуа», того самого, кото-

рый вот уже много лет наведывается в апийский порт, забирая самоанскую копру и бананы для Новой Зеландии.

— Он еще ничего, — говорит о пароходе боцман Збышек Крыницы, родом из Брежан. — Только каное не любит.

— Почему?

— Потому что оно стукнуло его в Сува и пробило большую дыру на корме.

Мы стояли на палубе, согнувшись под разноцветными ула. Печальна и трудна была минута расставания. Быстро темнело, и на молу зажгли маяк. Прощальные ожерелья — красные, розовые и белые из цветов гибискуса, пахнущих акацией, из бело-золотистых пуа, пурпурные и пушистые из цветов пламени леса, нежные из лиловых орхидей — все вместе они благоухали, как наш сад с наступлением темноты, и усиливали грусть расставания. Девушки из «нашей» деревни танцевали и пели. Мы знали их всех. Они приходили в наш сад за манго, цветами, кокосовыми орехами. В самом начале, как только мы приехали в деревню Ваиала, к нам подошли дети.

— Куда идешь? — всякий раз спрашивали они, когда я выходила из дома. — Как тебя зовут?

Наши имена оказались для них слишком трудными. Поэтому ребятишки заменили их на... Лола.

— Куда идешь, Лола? Как поживает маленькая Лола? (Магда). А большой Лола? (Збышек).

Потом они выучили наши имена и подружились с Магдой, помогавшей им собирать сухие ветки для топки уму и цветы, из которых они плели ожерелья для старших сестер, выступающих в отеле Эгги Грей. В день отъезда они принесли нам небольшие прощальные подарки — ракушки, черепаховые кольца, ула из цветов...

Все они пришли в порт. Когда «Матуа» отвалил от мола и медленно пошел вдоль набережной, дети начали срывать с шеи и головы венки. Разноцветным роем полетели они к Магде. Серпантин, соединявший нас с этой землей, дорогими и близкими людьми, натягивался и рвался. Расплывались во мраке лица друзей. По древнему обычаю мы бросали в воду одно за другим ожерелья из гибискусов, пуа, нону и последним самый краси-

вый — из орхидей. Какое-то время венки еще качались на волнах...

Когда мы отошли на целую милю от берега, стало совсем темно. Только в том месте, где сорок деревень образовывали Апиа, вспыхнула гирлянда огней. Слева от светового пятна порта виднелась черная щербинка. Там остался наш дом с темными окнами.

В лагуне зажглись блуждающие огни. Это рыбаки вышли на ночной лов.

Итак, один из знакомых пани Воляк, разыскивая на карте Архипелаг мореплавателей, спутал полинезийские острова Самоа с греческим Самосом. А сможем ли мы с вами сразу найти Самоа на географической карте? Что вообще мы знаем об этом независимом государстве Океании? И что нового узнали мы о нем, прочтя эту книгу?

Достоинства и недостатки книги Е. Воляк «Архипелаг мореплавателей» определяются в значительной мере особенностями самого жанра, избранного автором. Читатель, который специально интересуется Океанией, возможно, будет отчасти разочарован, не найдя в книге ответа на ряд вопросов, которые кажутся ему важными для понимания истории и культуры этого района мира. Но я уверен, что как подготовленный, так и «широкий» читатель найдет в записках Е. Воляк очень много нового — яркие зарисовки самоанского быта, обоснованные суждения о путях развития одного из центров традиционной полинезийской культуры. Главное, что он ощутит себя путешественником вместе с автором по этим необыкновенным островам, населенным красивыми, жизнерадостными и гостеприимными людьми, и, ощутив это, уже не сможет остаться к ним равнодушным.

С тех пор как пани Воляк, ее муж Збышек и дочь Магда покинули Самоа, прошло уже несколько лет. Жизнь между тем движется вперед. Многого изменилось с тех пор на Самоа. Давно уже отстроено новое здание парламента, символ нового Самоа. Меняется облик самоанской деревни. Все более остро дают о себе знать проблемы, которые еще недавно были едва уловимыми. Наконец, многое сделано за эти годы и учеными — исследователями истории Океании, и благодаря этому сегодня мы можем с большей степенью определенности говорить о далеком прошлом самоанцев и полинезийцев вообще. Читатель, несомненно, знает о двух противоположных теориях заселения Полинезии. Одна из них может считаться традиционной: она связывает появление предков современных полинезийцев на островах Тихого океана с миграцией неолитического населения из Юго-Восточной Азии. Другая теория, главным сторонником которой остается сейчас известный норвежский этнограф и путешествен-

ник Тур Хейердал, предполагает перемещение предков полинезийских народов в обратном направлении — с Американского континента. Все, что сделано за последние годы в области океанической археологии и лингвистики, делает доводы Хейердала и его сторонников все менее и менее убедительными. Находки, в частности, древнейшей керамики на островах западной части Полинезии свидетельствуют, что первые поселенцы архипелагов Тонга и Самоа, несомненно, пришли с запада, из Меланезии. Полагают, что освоение полинезийцами островов Самоа, первоначально бывших необитаемыми, произошло в конце IV века до н. э.

Самоа суждено было стать в дальнейшем тем источником, из которого питалась культура многих соседних архипелагов. Полинезийскому этнографу Те Ранги Хироа его родина рисовалась в виде гигантского спрута, щупальца которого постепенно распространялись все дальше и дальше по территории треугольника Гавайи — Новая Зеландия — о-в Пасхи. Если принять эту метафору, можно сказать, что у спрута несколько голов и одна из них находится на Самоа.

Не одинаково сложились судьбы различных народов Океании. Колониальное господство европейских держав — самая темная страница истории этой части земного шара. Она и сейчас еще, когда в Океании одно за другим возникают независимые государства, дает о себе знать. Но по-разному. На Новой Гвинее колонизаторы не сумели разрушить основы традиционного уклада жизни: сегодня этот огромный остров остается конгломератом многочисленных племен, еще недавно живших в условиях бесклассового общества, а сегодня стоящих на пороге будущего этнического и национального сплочения. На Науру, напротив, господство колонизаторов привело к почти полному разрушению традиционной культуры. Иначе обстоит дело на Самоа. Пройдя через многие десятилетия иностранного владычества, самоанцы сумели сохранить свою самобытную культуру и свой собственный образ жизни — фаасамое.

Каким путем пойдет развитие этой культуры в будущем?

Этот вопрос волнует сейчас многих на Самоа и прежде всего — молодежь, чувствующую на себе ответственность за дальнейшие судьбы своего народа.

Передо мной журнал, издаваемый в колледже Самоа, учебном заведении, готовящем кадры местной интеллигенции. «Когда весь мир движется вперед,— читаю я в статье Эти Саанга, студента колледжа,— и наш маленький мир движется вместе с ним, для нас, молодых самоанцев, стремящихся найти свое место в жизни, очень важно понять пружины, приводящие в действие наше общество. Многое в нем кажется жестоким. В результате влияния западного

образа жизни фаасамоеа в значительной мере утрачивает свою самобытность...». Статья эта названа «Доброе имя: что это такое?». В ней поднимаются те острые проблемы, которые требуют сейчас своего решения и волнуют умы молодого поколения самоанцев.

Действительно, фаасамоеа претерпевает изменения. Достаточно отчетливо проявляется это в сфере материальной культуры. Еще недавно благосостояние семьи на Самоа определялось количеством принадлежащих ей свиней, таро, циновок и тапы. Сегодня эти традиционные предметы самоанского быта постепенно уступают свое место другому. Если в 1961 г., согласно официальной статистике, 80,3% всех жилищ на Самоа были традиционными, то уже через пять лет их доля в общем по архипелагу сократилась до 73,4%. Модернизация культуры и быта — процесс, все более властно прокладывающий себе дорогу на Самоа. Его сопровождает трансформация всей системы традиционных представлений и обычаев.

За 15 лет независимости Самоа-и-сисифо, как официально называется суверенное государство Западное Самоа, достигло значительных успехов в развитии национальной экономики. Делают свои первые шаги молодые отрасли обрабатывающей промышленности — лесной, рыбоконсервной, мясной. Увеличилось производство электроэнергии. Сокращается дефицит экспортно-импортного баланса. Но наследие колониального прошлого все еще сковывает потенциальные возможности страны. Будущее покажет, какой путь выберет Самоа-и-сисифо для того, чтобы идти к новой жизни, веяние которой уже нельзя не почувствовать над Архипелагом мореплавателей.

М. В. Крюков

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

2000 г. до н. э. — 950 г. н. э. — Предположительное время появления полинезийцев на островах Тихого океана.

950—1250 гг. — Период войн с островами Тонга и тонганской оккупации Самоа. Победа над тонганцами основателей рода Малиетоа.

1500—1600 гг. — Приблизительные годы правления Саламасины, первой королевы Самоа.

1722 г. — Открытие островов Самоа голландским адмиралом Якобом Роггевеном, руководителем экспедиции трех кораблей. Благодаря запискам К. Ф. Беренса, участника экспедиции, Европа получила первые сведения о Самоа.

1768 г. — Луи Антуан де Буганвиль на фрегате «Лябудес» заходит на Самоа и называет острова Архипелагом мореплавателей.

1787 г. — Парусники «Астролябия» и «Буссоль» под командованием Жана Франсуа де Лаперуза подходят к островам Мануа и Тутуила.

1791 г. — Английский военный корабль «Пандора» заходит на острова Самоа в поисках матросов, поднявших мятеж на «Баунти».

1830 г. — Джон Уильямс из Лондонского общества миссионеров высадился в деревне Санапалии на Савайи. Все население островов принимает христианство. Малиетоа Ваинупо становится королем Самоа.

1841 г. — Умирает Малиетоа Ваинупо. Междоусобная борьба великих родов за трон.

1847 гг. — Англия основывает в Апия свое консульство.

1848 г. — Впервые в самоанской войне используется огнестрельное оружие.

1853 г. — Соединенные Штаты открывают в Апия свое консульство.

1855 г. — Немецкая фирма «Дж. К. Годфрой и сыновья» из Гамбурга открывает свое представительство на Самоа.

1861 г. — Германия основывает свое консульство в Апия.

1868 г. — Малиетоа Лаупепа становится королем. Борьба за власть между великими самоанскими родами.

1874 г. — Малиетоа Лаупепа и Тупуа Пулепуле делят между собой королевскую власть.

1876 г. — Междуцарствие. Борьба за власть между великими самоанскими родами.

1879 г. — Подписание договора с Германией, на основе которого Германия получает право заложить морскую базу в Салуафата. Провозглашение королем Малиетоа Талавоу.

1880 г.—Провозглашение королем Малиетоа Лаупепа. Протест великих вождей Матаафа Иосефо и Тамасесе.

1881 г.—Коронация Малиетоа Лаупепа тремя консулами. Округи Аана и Атуа провозглашают королями (поделив между ними власть) Матаафу и Тамасесе. Немецкая фирма «Deutsche Handels und Plantagen Gesellschaft der Südsee Inseln zu Hamburg» впервые использует меланезийских рабочих на самоанских плантациях.

1888 г.—Правительство обвиняет короля Малиетоа Лаупепа в провоцировании скандала в местном отеле в день рождения германского императора. Депортация короля и трех вождей на корабле «Адлер» на Маршалловы острова. Сражения в окрестностях Апия.

1889 г.—Великий ураган. Тонут шесть военных кораблей: три американских и три немецких, среди них «Адлер».

Заключение берлинского договора, на основании которого было провозглашено независимое самоанское правительство с королем Малиетоа Лаупепа во главе. Возвращение Малиетоа Лаупепа на Самоа.

1890 г.—Роберт Льюис Стивенсон прибывает на Самоа.

1891 г.—Восстание великого вождя Матаафы, поддержанное Р. Л. Стивенсоном.

1893 г.—Сторонники Малиетоа побеждают Матаафу. Депортация Матаафы и его сторонников на Маршалловы острова.

1894 г.—Умирает Р. Л. Стивенсон.

1895 г.—Тамасесе организует собственное правительство в Леулумознга.

1898 г.—Умирает Малиетоа Лаупепа. Гражданская война.

1899 г.—Аннулирование берлинского договора. Англия отказывается от своих претензий на острова Самоа в пользу Германии и США. Германия захватывает Западное Самоа, а Соединенные Штаты — Восточное.

1905 г.—Извержение вулкана Матавану на острове Савайи.

1914 г.—Начало первой мировой войны. Новозеландские войска высаживаются на Самоа. Военная администрация берет на себя контроль над островами Западного Самоа.

1918 г.—Эпидемия гриппа на Самоа, в результате которой умирает около семи тысяч человек.

1921 г.—От имени Лиги наций Западное Самоа провозглашено мандатной территорией Новой Зеландии.

1926 г.—Начало движения «мау», направленного против новозеландской администрации.

1929 г.—Убийство великого вождя Тамасесе.

1936 г.—Нормализация политического положения на Самоа после прихода к власти в Новой Зеландии Трудовой партии.

1962 г.—Западное Самоа провозглашено первым независимым полинезийским государством.

- Аинга** — род.
- Ауманга** — организация всех нетитулованных мужчин в деревне.
- Кава** — традиционный самоанский напиток.
- Лавалава** — набедренная повязка из одного куска материи.
- Малаэ** — большая площадь в центре деревни.
- Маланга** — путешествие.
- Мана** — сверхъестественная сила.
- Манана** — прекрасный. Предводитель группы нетитулованных мужчин, входящий в состав ауманги.
- Мануиа** — на здоровье!
- Матаи** — титул главы рода. Может означать как вождя, так и оратора.
- Мусу** — печальное настроение и апатия без причины.
- Палоло** — съедобный морской червь.
- Палусами** — самоанское блюдо из листьев таро и кокосового крема.
- Паопао** — небольшая лодка, изготовленная из ствола дерева.
- Папаланги** — чужеземцы. Буквально — пришельцы с неба.
- Писупо** — консервы.
- Саофай** — традиционная церемония и угощение, связанное с присвоением титула.
- Сапелу** — большой нож для резки травы и рубки кустов.
- Соифуа** — формула приветствия или прощания.
- Талофа** — привет!
- Тапа, или сиapo** — традиционная полинезийская ткань.
- Таулеалеа** — молодой мужчина без титула.
- Таупоу** — девушка для церемоний, или деревенская княжна.
- Тоотоо** — ораторский жезл.
- Туфунга** — мастер.
- Тунга** — церемониальный головной убор.
- Ула** — ожерелье (обычно из цветов или листьев).
- Уму** — печь.
- Фаасамоа** — традиционный самоанский образ жизни.
- Фаифеау** — пастор.
- Фале** — самоанский дом.
- Фалефоно** — дом собраний.
- Фалеуму** — кухня.
- Фоно** — совет вождей и ораторов.
- Фиафиа** — торжество с танцами и песнями.
- Фуэ** — ораторский бич. Атрибут звания оратора.
- Фуэсина** — ораторский бич из белого волоса; им пользуются ораторы высокого ранга.

СОДЕРЖАНИЕ

Прелюдия к Самоа	3
Избавьте нас от плавающих богов	9
В деревне	41
Ураган столетия	79
Вожди и ораторы	86
Самоанское меню	119
Церемония питья кавы	127
Поездка на южное побережье	140
Тангалоа, благослови детьми	152
Праздник независимости	187
Остров будущего	199
Маланга на Аполиме	222
Послесловие	240
Краткий перечень основных исторических событий	243
Глоссарий	245

Ева Воляк

АРХИПЕЛАГ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

*Утверждено к печати Редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Л. З. Шварц*
Младший редактор *Л. В. Исаева*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 13289

Сдано в набор 20/XII—1977 г.
Подписано к печати 31/V—1978 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бум. № 2. Печ. л. 7,75.
Усл. п. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,07.
Тираж 30 000 экз. Изд. № 4113.
Зак. № 933. Цена 50 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Отпечатано во 2-ой тип. изд-ва «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10. Зак. 771.

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Выйдут:

Бизли Р. Генрих Мореплаватель. Пер. с
англ. 15 л.

Бычков С. По зеленым холмам Малай-
зии. 9 л.

Родригес де ла Фуэнтэ. Африканский
рай. Пер. с исп. Изд. 2-е. 8 л.

Шенгрен Б. Осколки континента. Пер.
с шведск. 22 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами
книготоргов и «Академкнига», а также по адре-
су: 117464, Москва В-464, Мичуринский про-
спект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой»)
«Академкнига».